

АДМИНИСТРАЦИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Л Фольклор ИЖЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЖАНРОВ

Исследования и тексты

к 1282519

АРХАНГЕЛЬСК

Издательство Поморского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
1998

*Н. В. Дранникова,
И. А. Разумова*

**СОБИРАНИЕ ФОЛЬКЛОРА
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
НА ПРОТЯЖЕНИИ
XIX—XX вв.**

Начиная с XIX в. Европейский Север привлекал к себе пристальное внимание ученых, занимающихся народной культурой. Открытие здесь былин в 60-е гг. XIX в., и несколько позднее А. Ф. Гильфердингом, придало Северу ореол загадочности и превратило его в представлении широкой общественности в своеобразный заповедник и хранилище русской народной культуры. Под Европейским Севером принято понимать территорию, расположенную за 60-й параллелью. Но Север неоднороден. Точки зрения на его районирование разнятся. Это и Крайний Север (современная Мурманская область), и Карелия, и Вологодчина, и некоторые другие прилегающие к ним местности. Бывшая Архангельская губерния оказалась самой отдаленной и миграционно замкнутой частью Русского Севера. Нередко именно этот край ассоциируется с понятием "Русский Север".

Существование различных колониальных потоков, ассимиляция с аборигенным финно-угорским населением привели к образованию многослойной, стадияльно различной культуры, получившей в науке название "поздней", или "вторичной архаики"¹.

Феномен Русского Севера стал объектом научного поиска различных исследователей, пытавшихся разгадать его тайну. В XIX — начале XX в. здесь были сделаны крупнейшие фольклорные открытия. В 1859—1860-е гг. П. Н. Рыбников обнаружил "Исландию русского эпоса". Примерно в это же время Е. В. Барсов записал причитания от И. А. Федосовой. В самом начале XX в. Н. Е. Ончуков впервые зафиксировал традицию народного театра. Перечень этот можно продолжить.

По следам П. Н. Рыбникова в 1871 г. в Олонецкую губернию отправляется А. Ф. Гильфердинг. Результаты поездки оказались блестящими. Летом 1872 г. он снова едет в Олонецкую губернию, но поездка оказывается трагической: по пути в Каргополь (теперь райцентр Каргопольского района Архангельской области) собиратель заболел и умер. Поездка А. Ф. Гильфердинга имела огромное значение для науки: она подтвердила существование на Севере развитой былинной традиции. Ее итогом явился сборник "Онежские былины"².

До Рыбникова и Гильфердинга записи фольклора были спонтанными. Тем ценнее редкие сведения о материалах, относящихся к более раннему периоду. Так, в крупнейшем сборнике сказок А. Н. Афанасьева³ (1855—1865 гг.), первом научном издании, пятую часть составляют сказки, поступившие из северных губерний, в большинстве своем — архангельские (33 текста). Точное место записи указывалось редко, как и фамилии собирателей. Отмечено 10 текстов из Шенкурского уезда, по одному из Архангельского и Пинежского. Известно несколько фамилий собирателей: А. Харитонов, священник Борисов, священник М. Фиалкин. "Архангельское происхождение" имеют и варианты трех легендарных сюжетов из сборника А. Н. Афанасьева "Народные русские легенды"⁴.

В 1864—1869 гг. разнообразные фольклорно-этнографические материалы собирал П. С. Ефименко. Он работал в Шенкурском, Пинежском, Холмогорском, Онежском, Архангельском и Кемском уездах. В 1874 г. эти материалы были присланы собирателем в Общество любителей естествозна-

ния, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 1877—1878 гг. вышло в свет знаменитое двухтомное собрание⁵.

Север привлекал к себе собирателей различных жанров фольклора. Целью комплексной экспедиции 1886 г. Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша стала запись подлинно русских песен с напевами. Экспедиция работала в Архангельской, Олонецкой, частично Вологодской губерниях и начиналась с Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, Заонежья и Обонежья, затем были обследованы прилегающее побережье Белого моря и населенные пункты, находящиеся в нижнем и среднем течении Северной Двины до р. Ваги; затем пересечены Вельский, Кадниковский и Вологодский уезды Вологодской губернии. Значение экспедиции состояло в том, что были изучены районы, в дальнейшем оказавшиеся в стороне от основных собирательских маршрутов Архангельской и Вологодской губерний. В то же время в результате экспедиции 1886 г. Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем были сделаны неверные выводы о падении былинной традиции в крае, и отчасти песенной, на фоне ярко выраженной, по их мнению, сохранности причетий.

"Песни русского народа"⁶, изданные в 1894 г. императорским Русским географическим обществом, явились итогом проделанной экспедиции. Сборник состоит из 119 песен, составляющих 6 разделов. Наиболее удачно скомпонованы 3 и 4 разделы ("Причеть" и "Песни свадебные"). В них принята попытка классификации свадебных песен и причетаний: тексты помещены с обозначением места и времени, которое они занимают в свадебном обряде.

Приведенные во 2 разделе былины свидетельствуют о нечетком понимании жанровой специфики героического эпоса Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем: только 5 текстов из 14 опубликованных являются собственно былинами. Составители сборника не избежали жанровой и внутрижанровой путаницы.

Несмотря на ряд принципиальных ошибок, сама экспедиция и появление сборника имели большое значение. Впервые была проведена систематизация севернорусского песенно-музыкального материала, обследованы районы, в дальнейшем оказавшиеся забытыми собирателями фольклора. Кроме того, в издание были включены карта пути экспедиции, алфавитный список информаторов.

Не соответствующий действительности вывод Ф. М. Истомина о падении былинной традиции в крае был опровергнут экспедициями выпускников Московского университета А. В. Маркова и А. Д. Григорьева. А. В. Марков совершает 5 экспедиций по Русскому Северу. В 1898 г. в связи с трудностью передвижения по краю и неожиданно сделанными богатыми находками он ограничивается Золотицкой волостью, замечательной по степени сохранения былинной традиции.

Летом 1899 г. на средства Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии он вновь совершает поездку по Зимнему берегу. План экспедиции разрабатывался им совместно с А. Д. Григорьевым. Кроме Зимнего берега, А. В. Маркову предстояло обследовать Терский берег и Мезень, но те же обстоятельства заставили его остановиться в Нижней и Верхней Золотице. Благодаря подвижнической деятельности ученого в научный оборот впервые были введены сюжеты былин "Камское побоище", "Сватовство Идолица" и некоторые другие.

В 1901 г. выходят знаменитые "Беломорские былины", сразу же поставившие имя А. В. Маркова в ряд выдающихся собирателей фольклора.

В 1901 г. состоялась уже комплексная экспедиция, кроме ученого-фольклориста А. В. Маркова, в нее вошли музыковед А. Л. Маслов и фотограф Б. А. Богословский. Ими был открыт еще один район активного бытования былинной традиции — Терский берег Белого моря (южная часть Кольского полуострова).

Более 10 лет жизни А. В. Маркова связаны с поездками на Север: 1903 г. — очередная поездка на Кольский полуостров, входивший в начале XX в. в состав Архангельской губернии; 1909 г. — последняя экспедиция — на Поморский и Карельский берега Белого моря.

А. В. Марков представляет собой новый тип ученого, одновременно сочетавшего в себе высокий теоретический уровень исследователя и собирателя-полевика, прекрасно владеющего навыками экспедиционной работы.

Осмысляя результаты своих открытий, А. В. Марков пытался объяснить причины сохранения былин на Севере, которые, по его мнению, заключались в особом характере промыслов поморов, малограмотности, изолированности от крупных промышленных центров и затрудненности миграции, а

также в отсутствии крепостного права, которое выразилось в сочувствии богатырским идеалам.

Наблюдения над фольклорной традицией в различных регионах Русского Севера позволили А. В. Маркову сделать вывод о распространении былин по берегу Белого моря и в бассейнах его рек (Онеги, Северной Двины, Мезени, Печоры).

Уникальное исследование эпической традиции на Севере проделано и А. Д. Григорьевым: в течение трех лет им было совершено 3 экспедиции в различные районы Архангельской губернии. В 1899 г. он обследует Онегу и близлежащие 9 поселений, расположенные в Поморье — на западном побережье Белого моря; в 1900 г. — Пинегу. Здесь он открывает знаменитую сказительницу М. Д. Кривополенову, знакомится с ее редчайшим репертуаром. В 1901 г. состоялась последняя экспедиция А. Д. Григорьева: объектом исследования оказались Кулойско-Мезенский край и прилегающий к Кулою Абрамовский берег.

Материалы, собранные во время экспедиций, были обобщены исследователем в трехтомном издании "Архангельские былины и исторические песни"⁸. В отличие от А. Ф. Гильфердинга и А. В. Маркова он дал указатель правил пользования былинами. Ко второму тому им была приложена карта Крайнего Севера Европейской России, составленная в результате обобщения опыта всех предшествующих собирателей; сделаны важные выводы о том, что в Поморье и Пинежском крае знание былин падает, а в Кулойско-Мезенском — процветает.

В качестве причин сохранения былинной традиции он выделяет те же обстоятельства, что и А. В. Марков: отдаленность края и досуг, обусловленный промыслами поморов.

В одном ряду с именами А. В. Маркова и А. Д. Григорьева, учеными, обладающими серьезной теоретической подготовкой, стоит имя Н. Е. Ончукова. Личность Н. Е. Ончукова (1877—1842 гг.) и его деятельность стали объектом исследования только в последние полтора десятилетия⁹. Специалист высокого уровня, не имевший специального образования и учившийся всю жизнь, он был прежде всего собирателем и осуществил три крупнейших фольклорных издания: сборники былин, сказок и народной драмы. Наиболее плодотворный период его деятельности связан с Русским Севером.

Целенаправленную собирательскую деятельность Ончуков начал с былин. Ему принадлежит открытие эпической тра-

диции на Печоре, которое состоялось во время экспедиций 1901 и 1902 гг. Первая из них носила разведывательный характер: Н. Е. Ончуков сумел записать всего 7 былин. Организатором второй экспедиции явилось Русское географическое общество. Работа проходила в Пустозерской и Устьижемской волостях Мезенского уезда. В результате Н. Е. Ончуковым было найдено около 50 былинных сюжетов, представленных более чем 80 вариантами, 9 духовных стихов, 50 сказок, песни рассматривались собирателем как менее интересное явление и фиксировались в большей степени случайно.

Сборники "Печорские былины"¹⁰ (1902 и 1904 гг.) получили сразу же высокую оценку и были замечены. Н. Е. Ончуков выступил не только как фольклорист-сборитель, но и как этнограф¹¹. Его наблюдения над бытом жителей Нижней Печоры отличаются тонкостью. Поездку в Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии в 1907 г. Ончуков посвятил собиранию сказок. Несмотря на то, что времени у него в эту поездку было мало, на Летнем берегу он записал и позже поместил в сборник свыше 50 сказочных сюжетов¹². В сборник "Северные сказки" вошли предыдущие записи, сделанные на территории Летнего берега, Онеги, Кемского уезда и Кольского полуострова в 1907 г. Остальные тексты — сказки из архивов А. А. Шахматова и Рукописного отделения Академии наук и записи М. М. Пришвина (все из Олонецкой губернии). В "Севернорусские сказки" включены далеко не все собственноручные записи Ончукова. Совершая поездку по тракту Архангельск — Онега и по р. Онеге, собиратель обследовал каждое селение. Согласно отчету Географического общества он записал до 100 сказок¹³. Сборник имел огромное значение для науки.

Роль Н. Е. Ончукова в собирании фольклора Архангельской губернии огромна и многогранна: он обнаружил существование эпической традиции на Печоре, обобщил сказочные тексты одного из регионов Европейского Севера (впервые использовал персональный принцип расположения сказочных текстов), открыл народную драму и издал сборник "Северные народные драмы"¹⁴.

В XX в. Русский Север превращается в зону активного научного поиска: он вызывает наибольший интерес у этнографов и фольклористов, сюда чаще и активнее выезжают экспедиции. За последнюю треть XIX — начало XX в. в

северных губерниях сложились традиции изучения народного быта и культуры во многом благодаря усилиям ссыльных интеллигентов, а также местных любителей старины. "Известия АОИРС", "Губернские ведомости" публиковали фольклорные памятники, этнографические описания, призывали собирать и сохранять культурно-исторические ценности.

Мы не можем дать анализ деятельности всех собирателей и экспедиций, побывавших на Севере, поэтому ограничимся наиболее значительными из них. Так, летом 1916 г. в Шенкурском уезде Архангельской губернии записывал фольклор выдающийся фольклорист П. Г. Богатырев. Опубликовал он только легенды¹⁵.

В 1914 г. состоялась первая поездка на Север О. Э. Озаровской. По крайней мере до 1925 г. О. Э. Озаровская собирала фольклор в Архангельской губернии, в основном в Пинежье. Она не была собирателем-профессионалом, пришла в фольклористику со сценических подмостков¹⁶.

Вклад ее в фольклористику весом, что объясняется образованностью Озаровской, ее умением общаться с людьми, любовью к народному творчеству. Большой удачей была встреча собирательницы с выдающейся сказительницей М. Д. Кривополеновой. Кривополенова исполняла преимущественно "старины", но Озаровской удалось записать от нее сказки и произведения других фольклорных жанров, составивших сборник "Бабушкины старины" (первое издание — 1916 г., повторное — 1922 г.)¹⁷. О. Э. Озаровская составила также "Пятиречие"¹⁸. Она посвятила его всем пинежанам, светлой памяти М. Д. Кривополеновой и еще одного исполнителя-помора А. Останина, замечательного рассказчика. Сборник сочетает литературную форму (его называли "северным Декамероном") с публикацией 50 фольклорных произведений, в большинстве своем сказок (36 текстов). Сборник ценен в сюжетном отношении, в нем много сказочной новеллистики, в том числе редких сказок. Он вызывает до сих пор как чисто научный, так и читательский интерес.

1910—1920-е гг. — период расцвета сказковедения, во многом благодаря деятельности Сказочной комиссии РГО (г. С.-Петербург — Ленинград). Это отразилось и на собирательской работе в северном регионе. Исключительное место занимают труды А. И. Никифорова. Он разрабатывал вопросы поэтики, структуры, стилистики сказки, проблему сказочных

жанров. Никифоров предложил новые принципы собирания и издания фольклора.

А. И. Никифоров продолжил в фольклористике линию, когда исследователь сочетал в себе глубокие теоретические знания с навыками собирательской работы. Окончательно его взгляды на жанр сказки сложились во время трех северных экспедиций: 1926 г. — в Заонежье (бывшая Олонецкая губерния); 1927 г. — на Пинегу; 1928 г. — на Мезень. В Мезенской экспедиции им было сделано самое большое количество записей — 279.

Ученый приходит к выводу, что сказку надо изучать, учитывая специфику крестьянского быта, фонетические и лексические особенности речи. Никифоров отказался от существующего в науке мнения о необходимости работы только с талантливыми исполнителями: надо вести запись всех вариантов, от всех информаторов, независимо от их одаренности. Ученый предложил методику фронтального обследования населенных пунктов, названную В. Я. Проппом "стационарным методом сплошной записи". Одновременно Никифоров ратовал за полную и безотборочную публикацию текстов. Новаторские устремления стали препятствием на пути издания его сборника. Научное издание "Севернорусских сказок" осуществилось благодаря В. Я. Проппу в 1961 г. В сборнике, по возможности, хотя и не полностью, реализован замысел собирателя¹⁹.

Одновременно с А. И. Никифоровым и в тех же местах собирала сказки И. В. Карнаухова, продолжившая в фольклористике линию "любительского" собирательства. Результат ее поездок — известный сборник сказок и преданий Северного края (1934 г.)²⁰. Он заметно уступает в научности Никифоровскому собранию, но интересен как по составу, так и замечательными характеристиками сказочников.

В 20-е гг. XX в. на Севере работала экспедиция Государственного института истории искусств (1926; 1927; 1928 гг.). Она носила комплексный характер, так как в ней участвовали не только фольклористы-словесники, но и музыковеды, диалектологи. В ее составе были А. М. Астахова, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Е. В. Гиппиус, Н. П. Колпакова и др.

Одновременно с ленинградской экспедицией ГИИИ в Заонежье работала московская экспедиция, которой руководили известные фольклористы братья Б. М. и Ю. М. Соколовы. Она была задумана как "По следам Рыб-

никова и Гильфердинга". Все записи были, а частично и исторических песен и баллад, позднее были опубликованы в сборнике "Онежские былины"²¹.

В дальнейшем работа была продолжена фольклористами и музыковедами Института русской литературы (Пушкинского Дома)²².

Огромное значение для фольклористики имели экспедиции под руководством А. М. Астаховой 1930-х гг., посвященные судьбе былин на Севере в XX в. Прделанная ею работа доказала, что былины продолжали существовать во всех очагах, открытых собирателями XIX—начала XX в.

В двухтомном сборнике "Былины Севера"²³ представлена традиция пяти крупнейших эпических гнезд: Мезени, Печоры, Пинеги, Прионежья и Поморья. А. М. Астаховой были включены только лучшие варианты былин из имеющихся записей. Сведения о не вошедших в сборник вариантах даны в примечаниях к сюжетам.

Особо изучалось творчество сказительницы М. С. Крюковой из с. Зимняя Золотица. С этой целью в 1937 г. была предпринята специальная экспедиция. Внимание к личности исполнителя — самая характерная черта фольклористики того периода ("русской школы").

Вторым направлением фольклористической работы было комплексное описание локальных традиций. Оно сосредоточилось на севере и северо-востоке региона. В 1936—1938 гг. Н. П. Леонтьев побывал на Нижней Печоре и по результатам экспедиции составил сборник²⁴, увидевший свет в 1939 г., а в дополненном виде — в 1979 г.

Поморские промысловые регионы изучала Р. С. Липец. В 1931 и 1937 гг. — на Белом море и Северной Двине. Она сделала интересные наблюдения относительно рыбацкого фольклорного репертуара²⁵.

Большой вклад в изучение поморской фольклорной традиции внесла Н. И. Рождественская. С 1934 по 1938 гг. состоялись четыре ее экспедиции в Пинежский, Приморский и Онежский районы Архангельской области. Как и Р. С. Липец, Н. И. Рождественскую прежде всего интересовала промысловая культура, только в более дифференцированном виде. Основным материалом для обеих собирательниц стали устные рассказы (сказы). Н. И. Рождественской записано немало и сказок. Тексты частично вошли в сборники 1941 г. (научный) и 1952 г. (популярный)²⁶. Первый содержит 70 сказок

и произведений несказочной прозы. Сказы расположены по тематике, сказки — по исполнителям. Таким образом, из всех северных регионов в 1930—1940-е гг. фольклористы лучше всего обследовали Поморье.

Экспедиционная работа сотрудников Пушкинского Дома в послевоенные годы отразила новый этап бытования севернорусского фольклора и одновременно новые тенденции собирательской деятельности. Преобладающим материалом экспедиций стала лирическая песня. Это нашло отражение в изданиях "Песни Печоры"²⁷ (1963 г.) и "Песенный фольклор Мезени"²⁸ (1967 г.).

1960—1970-е гг. — период достаточно активной собирательской деятельности. Экспедиции в разные районы Архангельской области с 1978 г. организуются Архангельским государственным педагогическим институтом им. М. В. Ломоносова (ныне Поморский государственный университет) и Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова. Материалы хранятся в фольклорных архивах этих университетов.

В начале 1960-х гг. комплексная экспедиция АГПИ и ИРЛИ под руководством В. В. Митрофановой и Л. В. Федоровой обследовала районы вдоль Северной Двины. Собирались фольклор разных жанров. Часть материалов представлена в сборнике, составленном по типу регионального издания²⁹.

С 1958 по 1974 гг. регулярно выезжала на Пинегу со студентами доцент Калининградского университета Г. Я. Сими́на. Цели экспедиции были диалектологические, но результатом явились фольклорная коллекция текстов и опубликованный сборник пинежских сказок³⁰. Несмотря на недостаток научного аппарата сборника, он должен быть оценен положительно как единственное за шестьдесят с лишним лет (после "Пятиречья"³¹) специализированное издание архангельских сказок.

В 50—70-е гг. существенный вклад в собирание фольклора области внесли экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова (Э. В. Померанцева, А. В. Кулагина, Ю. А. Новиков, Н. И. Савушкина, Ю. И. Смирнов и др.). Деятельности собирателей МГУ посвящена следующая статья данного издания.

С 1989 г. кафедрой литературы и фольклора Северодвинского гуманитарного института при Поморском государственном университете организована систематическая экспедиционная работа, которая проходила под руководством пре-

подавателя Н. В. Дранниковой. Целью экспедиций были сбор фольклорного материала Архангельской области и синхронный анализ процессов, происходящих в севернорусской традиционной народной культуре.

С 1993 г. из чисто собирательской работа переходит в научно-исследовательский план: народная культура стала рассматриваться в комплексе, с учетом особенностей заселения региона. Были разработаны специальные вопросники и методические рекомендации, сложился принцип собирания материала микрогруппами по 2—3 человека.

В 1995 г. в ПГУ (г. Архангельск) была создана лаборатория фольклора. Одним из главных направлений ее работы по-прежнему остается экспедиционное.

В 1989 и 1990 гг. состоялись две экспедиции в Каргопольский район Архангельской области (преп. Н. В. Дранникова; студенты Е. Наумова, О. Осадчук, Л. Мокрополова, А. Шилов, И. Попов, В. Селенин, В. Вороник, Н. Кочарина, И. Петрова, Н. Завьялова, Т. Шубина, О. Спирина, Ж. Лобачев и др.). Были обследованы следующие населенные пункты: г. Каргополь, д. Нокола, д. Лекшмозеро, д. Печниково, с. Ошевенское, д. Гарь, д. Халуй, д. Тихманьга, д. Мячево, д. Лядины, д. Казаково, д. Калитинская, д. Кречетово. Было сделано более 2000 записей различных текстов. Средний возраст исполнителей — 60—70 лет. Наиболее интересными информаторами оказались П. В. Ватутина (г. Каргополь), К. П. Ершова и Е. П. Новожилова (д. Казаково), А. Ф. Харитоновна (с. Ошевенское). Только А. Ф. Харитоновна (1904 г. р.) вспомнила, что когда-то в Каргопольском уезде исполнялись былины. Исчезает и балладная традиция, некогда очень развитая на Каргополье (записано всего лишь два текста).

В 1992 г. состоялась экспедиция в Лешуконский район Архангельской области (преп. Н. В. Дранникова, студенты И. Бутаков, Л. Кузнецова, Л. Прилучная, С. Кучинский, К. Мекешин, Э. Соламатин, М. Козика, Т. Гуменюк, В. Мозгова). Работа проходила в с. Лешуконском, д. Смоленец, д. Нисогоре, д. Кельчемгоре. Зафиксирована консервация песенной традиции в верховьях р. Мезени. Сделаны записи баллад, исторических песен, лирических протяжных и плясовых песен. Диахронно-синхронный анализ народно-поэтического творчества в Лешуконском районе (в качестве сравнительного материала привлекались записи Пушкинского

Дома)³² показал, что, несмотря на хорошую сохранность здесь народной песни, для нее характерны такие процессы, как сокращение текста, контаминация, появление "бродячих" куплетов, взаимодействие народной песни с литературной.

Самыми яркими и талантливыми исполнителями оказались А. Н. Кашунина и В. С. Алимова (с. Лешуконское).

В 1993 г. организуется экспедиция на Летний берег Белого моря, в д. Лопшеньгу и д. Яреньгу (преп. Н. В. Дранникова и студенты, выезжавшие в экспедицию в Лешуконский район; к ним присоединились Н. Денисов, С. Снежко, О. Шаманина и О. Кудреватая). Фольклорные традиции в д. Лопшеньге и д. Яреньге во многом утрачены. Средний возраст исполнителей — 70 лет. Зафиксированы святочные обряды, заговоры, свадебные и лирические песни, предания. В целом же народное творчество указанных деревень испытало сильное влияние городской субкультуры.

В 1994 г. начинается изучение фольклорных традиций Поважья: проводится комплексная экспедиция в Коношский район Архангельской области, в XIX—начале XX в. — это Вологодская губерния (преп. Н. В. Дранникова и с.н.с. Музея деревянного зодчества и народного искусства Малые Корелы Л. Г. Козинская, а также студенты С. Зелянин, Ж. Коновалова, Л. Гончарова, Д. Гевель). Обследованы д. Фоминская, д. Валдеево, д. Тавреньга, д. Кошечевская, д. Першинская, д. Шихановская и д. Пуминовская. Записано большое количество быличек о порчах, сглазах, заговоры, различные варианты свадебного и похоронного обрядов, лирических протяжных и плясовых песен, преданий, колыбельных песен. В Поважье по сравнению с Летним берегом Белого моря ярче выражены демонологические традиции.

В 1995 г. было продолжено изучение региона Поважья как системного целого. Экспедиция (преп. Н. В. Дранникова, студенты И. Бутаков, Л. Кузнецова, О. Шаманина, С. Снежко, Е. Давыдова) работала в д. Хмельники, д. Тончаевской, д. Верховье, д. Афанасовской, д. Слободе, д. Якушевской, д. Семёновской, д. Пономарёвской.

В 1996 г. экспедиция работала на территории с. Кевролы Пинежского района (студенты Т. Кошелева, Д. Ральцева, М. Рядовкин, О. Пospelова, С. Шмаков). Было записано около 1000 различных в жанровом отношении текстов. На Пинежье хорошо сохранились семейные и календарные обряды, различные былички, сказки, лирические протяжные и

частые песни, заговоры и т. д. Экспедиция позволила сделать вывод о том, что Пинежье представляет собой локус с хорошо сохранившимися фольклорными традициями.

Всего во время экспедиций сделано более 4000 фольклорно-этнографических записей — перед лабораторией фольклора сейчас стоит задача систематизации и публикации архивных материалов ПГУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. В. К. Соколова. — М.: Наука, 1982. — С. 109.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. — 4-е изд. — М.; Л., 1949—1951.

³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 8 вып. — М., 1855—1864.

⁴ Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 46—49; 116—117; 131—134.

⁵ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. — Кн. 5. — М., 1877—1878. — Вып. 1—2.

⁶ Песни русского народа: Собр. в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Зап.: слова — Ф. М. Истомин; напевы — Г. О. Дютш. — СПб., 1894.

⁷ Беломорские былины / Зап. А. Марковым. С предисл. В. Ф. Миллера. — М., 1901.

⁸ Архангельские былины и исторические песни / Собр. А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, запис. поср. фонографа: В 3 т. (Т. 1. — М., 1904; Т. 2. — Прага, 1939; Т. 3. — СПб., 1910).

⁹ Иванова Т. Г. Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Русск. лит-ра. — Л., 1982. — № 4. — С. 126—137; Иванова Т. Г. Русская фольклористика в биографических очерках. — СПб., 1993. — С. 168—186; Налепин А. Л. Исследователь фольклора Русского Севера Николай Ончуков // Лит. учеба. — М., 1983. — № 4. — С. 190—196; Налепин А. Л. Фольклорно-этнографическая деятельность Н. Е. Ончукова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1988. — Вып. 10. — С. 76—94; Дудник В. Ю. Н. Е. Ончуков — этнограф, фольклорист, просветитель, педагог, ученый // Удмуртия: новые исследования. — Ижевск, 1991. — С. 78—86; Неизвестная автобиография Н. Е. Ончукова / Публикация В. Ю. Дудник // Из истории русской фольклористики. — Л., 1990. — Вып. 3. — С. 117—120.

¹⁰ Ончуков Н. Е. Печорские былины. — СПб., 1902;

Ончуков Н. Е. Печорские былины. — СПб., 1904.

¹¹ Ончуков Н. Е. Былинная поэзия на Печоре. — СПб., 1903.

¹² Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губерния: Сб. Н. Е. Ончукова. — СПб., 1908.

¹³ Отчет императорского Русского географического общества за 1907 г. — СПб., 1908.

¹⁴ Северные народные драмы: Сб. Н. Е. Ончукова. — СПб., 1911.

¹⁵ Богатырев П. Г. Несколько легенд Шенкурского уезда Архангельской губ. // Жив. старина. — 1916. — Вып. 4.

¹⁶ Иванова Т. Г. Русская фольклористика в биографических очерках. — С. 187—198.

¹⁷ Озаровская О. Э. Бабушкины старины. — 2-е изд., изм. и доп. — М., 1922.

¹⁸ Озаровская О. Э. Пятиречие. — Л., 1931.

¹⁹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. — М.; Л., 1961 (Памятники русского фольклора).

²⁰ Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края. — М.; Л., 1934.

²¹ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. — М., 1948.

²² Материалы об экспедициях ИРЛИ (Пушкинского Дома) оказались недостаточно освещены в связи со смертью автора статьи научного сотрудника Пушкинского Дома РАН А. Д. Троицкой. Черновые варианты статьи остались в ее архиве.

²³ Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1938; Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1951.

²⁴ Леонтьев Н. П. Печорский фольклор / Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. — Архангельск, 1939; Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н. П. Леонтьев. — Арх-ск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979.

²⁵ Рыбачьи песни и сказы / Запись текстов, статья и примеч. Р. С. Липец. — М., 1950.

²⁶ Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Запись текстов, вступ. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. — Архангельск, 1941; Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы / Сб. Н. И. Рождественской. — Архангельск, 1952.

²⁷ Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. — М.; Л.: Наука, 1963 (Памятники русского фольклора).

²⁸ Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. — Л.: Наука, 1967 (Памятники русского фольклора).

²⁹ Народное творчество Северной Двины / Сост. и вступ. ст. В. В. Митрофановой и Л. В. Федоровой. — Архангельск, 1966.

³⁰ Пинежские сказки / Собр. и зап. Г. Я. Симиной. — Архангельск, 1975.

³¹ Озаровская О. Э. Пятиречие. — Л., 1931.

³² Песенный фольклор Мезени. — Л.: Наука, 1967.

А. В. Кулагина

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ РАБОТА ФОЛЬКЛОРИСТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

СобираТЕЛЬская деятельность кафедры фольклора Московского университета началась в Архангельской области в 1951—1953 гг. одновременно с экспедиционной работой в Кировской, Куйбышевской, Свердловской, Тульской областях. Планомерное обследование Русского Севера (Карелии и Архангельской области) началось с 1956 года. Основной задачей является изучение современного состояния фольклора и судеб его традиционных жанров.

Ю. Новиков и Ю. Смирнов, подводя итоги собираТЕЛЬской деятельности, в статье "Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956—1959 гг.)" отметили, что результаты собираТЕЛЬской работы "свидетельствуют о несомненном угасании эпической традиции на Севере. Это касается не только былин, но и былин-баллад, исторических песен, духовных стихов".

Систематическое обследование Архангельской области ведется с 1958 года. Маршруты экспедиций планировались с

учетом не только административного деления, но и особенностей заселения Севера по бассейнам крупных рек: Онеги и ее притоков (Каргопольский, Плесецкий, Онежский, Приозерный районы), Северной Двины с притоками Вагой и Сухоней (Вельский, Шенкурский, Красноборский, Верхнетоемский, Виноградовский, Холмогорский и Приморский районы) — 1961—1970 гг.; Пинеги (Пинежский район) — 1970—1972 гг., зима 1994 г.; Вычегды (Вилегодский, Котласский, Ленский районы) — 1973—1974 годы; Мезени с притоками Пезой и Вашкой (Мезенский и Лешуконский районы) — 1975—1978 гг. Кроме коллективных студенческих экспедиций, были и индивидуальные: в 1970 г. аспирантка А. В. Кулагина в поисках баллад работала "по следам" экспедиций МГУ в Плесецком, Онежском и Каргопольском районах, а также в Карелии²; в 1982 и в 1995 гг. преподаватель А. А. Иванова записывала в Пинежском районе (Покшеньге) фольклор "по следам" экспедиций 1970—1972 гг.

По результатам экспедиций проводились и проводятся ежегодные студенческие конференции, публикуются информации и статьи³. Участниками Пинежских и Мезенских экспедиций опубликованы серии статей в районных газетах⁴. Обобщение результатов экспедиционной работы было сделано в статье А. В. Кулагиной и Н. И. Савушкиной⁵.

Как показали результаты обследования Архангельской области, современное состояние фольклора здесь характеризуется как общими чертами, типичными для других регионов страны, так и местными особенностями, и своеобразием репертуара отдельных районов. Прежде всего необходимо отметить богатство и разнообразие в жанровом отношении фольклорного материала Архангельской области (от эпических песен: былин, исторических песен, баллад, духовных стихов; сказок всех типов; обрядовой и необрядовой поэзии до малых жанров: загадок, пословиц и поговорок, частушек и поздних городских песен).

При характеристике современного состояния фольклора может быть учтено и соотношение традиционной лирики и городской. Так, по наблюдениям участников экспедиции, в Верхневажском районе Вологодской области (летом 1966 г.), такое соотношение составляло 75 — 80% к 20 — 25%, а в Шенкурском районе Архангельской области, обследованном летом 1967 г., подобное соотношение составляло 50% к 50%. Заметим, что для многих районов Архангельской области, как и для всех

областей России, характерно постепенное вытеснение традиционной лирики песнями литературного склада.

Оценивая объем и качество собранного материала, можно отметить, что особенно плодотворными в этом отношении были экспедиции на Пинегу, Вычегду и Мезень.

Подводя в своем отчете итоги Пинежской экспедиции 1971 г., ее руководитель Н. И. Савушкина дала характеристику как типичного для других местностей, так и специфического для Пинеги фольклорного материала. Так, типичность пинежского фольклора состоит прежде всего в следующем:

а) преобладание произведений устной несказочной прозы над сказками. Из 540 записей — 75 текстов сказок и анекдотов, 465 — преданий, быличек, легенд;

б) преобладание в традиционном песенном репертуаре протяжных любовных и плясовых песен (записано 489 протяжных и 111 плясовых), которые исполняются на обычных праздниках и зимних женских посиделках;

в) типичные характер и качество частушечного репертуара (записано 3065 текстов), обычные формы их бытования (на вечеринках, с пляской);

г) бытование произведений малых жанров.

К локальным особенностям пинежского фольклора Н. И. Савушкина отнесла:

а) наличие в репертуаре пожилого населения песенных эпических произведений хорошей сохранности (например, по сравнению с материалами А. Д. Григорьева — полные тексты; дети (например, П. Л. Чемакин) перенимают репертуар родителей);

б) необычное богатство и хорошая сохранность семейной обрядовой поэзии, в особенности свадебных песен и причитаний (записано 355 причитаний, с похоронными — 406) и 392 песни. По сравнению с материалами Н. П. Колпаковой отмечается устойчивость свадебного обряда. Даже в 70-е гг. можно наблюдать широкое исполнение свадебных песен;

в) наличие жнивных обрядов и обычаев, сопровождающихся песнями и приговорами ("вить бороду"), заговорами скота.

Говоря о своеобразии пинежского фольклора, Н. И. Савушкина отметила такую особенность репертуара, как наличие почти во всех видах и жанрах произведений сатирических и юмористических:

а) в эпосе — скоморошины и небывальщины;

б) в обрядовой поэзии — святочные игрищные припевки (пародийные величания, "опеванье" парней и девушек, супружеских пар), разнообразные корильные песни, пародийные причитания (в том числе и нецензурные);

в) в необрядовой поэзии — сатирические песни (пародийные "молитвы", "отпевания" заводчиков, сатирические переделки "Дубинушки");

г) многочисленные сатирические и юмористические частушки, связанные со скоморошеством.

Эти наблюдения чрезвычайно интересны, но они носят предварительный характер, так как окончательные выводы о специфике того или иного материала можно будет сделать после публикации и тщательного сравнительного изучения фольклора всех районов сопредельных и отдаленных регионов.

В результате сплошного обследования в 1973 году Ленского района (Вычегды и ее притоков Яренги и Лены) была сделана 7861 запись, что позволило сделать вывод о бытовании в этих местах произведений всех фольклорных жанров, кроме былин и причитаний. В дореволюционные годы в бывшем Сольвычегодском и отчасти Устьысольском уездах (бывшей Вологодской губернии) собирали фольклор С. Мельников (1852), Е. Балов (1852), Н. Ордин (1877—1883), Н. Иваницкий (1880-е годы), Ф. Истомин и Г. Дютш (1886).

Записи, сделанные в Яренском уезде (нынешний Ленский район), были единичными.

Сравнивая записи и репертуарные списки Н. Ордина и других собирателей, руководитель экспедиции Н. И. Савушкина отметила, что наибольшей распространенностью, устойчивостью, общностью сюжетов в смежных районах Вычегды отличаются хороводные и плясовые песни, колядки, а также некоторые свадебные и протяжные лирические песни.

Было отмечено также, что в репертуаре сказочников преобладают повествования реалистического склада, с подробным объяснением чудесных моментов. Активно бытуют произведения детского фольклора (от детей и взрослых были записаны многочисленные присказки, прибаутки, байки, загадки, предназначенные исключительно для детей).

Работа на Мезени и ее притоках (отряды под руководством В. Н. Кочетова, А. В. Кулагиной, Н. И. Савушкиной) была весьма плодотворной. Незабываемы встречи с выдающимися

певицами и сказительницами: Т. А. Орешкиной (от которой в числе прочего был записан богатейший мезенский свадебный обряд), ее односельчанкой Е. А. Рахманиной (замечательные причитания, былины, баллады) — в поселке Каменка, а в с. Лешуконском — А. Н. Кашуниной (от которой было записано около тысячи произведений самых разных жанров и связь с которой поддерживается до сих пор).

Особенностью репертуара Мезени является то, что по мере продвижения от нижнего течения к верховьям эпический репертуар заметно скудеет. В 1975 году в низовьях Мезени был зафиксирован в пересказах и отрывках 21 сюжет былин, а в 1976 году (выше по течению Мезени) — всего 9 сюжетов: "Илья и Сокольник", "Камское побоище", "Добрыня и Маринка", "Застава богатырская" (неполные тексты), "Исцеление Ильи", "Илья и Соловей", "Михайло Козарин", "Добрыня Никитич", "Илья Муромец" (пересказ цикла сюжетов, входящих обычно в лубочные издания). А на Вашке, верхнем притоке Мезени, не сохранилось даже свидетельств об исполнении былин.

На Мезени и Вашке были записаны исторические песни: "Татарский полон", "Молодец манит девицу в Казань", "Заплакала Расеюшка" (о Кутузове), "Про Платова-казака", "Смерть Александра I", "В непоказанное время царя требуют в сенат", "Что за речкою было за Невагою" и баллады "Муж жену губил", "Жена разбойника" (любопытно, что везде по Вашке она исполняется как плясовая песня), "Дочь купца украдена", "Муж-солдат в гостях у жены". Другой особенностью мезенского материала являются хорошая сохранность причитаний (похоронных и свадебных), их эпическая развернутость и поэтическое богатство, а также великолепные, необычайно развернутые винограды и колядки. Фольклорное обследование Мезени было завершено зимой 1978 года экспедицией под руководством А. В. Кулагиной.

В настоящее время периодически проводятся повторные поездки "по следам" наших архангельских экспедиций.

В результате многолетней работы в Архангельской области накоплены богатейшие материалы, которые хранятся в архиве кафедры фольклора филологического факультета МГУ. Но пока эти материалы научно не реализованы. Они еще не опубликованы. Однако счастливое исключение представляют сборник "Обрядовая поэзия Пинежья"⁶, ставший уже библиографической редкостью, а также сборник "Русская частуш-

ка", большую часть которого составляют тексты, записанные в разных районах Архангельской области. Долгие годы ждет своего издания подготовленный участниками экспедиций сборник "Сказки Русского Севера" (записи 1956 — 1965 гг.), в который включено около 300 текстов.

Серьезнейшей научной задачей на ближайшие годы является издание этих ценнейших материалов, а затем уже — их глубокое изучение и осмысление. Надеемся, что публикуемые в нашем сборнике материалы и исследования явятся скромным вкладом в это важное и нужное общее дело.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новиков Ю., Смирнов Ю. Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956—1959 гг.) // Сов. этнография. — М., 1960. — № 4. — С. 168.

² См.: Кулагина А. В. Современное бытование баллады на Севере (в Карелии) // Вопросы жанров русского фольклора. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — С. 74—95.

³ Архангельская фольклорная экспедиция МГУ 1961 г. // Вестн. Моск. ун-та. — М., 1963. — № 2. — С. 88—90; Смирнов Ю. Архангельская фольклорная экспедиция МГУ в 1962 г. // Сов. этнография. — М., 1964. — № 5. — С. 97—102; Бальнова Г., Изряднова Н., Круглов Ю. и др. Фольклорная экспедиция на Онегу // Вестн. Моск. ун-та. — М., 1968. — № 3. — С. 70—74; Ремезова Е. А. Результаты экспедиции 1969 г. в Архангельскую обл. // Русский фольклор. — Л., 1972. — Т. XIII. — С. 269—270; Ремезова Е. А., Савушкина Н. И. Фольклорная традиция на Северной Двине и Пинеге (итоги экспедиций 1970—1971 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. — М., 1972. — № 4. — С. 74—81; Ведерникова Н. М., Савушкина Н. И. Информация об экспедициях 1972 г. // Сов. этнография. — М., 1973. — № 5. — С. 154—155; Ведерникова Н. М., Кочетов В. Н., Савушкина Н. И. Информация по экспедициям МГУ 1973 г. // Сов. этнография. — М., 1974. — № 2. — С. 140—141; Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И. Информация об экспедиции 1975 г. // Сов. этнография. — М., 1976. — № 4. — С. 173—174; Жукова И., Денисова Л., Калакуцкая Е. и др. Фольклорная традиция на Мезени в наши дни // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология. — М., 1977. — № 2. — С. 72—78; Воюшина И., Еремина Н., Жукова И. и др. Современное состояние жанров фольклора в Лешуконском районе Архангельской области // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология. — М., 1978. — № 6. — С. 50—56; Кулагина А. В., Савушкина Н. И. Коротко об экспедициях // Сов. этнография. — М., 1978. — № 3. — С. 166—167.

⁴ См.: Пинежская правда. — 1973. — 15, 22, 29 февраля; 2, 14, 29 марта; 4, 6, 10, 12, 17, 24, 26 апреля; 1 мая; Звезда. — 1976. — 29 апреля; 1 мая, 7 ноября.

⁵ Савушкина Н. И., Кулагина А. В. Экспедиционная работа кафедры русского народного творчества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология. — М., 1977. — № 5. — С. 63—67.

⁶Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.) / Под ред. Н. И. Савушкиной. — М.: Изд-во МГУ, 1980.

⁷Русская частушка / Авт. вступ. ст. и сост. А. В. Кулагина. — М., 1993.

Л. А. Астафьева

ЗАПИСИ А. В. МАРКОВА НА ТЕРСКОМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ

Эпос на Терском берегу записывался в начале нашего века А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским; в 50-е годы там работал Д. М. Балашов.

Летом 1901 года комплексная экспедиция, организованная этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, обследовала Кандалакшу, Федосеево, Варзугу и Кузомень. Несколько позже А. В. Марков посетил с. Поной. Записи первой экспедиции составили том, изданный музыкально-этнографической комиссией¹. Туда вошли двадцать духовных стихов, сорок три былины, одиннадцать баллад, семь исторических и военно-исторических песен, шесть проголосных, плясовых и хоровых, три рождественско-поздравительных и четыре свадебных величания. Восемь не вошедших в это собрание былин и понойские материалы были в 1908 году опубликованы В. Ф. Миллером².

Преимущественный интерес Маркова к эпическим сюжетам объясняет и большее по сравнению с другими жанрами число их записей. В предисловии к собранию даются гео-

графическая и хозяйственная характеристики региона, история его заселения, этнографические особенности и очерки, посвященные сказителям. По невыясненным причинам собирателю не удалось встретиться с некоторыми из них, в том числе с Маремьяной Ефимовной Немчиновой, от которой многие певцы переняли свои старины.

Полевые записи Маркова хранятся в его фонде в отделе рукописей Российской государственной библиотеки³. Это самодельные, сшитые из сложенных листов тетради, разные по толщине и исписанные карандашом. Некоторые записи истерлись и побледили. Тексты имеют по два номера: карандашный — полевой и написанный чернилами, вероятно, соответствующий новому номеру, полученному при переписке. Оба они не совпадают с номерами публикации, что объясняется расположением материала в беловиках и в томе. В беловых тетрадях он располагался по сказителям, а в издании соблюдался жанровый принцип.

Терские былины, как считает А. В. Марков, представляют большую ценность. "По содержанию и по напевам они отличаются как от былин Зимнего берега, так и от Олонецких"⁴. Разница в образе жизни и характере их жителей обнаруживается "как в сюжетах старин, так и в приемах творчества"⁵. Это объясняется разными путями колонизации этих мест: население Терского берега составили выходцы из Поморья, а Зимний берег осваивали переселенцы с реки Двины.

Сравнение материалов Терского берега с репертуаром Аграфены Матвеевны Крюковой, усвоенным ею в Чаванье, где она родилась и жила до замужества⁶, позволяет очертить круг сюжетов, которые не были записаны А. В. Марковым, но могли быть известны сказителям. Это "Три поездки Ильи Муромца", "Илья и Калин-царь", "Алеша и сестра Збродовичей", "Потык", "Сухман", "Хотен", "Садко", "Царь Соломан и Василий Окулович", "Оника-воин", "Горе", "Ждан-царевич", "Смерть царицы Настасьи Романовны", "Иван Грозный и сын", "Смерть Ивана Грозного", "Осада Соловецкого монастыря", "Шведская война при Екатерине II". Некоторые из них упоминаются в репертуарах сказителей либо в заметках собирателя. Так, М. Ф. Кожина вспоминала, что слышала от Маремьяны Немчиновой о прекрасной Марье Юрьевне, которая пришла "на черён корабль к Ваське Тороканину Заморенину" (Ф. 160. П. 3. Т. 6). От той же М. Немчиновой

А. В. Корехова слышала песню о взятии Казани (Риги? Шлиссельбурга? Азова? — Ф. 160. П. 3. Т. 6). П. Ф. Конёва пыталась вспомнить о певшейся в Оленице песне о Маринке дочери Кайгаловне, закрытой в тереме. "На ней хотел жениться Иван Васильевич, но она не хотела этого и закололась" (Ф. 160. П. 3. Т. 9). Эту же песню знала и М. Немчинова. М. С. Лопинцева помнила старины об Илье Муромце, но забыла. Среди эпических сюжетов Терского берега есть редкие. Это "Иван Дудорович", известный только в этом регионе. Марков записал четыре варианта: в Кузоmeni от П. Ф. Конёвой и М. Ф. Кожинной (ММБ, II, № 42, 43), в Поное от Т. Г. Логиновой (Миллер, № 96) и в Варзуге от У. Е. Вопиящиной (вариант не опубликован). Тип конфликта близок сюжетам "Молодец и королевична", "Алеша и сестра Збродовичей (Петровичей)". Его особенность — трагическая развязка, характерная для баллад.

Песня об Орсенко известна на Верхней Мезени (Миллер, 86), в Пермской губернии (Миллер, 99) и на Карельском берегу (Миллер, 98). Текст Терского берега существенно отличается от них. Он представляет собой творческую переработку эпических мотивов, формирующих сюжет "Первый бой Добрыни со Змеею", мотива встречи героя в поле с разбойниками и балладных мотивов, знакомых по сюжету "Князь Михайла". Общая структура былины напоминает версию "Добрыни и Алеши", но конфликт разрешается трагически. Антитетичная композиция, характерная для баллады, заменена повторением однотипных эпизодов, подводящих к трагической развязке. Такое новообразование могло возникнуть в условиях живого бытования эпической традиции и влияния на нее балладной поэтики.

В Федосеево от М. С. Борисовой (ММБ, II, № 44) и в Поное от А. И. Горбунцовой (Миллер, 92) был записан сюжет "Мать продает сына", известный на Карельском берегу и в Поморье: Колежма⁷, Кандалакша⁸.

Сюжетные различия в эпической традиции Терского и Зимнего берега дополняются различиями в самой фактуре повествования. "Мелкие приемы описаний", по определению Маркова, передают характерности, свойственные записям Терского берега, которые в границах традиции раскрывают изменения, происходящие с эпическим текстом. В них выступают черты быта поморов, уже отмеченные собирателем

в старинах Зимнего берега⁹, жизненные реалии, элементы пейзажа и их местные названия.

Показателен один из финальных эпизодов былины "Михайла Данилович" — старый богатырь отправляется на поиски сына. При совпадении общей семантики с вариантами, записанными на Зимнем берегу, в частности от Г. Л. Крюкова, терская запись передает местную специфику, элементы жизни поморов, благодаря которым образ Даниила Игнатьевича получает дополнительные штрихи: "он тянет за собой по полю "днишшо корабельное" с ключевой водой и моет ею "тулова" убитых, чтобы найти сына:

*Он далёшеньким-далёко во чистом поле
Он заметил тотарина не битого,
Он не битого тотарича, не ранена:
Подъвигаитце тотарин скорёшенько,
За собой он тянёт дньишшо корабельноё.
Иише налито в нём да ключевой воды,
Ключевой ли воды, воды холодные.
Розьбирает он тела да все избитыя,
Он полошшот их в днишше корабельноём.*

ММБ, II 30, 71 (183—191)

При различии в интерпретации мотива поисков (у Крюкова Даниила Игнатьевич: "перемётывает трупья поганные, пересчитывает, // высоко мечет под небеса...") сохраняются смысл и "основные опорные образы". К ним добавляются яркие детали: колоссальное корабельное днище вместо ведра с водою; трупы, залитые кровью и нагроможденные в поле. Повторяясь у нескольких сказителей Кузомени — М. Ф. Кожиной и А. В. Кореховой, она определяет поэтическую фактуру повествования.

Другие локальные характеристики — наблюдения за поведением морского зверя — проступают в изображении бегства Оксёнышка от Змеи:

*Как Оксёнышко со камешка да унырнул, —
Уж как масьтёр был ходить Оксёнышко по-рыбнаму,
Иише масьтёр был нырять да по-звериному.*

ММБ, II, 26, 56 (57—59)

Включение в повествование элементов пейзажа, бытовых реалий и диалектизмов определяет стиль терских старин. Это и теплый песок, клубящийся от поскоков коня в формуле

богатырской поездки*, и топучие болота на берегу теплого моря, где в келии живет Данила Игнатьевич, это пенё и корень в поле, через которое продирается богатырь, и "дрезовная тележка", на которой везут Софьины братья на казнь Ивана.

Постоянные определительные сочетания обогащаются новыми признаками, усиливающими характерность, придающими изображению конкретно-локальный колорит. Например: "море синее, солоное", "море синее грозное", "русы кудри онесския", "речь самоедская". Эти определения носят оценочный характер и, входя в фигуры сравнения, придают ему дополнительный оттенок. Например, изображение князя Митрея в балладе "Князь Митрей и Домна Фалелеевна" (ММБ, II, № 54).

Локальные названия предметов и элементов ландшафта меняют привычное содержание общего места. Оно теряет свою "окаменелость", получает новое изобразительное решение. Так, старший богатырь Данила Игнатьевич учит сына, как он должен вести себя в бою:

*Не заежжай во середку силы-матицы,
Уж ты бей-то силу-то со строчками,
Оставляй силу наволочками.*

ММБ, II, 30, 70 (80—82)

"Матица" — бревно, лежащее в основании потолка, здесь — главная основная часть "силы". "Бить со строчками" — значит давать отдых, передышку во время боя. "Наволоки" — местное название мыса.

Михайла Данилович не должен избивать всех врагов подряд, а должен оставлять небольшие группы, похожие на мысы, возвышающиеся среди моря лежащих тел.

Приведенные примеры подтверждают эмоционально-выразительную функцию местных слов, их роль в "подновлении" образных характеристик. Сказитель, сохраняя содержание и стиль повествования, вводит в него новые, но знакомые слушателям подробности, которые фиксируют их внимание. Так, в варианте былины "Добрыня и Алеша", записанном от С. И. Клешовой, констатируется факт: жена Добрыни

* *Ис чиста-то поля курева пошла,
Ис желта песка только дым столбом.*

"Иван Годиневич", ММБ, II, 35, 76, (13-14)

*Не вдовой она сидит, она замуж пошла,
Не за кнезя пошла, да кнеженецького
Не за сына пошла да за кресеньского
Да пошла она за Олѣшеньку Поповица,
За того ли крестового за братѣлка.*

ММБ, II, 25, 54 (57—61)

В тексте У. Е. Вопиящиной эта же ситуация наполняется реальными подробностями, отражающими обычай одаривать при зарученье свата со свахою полотенцами:

*Она свата дарит одной шириноцькой,
Она сваху дарит другой шириноцькой,
Она съмелого Олѣшу калёной стрелой.*

ММБ, II, 24, 50 (174—176)

Контраст двух образов (одаривание сватов подарками, а жениха — стрелою) раскрывает психологическое состояние персонажа и эмоционально оценивает событие. Ключевая ситуация былины раскрывается двумя ходами: редуцированным, где эмоциональную нагрузку несут композиционные средства — повторение стержневого слова в приеме выделения конечного образа при отрицании всех других, и детализированным, развернутым в картину сватовства.

"Подновление" смысла типизированных описаний, поиски новых средств эмоциональной выразительности сказались и на эпических перенесениях. Марков отмечал этот прием в творчестве сказителей Зимнего берега. "Перенесение, — писал он, — является особенно удачным при сходстве положений, в которых оказывается переносимый факт"¹⁰. Он видел в этом явлении переадресовку известных фактов, географических названий, исторических личностей, персонажей и связанных с ними описаний.

В традиции Терского берега наблюдаются "перенесения" двух видов: межжанровые — эпические описания, включаемые в духовные стихи, и межсюжетные.

Примером межжанрового перенесения служат духовные стихи о Егории Храбром и Алексее, человеке Божьем, записанные Марковым. Так, в стихе о муках Егория мотив угрозы вражеского царя притянул эпическое описание:

*Он кнезей, бояр всех повырубил,
Благоверна царя Фёдора под мець склонил,
Благоверную царицу изуродовать хотел.*

ММБ, II, 6, 29 (12—14)

Необычность героя, его исключительность передаются типизированными описаниями "реакции природы" и "знаками на теле новорожденного" (ММБ, II, 6). Подобная "переадресовка" свойственна разным сказителям. В варианте стиха об Алексее, человеке Божьем, записанном от М. Ф. Кожинной (ММБ, II, 11) использована формула пира, сочетающаяся с формулой грусти, выделяющей героя:

*Как вся на пиру сидят напивались,
Как вся на щесном сидят наедались,
Как один Олѣксей сидит да невесѣл,
Свою буйную голову да повесил,
Обливаитце горюцима да слѣзама...*

ММБ, II, 11, 36—37 (62—65)

Противопоставление двух картин — веселья на свадебном пиру и глубокой печали одного из участников — служит средством выделения конфликта. Другие типизированные эпические формулы (вопросение, подготовка к выезду, богатырская поездка) вносят элементы эпической эстетики в иной по содержанию контекст.

В духовном стихе "Муки Егория", записанном от О. С. Воппящиной (ММБ, II, 6), использован развернутый детализированный эпический мотив "преодоление застав". Отправляясь к царицу Ондrejaнищу, Егорий, как эпический богатырь, проезжает через "леса темные", "горы камянны", "реку огненну". Описание духовного стиха отличается от былинного иной набор подробностей, но цель его та же — оно передает героический характер персонажа. Иначе воспринимаются внутрижанровые перенесения. Они отражают общеэпическую тенденцию перехода атрибутивных описаний в типизированные. Примером этого служат варианты былины "Михайло Данилович", записанные от А. В. Кореховой и М. Ф. Кожинной (ММБ, II, 30, 32). Юный богатырь изображается как эпический противник с птицами: соловьем, соколом и кречетом, сидящими на плечах и голове; из-под ног у него сыплются искры, он ездит по полю, подбрасывая палицу под облака. Перенесение свойств с противника на героя требует объяснения и сопровождается появлением новых подробностей. Отец дарит сыну птиц, чтобы они смогли предупредить его во время боя о грядущей опасности (ММБ, II, 32). В том же варианте, записанном от М. Ф. Кожинной, объясняется и "огненная природа богатыря":

*Он проводит своей да правой ножоцькой,
Ведь как скацют искорки булатныя.*

ММБ, II, 32, 74 (52—53)

Комизм ситуации в противоречии восприятия этой картины слушателями и участниками событий. Князь не замечает, что подковки, чиркая о камни, зажигают "искорки булатные". Объяснение причин идеализированного восприятия героя разрушает эпическую установку, цельность и немотивированность изобразительной характеристики. Третье перенесение — поигрывание палицей — притягивает новые подробности из сюжетов "Илья встречает Святогора" и "Женитьба Добрыни". Нечувствительность персонажа к ударам по голове служит задаче идентификации более могущественных, чем богатырь, противников — Святогора и Настасьи. В варианте А. В. Кореховой Михайла сам себя ударяет по голове:

*Он выкидывал палицу тяжолую,
Ишьче падала палица не на воду,
Што на воду падала, не на зямлю,
Ишше падала Михайлу в буйну голову.
А сидит тут Михайло не росьмехнитце,
А жолты кудри ево да не растрянутце.*

ММБ, II, 30, 70 (97—102)

Связь этого описания с сюжетом механическая. Отсутствуют персонажи-резонаторы, воспринимающие эту картину и участвующие в ней, когда нечувствительность героя к чужим ударам служит созданию эффекта неожиданности: победы более слабого богатыря над могущественным противником. Другие перенесения развернутых детализированных мотивов также носят механический характер. Это использование в былинне "Дунай", записанной от М. Ф. Кожинной (ММБ, II, 28), мотива уговора с дружиной (из сюжета "Царь Соломан ищет похищенную жену"). Сказительница не знает, что такое рог, и путает его с луком. То, что это не оговорка, подтверждает эпитет, составляющий с определяемым словом устойчивое словосочетание "тугой лук".

Еще одно механическое перенесение — формула выбора жены из былинны "Три поездки Ильи", вставленная в сюжет о сватовстве Ивана Годиновича (Миллер, 75). Прием контраста, используемый в ней, передает бессмысленность, ненужность женитьбы. Внесенная в сюжет о женитьбе Ивана

Годиновича эта формула противоречит содержанию повествования, разрушает целостность образа.

Широкое использование эпических перенесений в репертуаре сказителей Терского берега сочетается с модернизацией былинной лексики. Она незначительна, но ее появление противоречит эпическому канону. Так, в песне "Иван Дудорович", записанной от П. Ф. Конёвой (ММБ, II, 42), эпическая обрядность — троекратный приход послов Софьи за стрелой, формула спешки, троекратное изображение бужения героя, формулы просватывания и обручения со смертью ("Вы куды теперь девали тура златорогого // И туда же турицу златошерстную") сочетаются с бытовой лексикой. Например, Иван в спешке накидывает "шинель" на одно плечо. Видимо, здесь сказалось то обстоятельство, что Конёва изъездила все побережье от Архангельска до Кандалакши и Поноя и, несмотря на высокое качество своих старин, не могла отказаться от модернизации лексики.

Другая тенденция, проявившаяся в текстах, — психологизация образов. У. Е. Вопияшина детально передает реакцию Настасьи, которая слышит пение и узнает в скоморохе мужа:

*Худо видит вольный белый свет,
У ей слёзы-то скажут из ясных очей,
Не в один скопили руцей — ровно в три руцыя.*

ММБ, II, 24, 52 (319—321)

Эпические перенесения, появление новообразований, стремление к психологизации характеров и мотивировке действий персонажей свидетельствуют о роли личного начала в эпическом творчестве. Одновременно это вело к разрушению эпического канона. Проследить его динамику, как это осуществлялось в Прионежье, на Печоре, Пинеге и на Зимнем берегу, на Терском берегу не представляется возможным. Записи 50-х годов слишком немногочисленны. К тому же уничтожение старых деревень и образование леспромхозовских поселков, в которые стекалось пришлое население, не могли не сказаться на судьбах эпоса Терского побережья.

Принципы записи и эдиционная деятельность Маркова получили высокую оценку. В предисловии к "Материалам Терского берега"¹¹ содержатся правила передачи местного говора. Так, специальным знаком обозначены фрикативные: звук "r" (h) и звук, возникающий на стыке согласных (ъ).

Отмечено произнесение средних звуков между "л" и "в", "ц" и "ч", "с" и "ш". Указаны способы передачи пропуска звуков. Все эти правила говорят о внимании к фонетической фактуре. Вместе с тем сличение полевых записей с публикациями ставит ряд проблем.

Произношение певцов не было устойчивым. Они вариовали звуки в одинаковых позициях, и Марков отмечал это в своих тетрадах. У О. С. Вопияшиной: "царише" // "царишо" // "царишшо", "нишшо" // "нешшо", "тотарьская" // "тотарьская" // "тотарьцькая", "камяны" // "камянны", "светёл" // "святел" // "свьятел", "неверное" // "неверноё", "цесна" // "цесьна", "царишо неверное" // "царише неверный", "пешоры" // "пёшоры", "цурупчатые" // "сурупчатые", "молодец" // "молодец", "Настасья" // "Настася", "Идолишшо" // "Идолишо", "волочитисе" // "волочитьце". У А. В. Кореховой: "днишше" // "дньишшо", "вериги" // "вириги", "царсьво" // "царьсво", "крешшенё" // "крешшене". У М. Ф. Кожинной: "ише" // "ишше" // "ишша" // "ишче", "бог" // "boh" // "богородица", "теперь" // "теперец'е", "шахматы" // "шаһматы", "застрелил" // "посьтрелил", "снарёжаитц'е" // "роспрошшаитце", "Калин" // "Каин". У П. Ф. Конёвой: "ишшо" // "ишэ", "шчо" // "что" // "што", "ишчэ" // "ишче". Это лишь небольшой список, взятый из полевых записей. Фиксация этого явления усложнялась тем, что собиратель допускал сокращения слов, имен и повторяющихся отрывков текста. Они были следующих видов:

1. Сокращение имен персонажей. Обозначение их либо строчными буквами, либо строчными буквами и окончаниями. Например: "Ишше на имя Н-сю М-ну". (Ф. 160. П. 3. Т. 13. Л. 14.) При этом не учитывалась возможность варьирования при произнесении (Владимир // Владимир, Настасья // Настася). Переписывая текст, собиратель ориентировался на то описание, какое было в начале.

2. Сокращение слов при повторении. Обозначение их начальными буквами как с падежной формой, так и без нее. Например: "у. д. м." = "удалой доброй молодец"; "к. д. Н. д. Р." = "княжно дитё Настасья дочь Романовна"; "м. б. в." = "мать байну вымыла"; "во посл. раз" = "во посьледней раз", но и могло быть "во посьледней рас"; "сколь х.-м. до девети годов" = "сколь хитрамудра да девети годов" (Ф. 160. П. 3. Т. 13. Л. 14—17). Эти сокращения допустимы только при условии унифицированности речи сказителя.

3. Пропуски общих мест, повторений строк и отдельных стихов. Марков отмечает пропущенные при записи отрывки звездочками и вставляет их при переписке. Например, повторение требования Идолища вернуть ему Настасью Митреяновну, запись от О. С. Вопиящиной (Ф. 160. П. 3. Т. 11. № 39): Общее место, словесная фигура либо ситуация не всегда полностью повторяются. Сказитель, как правило, варьирует междометия, частицы, ударения, произнесение окончаний. Такие пропуски ведут к неточности записи.

4. Пропуск сюжетно-ситуативного, не повторяющегося в тексте описания. Оно было известно собирателю, но не внесено при записи, например, изображение Дюка в варианте О. С. Вопиящиной. После слов:

*Выезжал удалый добрый молодец
Молодой боярин Дюк Степанович*

Ф. 160. П. 3. Т. 11. № 50. Л. 9

следует ремарка Маркова: "следует описание Дюка "Плетка в полтораста рублей..." При перепечатке текста в собрании Миллера (№ 56) этот пропуск получает объяснение: "Далее следует описание Дюка, которого певица хорошо не знала "Плетка в полтораста рублей" и проч. (Миллер, с. 137). Нам остается лишь гадать, было ли это досадным пропуском или же певица действительно забыла описание.

Эти сокращения вынуждают нас критически отнестись к полевым записям. Сравнение их с перепечатками также вызывает возражения. Это касается в первую очередь составления сводных текстов. Так, былина "Добрыня и Алеша" была записана от Ульяны Егоровны Вопиящиной дважды: священником села Варзуга о. Николаем Михайловичем Истоминым, у которого она служила в прислугах, и Марковым. Разница между этими записями была не только во времени, но и в исполнении: Маркову Вопиящина пела былинку, а Истомину — рассказывала. Архив сохранил три варианта: полевую запись Маркова, беловик, переписанный карандашом (364 стиха), с приведенными на полях вставками и разночтениями из Истоминского текста, и начало варианта Истомина, переписанное Марковым (43 стиха). Сравнение этих трех текстов дало интересные результаты. Главный вывод — в собрании Терских былин приведен сводный вариант. В него включены наиболее удачные тирады, описания, отдельные фразы, словосочетания и слова из записи Истомина. Первые три стиха

принадлежат записи Маркова, четвертая и пятая (форма отрицательного сравнения) взяты из записи Истомина. Оттуда же добавлены следующие стихи: 78, 79, 81, 89, 90, 100, 105, 117, 127, 128, 153—157, 182—184, 205, 255, 256, 267, 273—278, 297, 315, 319, 323, 324, 359—362, 375, 381, 391—395. Помимо этого в тексте заменено 29 слов, предлогов и частиц и 27 словесных форм и фонетических знаков. Если объем Марковской записи 364 стиха, то сводная былина имеет 401 стих.

Сравнивая другие записи былин, мы пришли к выводу, что чаще всего собиратель сохраняет и воспроизводит особенности местного говора. Вместе с тем он допускает отступления от этого правила. В литературной форме передавалось отмеченное в рукописи оглушение согласных, унифицировалось написание отдельных слов.

Интересно сравнить два текста: полевою запись былины "Михайла Данилович" (Ф. 160. П. 3. Т. 6. № 93) и ее перепечатку в "Материалах..." (ММБ, II, № 30). Готовя рукопись к изданию, Марков добавляет отсутствующие знаки смягчения согласных. ("Приобнес/ь/ли", "ес/ь/ли"), заменяет гласные ("теперь на "типерь", "останитце" на "останетце"), убирает лишние частицы, укорачивает звуки: "паежжаючи/сь/" "/О/не не уронят тебя в подкопы глубокие" (ММБ, II, № 30, с. 70, с. 89). Некоторые ремарки, отрывки, произнесенные, а не спетые сказительницей, он вводит в текст (строки 86, 87, 130, 131, 196, 197, 200).

Более точной атрибуции требуют отдельные записи. Так, в "Материалах..." былина "Михайла Данилович" отнесена к репертуару М. Ф. Кожиной, а в полевых записях перед ней стоит имя А. В. Кореховой (Ф. 160. П. 3. Т. 6. № 93).

Не опубликованы былина "Иван Годинович", записанная от М. С. Борисовой (П. 3. Т. 2. № 39-а), "Добрыня и Змея" и "Иван Дудорович" — от У. Е. Вопиящиной (П. 3. Т. 9. № 69, 66); духовные стихи про Лазаря — от У. Е. Вопиящиной (П. 3. Т. 8. № 64), "Расставание души с телом" — от П. Г. Мошниковой (П. 3. Т. 12. № 78) и "Спасение души" (П. 3. Т. 12. № 79) — от нее же, прибаутка — от С. И. Клешовой (П. 3. Т. 12. № 84). В тетради № 13 собраны непечатавшиеся песни: "Граф Захар Григорьевич Чернышов", "Штурм Азова", протяжная, величальная и наборная.

Архив Маркова содержит богатейший материал. Это записи с Карельского и Зимнего берега, песни из Тверской, Архангельской, Смоленской, Ярославской, Калужской, Кур-

ской, Рязанской, Олонецкой и Московской губерний, сказки, духовные стихи, сборники романсов и песен. Большинство этих материалов не опубликовано. Они требуют тщательной проверки, комментирования и скорейшего издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. — Ч. II: Терский берег Белого моря // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при ЭО ОЛЕАЭ. — М., 1911.

² Былины новой и недавней записи из разных областей России / Под ред. В. Ф. Миллера. — М., 1908. — № 56, 65, 78 от О. С. Вопияшиной (Кузомень), № 64 от А. Д. Полежаевой (Кандалакша), № 75 от С. И. Клешовой (Варзуга). Понойские записи: № 30 от У. И. Короптеевой, № 31 от В. В. Самохваловой; № 69, 96 от Т. Т. Логиновой; № 76, 92 от А. И. Горбуновой.

³ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (бывшей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина). — Ф. 160. — П. 3. — Т. 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; П. 9. — Т. 8; П. 12. — 13, 15, 16, 18.

⁴ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. ... — С. 3.

⁵ Беломорские былины / Зап. А. Марковым, с пред. проф. В. Ф. Миллера. — М., 1901. — С. 6—7.

⁶ Там же — С. 6.

⁷ Архангельские былины и исторические песни / Собр. А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, запис. поср. фонографа. — М., 1904. — Т. 1. — № 24. — С. 96—98.

⁸ Русские народные песни Карельского Поморья / Ред. Н. П. Колпакова. Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. — Л., 1971. — № 194. — С. 149—150.

⁹ Беломорские былины... — С. 6—7.

¹⁰ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса. — Вып. II. — М., 1906. — С. 51—53.

¹¹ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. ...

А. В. Кулагина

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БАЛЛАДЫ

Четверть века назад Д. М. Балашов, рисуя картину современного состояния баллад, отмечал, что они почти забыты. Однако, ссылаясь на отчеты фольклорных экспедиций Московского государственного университета¹, он писал: "Баллады по-прежнему оказывались устойчивее былин, как выяснилось, например, в результате многократного обследования районов Прионежья"².

В 1970 году автором предлагаемой статьи с целью оценки картины современного бытования баллад на Севере была проведена экспедиция по следам наиболее продуктивных в этом отношении экспедиций кафедры фольклора филологического факультета МГУ (1957—1959 годы)³.

Больше всего баллад было записано в 1958 году на Кенозере (Першлахта, Коровино, Зехново, Тыр-Наволоок, Спицыно) и в Каргопольском районе Архангельской области (Морщихинская, Нокола, Село, Хотеново, Русь). Кроме того, был обследован ряд деревень и сел в Онежском районе Архангельской области.

Повторное обследование наиболее "балладных" районов показало, что здесь безвозвратно исчезли баллады "Молодец и королева", "Молодец и река Смородина", "Князь Михайло",

"Братья-разбойники и сестра", которые были записаны здесь ранее. Всего удалось записать 74 текста: 6 сюжетов традиционных эпических баллад ("Василий и Софья", "Насильственное пострижение", "Муж жену губил", "Оклеветанная жена", "Злые корни", "Жена разбойника") и 25 сюжетов "новых" баллад ("Ехали солдаты", "Ванька-ключник", "Муж-солдат в гостях у жены" ("Два героя"), "Отец сыну не поверил", "Хас-Булат", "Тростник", "Сестры-соперницы", "Под вечер осенью ненастной", "Морячка", "Маврина", "Скакал казак через долины", "Течет речка широка", "Брат сестру полюбил", "Кладбище Митрофаньевское", "Катя-пастушка" и др.).

Наблюдения даже в наиболее "балладных" районах показали, что жанр традиционной баллады угасает: резко сузилось число исполнителей, сжался круг сюжетов, которые, как правило, хранятся в памяти пожилых людей, но не бытуют активно, и даже "новые" баллады оцениваются как старинные. Но угасание это происходит неравномерно: в одних районах тот или иной сюжет забыт, в других — его любят и поют.

Какая же картина наблюдается в последние 10—15 лет и наши дни? Не претендуя на исчерпывающую полноту наблюдений над современным состоянием баллад на обширнейшей территории бывшего Советского Союза (это дело будущего, когда будут систематизированы и описаны коллекции богатейших архивов страны — Пушкинского Дома, республиканских архивов и вузовских), попытаемся показать и обобщить некоторые тенденции в характере бытования баллад в разных регионах нашей страны. Оценку современного состояния баллады можно дать исходя из анализа публикуемых отчетов экспедиций, проводившихся в разных областях России и некоторых бывших союзных республиках, а также на основе материалов Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора, проходившей с 23 по 27 октября 1979 года в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР, опубликованных в специальных выпусках "Русского фольклора"⁴.

В этом отношении показательна статья П. С. Выходцева⁵, обобщающая результаты "систематического и по возможности всеохватывающего обследования современного состояния фольклора на Беломорье"⁶.

С 1975 по 1978 год Сектором народного творчества Ин-

ститута русской литературы проводились научные экспедиции, охватившие обширный и малоизученный район Белого моря. Было обследовано 57 населенных пунктов и записано более 6000 песен (свадебных, лирических, хороводно-игровых), причитаний, заговоров, загадок, пословиц, сказок и др.

На Кулое, Абрамовском и Летнем берегах Белого моря экспедициям удалось записать лишь несколько полноценных баллад в прозаической форме: "Как поехал князь да Михайло" (Долгошелье), "Девять братьев и сестра" (Нёнокса), "Ой, из-за моря-то, моря синего" (Яреньга), "Женился князь да девяти годов" (Пушлахта), "Ой, да нас ведь молодцов да немножко" (Кулой), "Старина сказать да старика связать" (Покровское), "Князь Митрий и Домна" (Долгошелье).

П. С. Выходцев, отмечая, что в некогда былинных районах наряду с балладами-старинами зафиксированы пересказы былин с балладными сюжетами, пришел к выводу о том, что "завершающий этап бытования древнего эпоса связан именно с балладами-старинами"⁷. Наибольшей сохранностью, по мнению П. С. Выходцева, отличаются песни-баллады литературного происхождения ("Хас-Булат", "Морячка", "Ермак", "Бродяга", "Окрасился месяц багрянцем" и т. п.)⁸.

Такую же тенденцию отметила в своей статье о фольклоре Приангарья Н. А. Новоселова⁹. В числе активно бытующих она назвала баллады литературного происхождения "Ванька-ключник" В. В. Крестовского, "Хас-Булат удалой" А. Н. Амосова, "Под горой избушка" (сюжетное ядро — муж в гостях у жены). Как единичные она отметила баллады "Муж жену губил", "Сестра замужем за разбойником", "Что у купчика у богатого".

В. П. Федорова в статье "Собирание фольклора в Зауралье"¹⁰ указала на факт сохранности исторической баллады о татарском нашествии "Как за речкою да за Дарьею" (сюжет "Теща в плену у зятя"), которая и поется, и бытует как предание.

Важное место в современной фольклористике уделяется бытованию русского фольклора в иноязычной среде, все больше экспедиций проводится в разных регионах нашей страны. Так, например, уже более десяти лет филологический факультет Казахского государственного университета занимается собиранием и изучением фольклора семиреченских казаков под руководством М. М. Багизбаевой. Одна из участниц этих экспедиций, А. Б. Абдуллина, исследующая песенное твор-

чество Семиречья, отмечает "широкое бытование балладных песен (старые баллады "Оклеветанная жена", "Братья-разбойники и сестра", "Жена разбойника", "Муж жену топил"), песен балладного происхождения о дочке-пташке, прилетевшей в родной сад, а также на сюжет "Муж-солдат в гостях у жены" и др."¹¹. Сюжет "Муж жену губил" в Семиречье записан с разными зачинами. Зафиксирована также баллада "Марья Юрьевна". А. Б. Абдуллина отмечает и распространность новых баллад, возникших в XIX веке ("Веселый разговор", "Каторжанин", "За грибами в лес девчата гурьбой собрались", "Кончил, кончил курс науки", "При бурной ночи", "По Дону гуляет" и др.).

Т. А. Золотова, занимающаяся проблемами регионального изучения русского фольклора на территории Республики Марий Эл¹², указала на почти полную идентичность с материалами центрально-поволжского региона баллад "Оклеветанная жена", "Братья-разбойники и сестра", "Жена разбойника", а также новой баллады "Ванька-ключник".

Р. П. Матвеева, говоря о результатах сибирских экспедиций 1968—1978 гг. в Амурской (1969), Читинской (1970, 1974), Горно-Алтайской (1970), Омской (1971), Томской (1971), Кемеровской (1972), Тюменской (1972), Иркутской (1975), Сахалинской (1976), Камчатской (1976) областей, Приморского (1969), Красноярского (1972, 1978) краев, Бурятской (1971, 1974), Якутской (1973) АССР, отметила, что целью этих экспедиций было изучение произведений, находящихся не только в живом бытовании, но и в пассивном хранении. Основную массу всех записанных во время экспедиций произведений составляют песни, причем преобладают песни литературного происхождения¹³.

Н. Ф. Онегина, характеризуя стихотворный эпос, записанный в Карелии¹⁴, подсчитала, что экспедициями МГУ под руководством Э. В. Померанцевой в Пудожском районе и в Кижях в 1956—1958 гг. было записано 90 баллад, а в 1961 г. в Пудожском районе, в деревнях вокруг озера Купецкого, студентами Петрозаводского университета под руководством Г. Григорьевой было записано 14 баллад. В 1969 г. сотрудниками ИЯЛИ в Пудуже записано 9 баллад. На Карельском берегу Белого моря в 1958 г. Д. М. Балашов и К. В. Чистов записали 8 баллад, а в 1963—1964 гг. в д. Грядно и Калгалакша А. П. Разумовой и А. А. Митрофановой удалось записать 17 баллад.

Как сохраняющиеся в живом бытовании Н. Ф. Онегина называют сюжеты "Братья-разбойники и сестра", "Князь, княгиня и старицы", "Дмитрий и Домна", "Муж губит свою жену", "Василий и Софья", "Мать князя Михаила губит его жену". Кроме того, в архиве КНЦ хранятся тексты баллад на сюжеты "Молодец и горе", "Молодец и королевична", "Сестра отравляет брата" и др. (см. таблицу).

В архиве Нижегородского университета находятся баллады, записанные начиная с 1954 г. и по наши дни (9 сюжетов старых баллад и 21 сюжет — новых).

Располагая данными трех архивов, составим сводную таблицу соотношения сюжетного состава:

Таблица

Сюжет	МГУ	Петрозаводск	Нижний Новгород
Авдотья Рязаночка	2	-	-
Братья-разбойники и сестра	132	64	15
Василий и Софья	47	27	-
Гибель пана	1	-	-
Девушка в келье	4	-	-
Девушка отравила молодца	7	1	2
Дети вдовы	13	-	-
Дмитрий и Домна	43	43	-
Дочь-пташка	2	-	-
Жена мужа зарезала	1	3	3
Жена мужа повесила	21	-	8
Жена разбойника	15	-	40
Казак и шинкарь	39	-	-
Князь Волконский и Ваня-ключник	5	-	-
Князь и старицы	34	46	-
Князь Михайло	44	48	-
Князь Роман и Марья Юрьевна	6	-	-
Милый сжигает девушку	8	-	-
Михайло и рябинка	10	-	-
Молодец и горе	15	3	-
Молодец и королевична	14	2	-
Молодец и река Смородина	1	-	-
Муж жену губил	650	37	50
Муж-солдат в гостях у жены	26	-	4
Насильный постриг	18	-	10
Обманутая (похищенная) девушка	9	-	-
Оклеветанная жена	80	-	10
Параня (Палаша)	2	-	-
Проданный сын	1	6	-
Свекровь обращает сноху в траву	1	-	-

Сюжет	МГУ	Петрозаводск	Нижний Новгород
Смерть любимой	1	-	-
Татарский полон	1	1	-
Три жеребья	26	-	-
Угрозы молодцу	2	-	-
Худая жена — жена умная	1	6	-
Федор и Марфа	3	-	-

С каждым годом экспедиции привозят все меньше старых эпических баллад, многие собиратели указывают на преобладание новых баллад литературного типа, но процесс этот проходит неравномерно: в Карелии, например, записано 43 сюжета баллады "Дмитрий и Домна", столько же текстов хранится в архиве кафедры фольклора МГУ, а в Нижегородском университете — ни одного (см. таблицу). В Казахстане записана баллада "Марья Юрьевна", не зафиксированная ни в Карелии, ни в Нижнем Новгороде, но имеющаяся в МГУ и т. д. Самая популярная в России баллада "Муж жену губил" есть во всех архивах, но в одних селах она забыта, в других ее знают и поют дети. Анализ вариантов баллады с сюжетом "Муж губит жену" (I — "Князь Роман жену терял" /21 вар./ и II — "Муж жену губил" /73 вар./), записанных в Новгородской, Саратовской, Вологодской, Пермской, Тульской, Архангельской, Калужской областях, а также на Северном Кавказе, Дону, в Башкирии, Татарии и Москве, показал, что в процессе ее длительного бытования (свыше двухсот лет) вплоть до наших дней неизменными оставались тематика, проблематика, идейная сущность, а также система персонажей, образность, сюжет. Исследование процессов эволюции сюжета показало тенденцию к сжатию его за счет выпадения побочных мотивов как в первой, так и во второй балладах. Более древний сюжет "Князь Роман..." оказался непроницаемым для лиризации, постепенно разрушался за счет забвения и утраты ряда мотивов, а "Муж жену губил", контаминируя с лирическими зачинами, в ряде случаев терял сюжетообразующие мотивы и лиризовался, в некоторых случаях превращаясь в лирическую песню. Можно отметить также тенденцию к сужению числа персонажей, схематизации образов. Процесс лиризации проявляется и в том, что "высокие" балладные персонажи заменяются традиционными персонажами лирики ("донской казак", "добрый молодец", "муж"). Во второй балладе, более поздней по времени возникновения, про-

явилась большая типизация, характерная для лирики, отказ от личных имен героев, большая эмоциональность.

В балладах более устойчивым оказалось имя центрального действующего лица и менее — второстепенных персонажей.

Повторная запись от А. Н. Старицыной в д. Першлахте на Кенозере (первая была сделана в 1958 г. Ю. И. Смирновым, вторая — в 1970 г. А. В. Кулагиной) показала, что объем баллад остался неизменным (сократившись лишь на 1 строку: вместо 59 — 58 строк), неизменной осталась и сюжетная схема. Абсолютно идентичными вместе с тем остались лишь 9 строк, в остальном появился ряд изменений (дополнительные слова, перестановка, выпадение слов, строк, повторов, замена слов, строк, появление уменьшительно-ласкательных суффиксов, изменение формулы с сохранением смысла). Но, несмотря на ряд изменений, внесенных исполнительницей по прошествии 12 лет, традиционной образности это не коснулось.

Сопоставление четырех текстов, записанных в одном селе одновременно от разных исполнителей (с. Кеба Лешуконского района Архангельской области)¹⁶, показывает, что один из них оказался сильно разрушенным (исполнительница, которая обычно "взад поет", сумела припомнить только первые четыре строки, а остальной текст довольно схематично пересказала), а один — наиболее полным (записанный от хора в пять человек)¹⁷.

Чтобы дать более конкретную оценку современному состоянию баллады, обратимся к одному из самых богатых архивов страны — архиву кафедры фольклора филологического факультета МГУ, где хранится большая коллекция баллад, собиравшихся начиная с 1949 года по настоящее время.

Экспедиции проводились в Ивановскую, Владимирскую, Архангельскую, Московскую, Орловскую, Тульскую, Воронежскую, Кировскую, Куйбышевскую, Калининскую, Вологодскую, Ярославскую, Калужскую, Костромскую области, Башкирскую, Карельскую, Коми, Татарскую АССР и др. Классические эпические баллады представлены 36 сюжетами (см. таблицу).

Самый популярный сюжет "Муж губит жену" записан более чем в 650 вариантах. Девятнадцать вариантов наиболее древней баллады "Князь Роман жену убил" можно сгруппи-

кроватушку сделаю", "из ребер ... разъемный самостол", "из крови — пиво пьяное". В сборнике Балашова:

*Я из косточек терем выстрою,
Я из ребрышек полы выстелю,
Я из рук, из ног скамью сделаю,
Из головушки ендову солью,
Из суставчиков налью стаканчиков,
Из ясных очей — чары винные,
Из твоей крови наварю пива.*

Приводимый нами современный вариант был записан в д. Старо-Шешменск Татарской АССР от хора пожилых женщин в составе 5 человек. Учитывая конкретные оценки или ситуации, способствующие сохранению или прерыванию традиции, Н. И. Савушкина отмечает как фактор сохранения традиции в русских селах Татарии "престижность" знания старых баллад, редких и сложных по исполнению, а также эмоциональный отклик на их исполнение²⁵.

Наряду с традиционными балладными сюжетами в Чистопольском районе в 1982 году были записаны и новые баллады (37 баллад на 12 сюжетов): "Ехали казаки" (вар. "Шел солдат со службы", "Один из казаков") (11), "Два героя" (поздняя версия сюжета "Муж-солдат в гостях у жены") (6), "Ванька-ключник" (6), "Сестры-соперницы" (3), "Жена охотника" (3), "По Дону гуляет" (2), "Два брата" (брат-белогвардеец убивает брата-красноармейца), "Сестры ищут убитого брата" (контаминированный с романсом сюжет), "Сын-разбойник убивает отца", "Мачеха и падчерица" (мачеха обижает падчерицу, и девушка убегает из дому), "Как во нашей во деревне", "Брат сестру полюбил".

Сложность и противоречивость процессов, связанных с угасанием жанра, проявились и здесь, в сравнительно богатом балладами районе. С одной стороны, художественно полноценные, с разными зачинами сюжеты баллады "Муж жену губил (топил)" ("Речка быстрая, вода чистая, дева мылася, умывалася" /ФЭ 12:9533/, "Как у ключика" /ФЭ 12:1038/, "Вот у ключа-то" /ФЭ 12:0036/, с другой стороны, неполный вариант литературной баллады "Ванька-ключник" /ФЭ 12:1004/ (наряду с полноценным, записанным здесь же).

С одной стороны — исполненный без начала и конца вариант новой баллады "Сестры-соперницы" (ФЭ 13:1508), с другой — полный вариант с обстоятельным зачином (ФЭ

12:9496), которого нет даже в лучших образцах, приводимых Д. М. Балашовым²⁶:

*Приехал же, приехал
Из-за иных земель король,
Приехал он, он посватать
Младшую царскую дочь.*

В отличие от "урожайных" на баллады ряд экспедиций дает гораздо более скромные результаты, несмотря на тщательные поиски балладных сюжетов (один-два сюжета наиболее распространенных старых баллад и несколько сюжетов поздних, которые исполнители считают старинными).

Так, например, экспедиция в с. Николаевку Мензелинского района Татарской АССР обнаружила лишь один балладный сюжет "Муж жену топил", хотя в середине XIX века здесь Н. Е. Пальчиковым было записано семь балладных сюжетов²⁷. В Людиновском районе Калужской области широко распространены, по свидетельству Е. В. Андросовой-Минёнок, работавшей там в 1989—1990-е годы, баллады "Жена мужа зарезала", "Муж жену губил", "Муж-разбойник" и "Рябинка", причем исполняют их многоголосым хором (в составе которого люди не только пожилого, но и среднего возраста). Там же был записан неизвестный в других районах сюжет "Муж выгнал мать из дома". В некоторых других районах Калужской области старых баллад не удастся записать вообще. Все это свидетельствует о неравномерности угасания жанра.

Кроме процессов сужения круга бытующих сюжетов, разрушения, забвения, происходит вытеснение старых баллад новыми. Этот процесс начался во второй половине XIX века, когда на фольклор стало оказывать сильное влияние профессиональное литературное творчество. Новые баллады имеют рифму, строфику, по своей метрической системе они ближе к западноевропейским балладам, нежели к старинным русским. Но их тематика во многом традиционна, хотя и здесь произошли большие изменения.

Старые баллады тематически делились на четыре группы (по характеру основного конфликта): исторические, семейные, любовные и социальные. В новых балладах явно преобладает любовная тематика.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ НОВЫХ БАЛЛАД

Любовные

I. Самоубийство парня из-за любви

1. Узнав, что любимая ему изменила, казак убивает коня и кончает с собой. "Скакал казак через долину" (ФЭ 10:2590); вариант: "Казак покидает село" (Балашов, с.336).

2. Марко влюбляется в попавшую в рыбацкие сети фею, ночью она исчезает. Не найдя ее, он бросается в Дунай. "В лесу над рекой жила фея" (ФП 07:0339).

3. Отец не верит, что на свете есть любовь, и не разрешает сыну жениться. Сын кончает с собой. "Как во нашей во деревне" (ФЭ 10:2351).

4. Друзья зло шутят над летчиком, сообщив, что девушка его разлюбила. Он делает мертвую петлю и погибает. Она рыдает у гроба любимого, упрекая его друзей. "Они любили друг друга с детства" (ФП 03:7475).

5. Разлюбившая Колю Клава просит нарезать ее, но тот убивает себя. "Садилось солнце..." (ФП 02:6285), "Вьется сокол над осокой" (ФЭ 01:9617).

6. Парень вьет веревку, чтобы продать ее и купить гостинцы любимой. Но она пошла под венец со стариком, а парень на этой веревке повесился. "Чернобровый парень бравый" (ФП 03:0992).

* * *

II. Самоубийство девушки из-за любви

1. Девушка, соблазненная и брошенная офицером, кончает с собой. Узнав об этом, он убивает себя. "На Варшавском на главном вокзале" (ФЭ 08:2204).

2. Коломбина, которой подруга-соперница сообщила о мнимой измене ее любимого Джона, кончает с собой. Джон, увидев мертвую Коломбину, убивает себя. "Коломбина" (ФП 02:6165).

3. Певица Мэри и Артур любят друг друга. Во время ее концерта, видя, что его нет, Мэри принимает яд. Опоздавший Артур, увидев мертвую Мэри, стреляется. "Где раздается запах лилий" (ФП 03:6069).

4. Соблазненная и брошенная девушка кончает с собой:

"Бывали дни веселые" (ФП 01:5648),

"Весь был дом освещен" (ФЭ 09:8619),

"Ах, бедная жертва" (ФП 01:0061) — топится,

"Бедная девица, горем убитая" (ФП 01:2043) — топится,

"Сажусь за стол, беру я карты" (ФЭ 16:8044) — топится,

"Ах, бедное сердце" (ФП 03:2259) — топится,

"В эту лунную ночь" (ФП 03:6721) — вонзает себе в грудь кинжал,

"Танцевали мы танцы" (ФП 01:4966) — стреляет в себя, "Лиля" (ФП 03:9166) — топится,

"Желтый лист задумался о чем-то" (ФЭ 16:5869) — бросается под поезд,

"Старик высокий, черноокий" (ФП 04:2101) — бросается под поезд.

5. Соблазненная девушка остается с ребенком и кончает с собой:

"Солнце скрылось за горою" (ФП 04:1349) — топится,

"Течет речка по песку" (ФЭ 09:8720) — топится,

"Ах, моряк, моряк, моряк" (ФП 01:7311) — топится,

"Потеряла я колечко" (Гусев, II, с. 349) — топится,

6. Соблазненная и оставленная любимым девушка страдает:

"Златые горы" (ФП 03:6395),

"Ой вы, девочки" (ФП 03:3224),

"Чайхана красивая у моря" (Колл. Гулыги) — остается одна с сыном и страдает.

* * *

III. Парень убивает не любящую его девушку

1. Моряк приглашает красотку на корабль, но, узнав, что та не любит его, бросает ее за борт. Раскаявшись, хочет ее спасти, но поздно. "Семнадцать лет из-под неволи" (ФЭ 11:3895).

2. Царь обещает девушке корону, коня, полцарства, чтобы она согласилась стать его женой. Она не хочет. Царь дает приказ убить ее. "Лариса" (ФЭ 11:7962).

3. Коля убивает Олю, которая призналась, что не любит его. "Все васильки, васильки" (ФП 03:9148).

4. Дудочка, сделанная из тростника, рассказывает о том, как сын мачехи убил девушку, не желавшую ответить на его любовь. "Тростник" (Гусев, I, № 337).

5. Девушка говорит милому, что не станет его женой, так как отец-священник против ее супружества с коммунистом. Коммунист убивает ее и во всем винит тирана-священника. "Тихо сияла луна" (ФП 04:2345).

6. Парень, погуляв с девушкой, убивает ее. "Двенадцать часиков пробило" (ФП 03:7202).

7. Ваня убивает Маню, одну из сестер, с которыми он гулял. "На столе лежит серый котеночек" (ФП 03:6073).

* * *

IV. Парень убивает изменившую ему девушку

1. Летчик сажает изменщицу в самолет, набирает высоту

и выпрыгивает с парашютом. Девушка разбивается. Это урок всем: "Если парню закружила голову, то люби лишь только одного". Его осудили на 10 лет. "Полюбил я девушку простую" (ФП 07:0848).

2. Леня убивает изменившую ему Марусю. Ему присуждают 10 лет. "Как в Грибьевской деревне" (ФП 03:6078).

3. Капитан-испанец, увидев свою красотку-мексиканку с другим, убивает ее. "Корабль под названием "Медуза" (ФП 03:7202).

4. Парень убивает неверную девушку и кончает с собой. "Что ты плачешь, мой миленький мальчик" (ФП 03:7176).

* * *

V. Парень убивает соперника (соперников) (вариант: и изменницу)

1. Узнав, что гречанка изменила, герой убивает соперника и неверную. "Черная шаль" (Б., с. 339).

2. Парень убивает соперников, которых он застает у своей любовницы-вдовы, и ее саму. "Хуторок" (Лазутин, № 129).

3. Рыцарь спешит к Мальвине, но поздно: ее обвенчали с другим. В поединке гибнут оба, умирает и она. "Мальвина" (Б., с. 362) Вар.: рыцарь убивает ее за измену (Б., с. 363).

4. Парень убивает изменщицу, которая вышла замуж за купца-соперника и попадает в Сибирь. "Бывали дни веселые" (ФЭ 10:2306).

5. Парни убивают Колю, который отбил Нюру у их односельчанина. "У нас на хуторе один мальчишечка жил" (ФП 02:7394).

* * *

VI. Девушка убивает соблазнившего и бросившего ее милого

1. Укротитель зверей Андрюшка соблазняет Катю-пастушку и бросает ее. С горя она пьет, ребенок умирает, и, встретив соблазнителя, она убивает его. "Катя-пастушка" (ФП 01:0111).

* * *

VII. Девушка убивает неверного милого (и соперницу); (и себя)

1. Узнав, что милый женится на другой, девушка убивает их. "Однажды сижу за роялей" (ФП 02:8242).

2. Девушка, чтобы отомстить изменившему любовнику, топит его в лодке и гибнет сама. "Окрасился месяц багрянец" (ФП 02:9091).

3. Девушка на суде признается, что убила любимого

от ревности, и умирает. "Любовь бывает хороша..." (ФП 01:0116).

4. Катюша выслеживает изменившего милого, убивает парочку и себя. "Вот спою я вам песню новую" (ФЭ 10:2597).

* * *

VIII. Похищение девушки

1. Матрос завлекает девушку на корабль. Она жалуется, что должна стать простой морячкой. Но оказывается, что он — наемник короля. "Морячка" (ФЭ 10:8705).

2. Парень крадет томящуюся в неволе у боярина Карачаева Любашу. "Близко города Славенска" (ФП 03:9352).

3. Парень убивает старого мужа красотки и предлагает ей бежать с ним. "Живет моя красotka..." (ФП 01:2015).

* * *

IX. Молодец стремится к любимой, но узнает, что она мертва

1. Три спутника вошли в дом старушки. Один из них спрашивает, где ее дочь, и узнает, что она умерла. Он объясняется в любви у гроба девушки. "Три спутника" (ФЭ 11:8064).

2. Капитан любит девушку из Нагасаки. Однажды, прибыв в порт, он узнает, что ее зарезали. Он страдает. "Капитан,— и родина его — Марсель" (ФП 04:1847).

3. Шофер и красавица-кочегарка любят друг друга. Она гибнет, попав под машину. Он страдает. "В одном городе жила парочка" (ФП 02:8717).

* * *

X. Смерть шофера

Рая, шофер быстроходной машины, говорит Коле, что ответит на его любовь лишь тогда, когда его тяжелая машина перегонит ее. Пытаясь это сделать, он гибнет. "По Чуйскому тракту..." (ФЭ 01:3490).

Семейные Муж — жена

I. Неверность жены

1. Муж "перестает сам собой дорожить" на фронте и гибнет, узнав об измене жены. "На заводе том была парочка..." (ФП 03:6060).

2. Муж, проверяя верность жены, сообщает, что стал калекой. Она бросает его. Вернувшись, орденоносец и красавец, он забирает дочку, которая обещала ухаживать за калекой, а раскаявшуюся жену отвергает. "Это было совсем лишь недавно" (ФП 04:2301); вариант (ФП 05:5564).

3. Вернувшийся с фронта калека убивает не желающую его принять жену и кончает с собой, оставляя сиротой маленького сына. "Напрасно Катюша ждет мужа домой..." (ФП 03:6060).

4. Муж убивает неверную жену и перед отправкой в Сибирь раскаивается. "Паша, ангел непорочный" (ФП 01:5102); "Ехали солдаты" (Гусев, II, № 751).

5. Цыганка нагадала охотнику, что жена ему неверна. Охотник убивает любовника, жену и кончает с собой. "Жена охотника" (ФЭ 10:8724).

6. Хас-Булат убивает изменницу-жену и гибнет от руки разгневанного князя. "Хас-Булат" (Гусев, II, № 779).

* * *

II. Встретившиеся жена и муж-солдат не узнают друг друга (вариант: и сын солдата). "Закатилось красно солнышко" (Б., с. 349), "Два героя" (Б., с. 347).

Родители — дети

I. Отец убивает дочь по наущению мачехи (мачеха доводит падчерицу до самоубийства)

1. Отец по наущению мачехи убивает свою дочь на могиле ее матери. "Кладбище Митрофаньевское" (ФЭ 08:2238).

2. Мачеха обижает девушку, которая кончает с собой на могиле матери. Ее отец, увидев мертвую дочь, кончает с собой. "Жила девушка с родной матерью" (ФП 1990. Т. I. № 178).

3. Жена требует, чтоб муж убил свою прежнюю жену и двух детей, муж убивает. "Жил я в городе Калуге" (ФП 03:4206).

* * *

II. Отец сжигает детей по наущению мачехи. "Первый факт расскажу я вам" (ФЭ 10:2601)

* * *

III. Мать губит незаконнорожденное дитя

1. Согрешившая монашенка утопила ребенка. Ее отправляют в Сибирь. "Во городе во Киеве случилася беда" (ФП 01:4212).

2. Леночка, брошенная Лёначкой, убивает родившуюся дочку. Лёначка привозит дочке подарок, но поздно: она — убита, мать — в тюрьме. "На дворе стоит да пень березовый" (ФЭ 00:8538).

3. Мать убивает дочь по требованию любовника. Неожиданно возвращается из армии отец, мстит за дочь и идет в тюрьму. "Надя" (ФП 03:0209).

4. Соблазненная девушка бросает ребенка, чтобы избавиться от позора. "Под вечер осенью ненастной" (ФЭ 10:2601); "Я за девушкой ухаживал три года" (ФП 01:7375).

* * *

IV. Отец — дочь (инцест)

Соблазненная и покинутая девушка мечтает отомстить обидчику, воспитывая одна родившихся близнецов (мальчика и девочку). Став взрослой, ее дочь Марианна приводит в дом жениха, в котором мать узнает своего соблазнителя. Потрясенная свершившимся, мать убивает любовника дочери (ее отца), дочь умирает, мать выпивает яд. Сын поджигает дом с трупами родителей и сестры и гибнет сам. "Марианна" (ФЭ 09:8744).

Брат — сестра

I. Инцест (преднамеренный)

1. Сестра после инцеста умирает от разрыва сердца, брат вешается. "Что вы, граждане, припечалились?" (ФЭ 08:2402).

2. Отец посылает на каторгу сына, виновника инцеста, а дочь прощает. "Я кончил курс своей науки" (ФП 1990. Т. I. № 176).

* * *

II. Инцест (непреднамеренный)

1. Капитан проводит ночь с девицей из кабака, а утром узнает, что это его сестра. Застрелив ее, он бросается с утеса в океан и гибнет. "Далеко в притоне Сан-Франциском" (ФЭ 08:2246).

* * *

III. Брат убивает сестер

1. Младший брат убивает выросших его сестер, чтобы завладеть их домом. "Отец старый был, дети малые" (ФП 02:6083).

Братья

II. Брат убивает брата

1. Брат убивает неузнанного брата, а потом раскаивается.

"Что творится по тюрьмам советским" (Колл. К);

"Есть в Италии маленький дом" (Колл. К).

2. Брат убивает брата-соперника.

"Скажи, каторжанец" (ФЭ 01:6728).

3. Брат убивает брата — идейного противника (старший брат красноармеец гибнет от руки младшего, белогвардейца). "Как в одной небогатой деревне" (ФЭ 01:0046).

* * *

II. Братья-соперники

1. Воин из письма узнает, что брат женится на его любимой. "Тихонько поезд громыкает" (ФП 05:5560).

Сестры

I. Сестра-соперница убивает сестру

1. Дочь царя, старшая сестра, топит младшую и становится женой ее жениха. Арфа, сделанная из костей утопленницы, поет о случившемся. Сестру-убийцу казнят. "Сестры-соперницы" (Гусев, II, № 763).

Социальные

I. Господин убивает слугу, любовника жены

1. Князь, узнав об измене жены с ключником, убивает его. Княгиня кончает с собой (вариант: князь убивает любовников). "Ванька-ключник" (ФП 03:4556).

2. Король убивает шута, с которым изменила королева. "Звени, бубенчик мой, звени" (ФП 01:5102).

3. Воевода в поединке убивает любовника жены. "На Волге" ("Меж крутых бережков...") (Балашов, с. 353).

II. Трагическая любовь слуги и дочери господина

1. Парень, работавший в саду, и дочь хозяина полюбили друг друга. Когда он ночью пришел к ней, его приняли за вора и осудили. "Огородник" (Гусев, II, с. 45).

2. Дочь графа слушала скрипку лакея и полюбила его. Возлюбленных разлучили, посадив его в тюрьму. "Бездомный бродяга по свету скитался" (Элиасов, № 379).

III. Разбойничество как социальное зло (преднамеренное и случайное убийство родных и невинных)

1. Разбойник убивает путника и узнает, что это его отец. "Луна-красавица" (ФЭ 08:2253); "Скажи-ка, скажи-ка, товарищ, за что ты попал в рудники" (ФП 01:4719).

2. Преступник случайно попадает в дом своих родителей

и убивает мать, отца, сестру. Его приговаривают к расстрелу. "Среди бушующих калин" (ФП 01:0132).

3. Разбойник убивает женщину и детей (купец просит разбойника пощадить детей и жену, но тот убивает всех и грабит. Его замечает часовой, и злодей попадает за решетку). "Убийство купца Четверикова" (Колл. К.).

4. Молния убивает разбойника, пролившего кровь женщины и малютки. "При долине, долине широкой" (ФП 01:0132).

Мифологические мотивы

I. Превращение

1. Говорящая дудочка из тростника, выросшего на могиле убитой (см.: Любовные, III, 4).

2. Поющая о совершившемся преступлении арфа, сделанная из костей утопленницы (см.: Сестры, I, 1).

* * *

II. Мертвец приходит к убийце

1. Хозяева грабят и убивают заночевавшего у них путника. Хоронят его недалеко от дома злодеев. Ночью является мертвец и упрекает убийц, которые осиротили его семью. "Задумал я Богу помолиться" (ФП 02:7325).

III. Продажа души черту

1. Громобой, хотевший покончить с собой, продает душу черту за золото и юную красотку. "Громобой" (ФЭ 01:6608).

* * *

IV. Предсказанный роковой исход, предчувствие беды

1. Цыганка предсказывает девушке гибель в день свадьбы. Предсказание сбывается. "По Дону гуляет" (Гусев, II, № 394). Вариант: "Цыганка-красотка в роскоши жила" (Колл. К.).

2. Сердце девушки предчувствует, что милый погибнет в море. "На рыбалке росла..." (ФП 02:1800).

3. Ямщик, влюбленный в девушку, предчувствует беду. Предчувствие сбывается: она умирает. "Когда я на почте служил ямщиком" (Гусев, II, № 414).

Исторические

1. Царица Тамара

Каждую ночь царица Тамара манила гостей, а утром убивала. "Тамара", (Б., с. 340).

2. Ермак

Дружину покорителя Сибири Ермака ночью перебил тайно подкравшийся отряд Кучума, а сам Ермак утонул из-за тяжелого панциря. "Ермак" (Б., с. 346).

3. Разин

Друзья Разина упрекают его, что променял их на княжну. Разин бросает ее за борт, чтобы доказать, что это не так. "Из-за острова на стрежень" (Б., с. 355).

4. Военнопленные у фашистов

Страдания и гибель замученных фашистами военнопленных. "В широких немецких песчаных горах..." (ФЭ 01:5140).

Как видим, все тематические группы старых баллад реализовались в новых балладах, хотя некоторые рубрики (особенно "Исторические") наполнились новым содержанием. Кроме того, они приобрели лирические признаки (оценочные высказывания, морализацию, обращение рассказчика-повествователя к слушателям и др.), стали лиро-эпическими²⁸. Часто бывает трудно отграничить романс от новой баллады (особенно там, где речь идет о воображаемом самоубийстве, переходящем в осуществившееся).

Если в старых балладах о любви конфликт возникал из-за деспотизма родителей (или брата), то герои новых баллад, освободившись от пут патриархальной семьи, вольны в своих поступках и желаниях, в выборе возлюбленного. Даже если родители не одобряют их поведения, они поступают по-своему. Жизнь их сурово наказывает. Убивая соблазнителя, девушка мстит за перенесенные душевные муки, за позор, за внебрачное дитя. Но саму ее ждут тюрьма, одиночество, самоубийство. В отличие от балладных героев, которые страдают от трагической вины (муж, убивший жену, несет ответ перед детьми; мать, желая отравить возлюбленную сына, становится виновницей его гибели; желая избавиться от снохи, свекровь остается без сына и внука и раскаивается в погублении трех душ и т. д.), герои новых баллад страдают от личных обид, вызванных их своеволием и вседозволенностью. Народ сочувствует им, хотя и не одобряет их поведения. Героиня старой баллады кончает с собой, чтобы не быть опозоренной, а героиня новой — кончает с собой, будучи опозоренной.

Рассмотрев конкретные сюжеты новых баллад, можно найти множество соответствий со старыми. Назовем самые популярные:

"Монашенка — мать ребенка"	Соблазненная девушка убивает ребенка
"Дмитрий и Домна"	Парень убивает не любящую его девушку
"Муж-солдат в гостях у жены"	"Шли два героя"
"Князь Волконский и Ваня-ключник"	"Ванька-ключник"
"Муж жену губил"	"Ехали солдаты"

Любопытно заметить, что в новые баллады не перешел традиционный балладный образ элодейки-свекрови. Эту роль в балладах выполняет мачеха (обычный виновник злодеяния в новых балладах). Заметим также, что мачеха — традиционный персонаж сказок о невинногонимых.

Новая баллада — сложное и неоднозначное явление. Ученые (Д. М. Балашов, Э. В. Померанцева²⁹, Н. П. Копанева³⁰, Н. П. Зубова³¹) показали ряд путей формирования этого жанра, являющегося романтической литературной балладой, освоенной народной средой. Традиционные сюжеты получают экзотическое оформление, черты западной и русской литературной баллады (короли, королевы, замки, рыцари, шуты, музыканты, романтические красавицы и т. д.), дальние страны (Мексика, Япония, Испания), морские сихии, роковые страсти, изысканные иноземные имена персонажей (Мальвина, Марианна, Артур, Джек, Коломбина и др.). В народное бытование вошли сюжеты западных баллад "Сестры-соперницы" (Балашов, с. 39), "Когда я на почте служил ямщиком", "Окрасился месяц багрянцем", "По Дону гуляет"³², русских поэтов (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, С. Т. Аксакова, В. В. Крестовского и т. д.). Возникло множество самостоятельных народных сочинений разного художественного качества (иногда натуралистически описывающих жестокие убийства, кровавые сцены, случайные или преднамеренные злодеяния). Многие из них возникают и исчезают, не будучи обнаруженными фольклористами, другие записываются в небольшом числе вариантов, третьи известны повсеместно. К числу наиболее популярных в современном репертуаре следует отнести сюжеты, отражающие общечеловеческие драматические ситуации ("Ехали солдаты", "Ванька-ключник", "Как во нашей во деревне", "По Дону гуляет",

"Потеряла я колечко") и опирающиеся на традиционную фольклорную основу.

Продуктивная творческая жизнь новых баллад, по наблюдениям ученых, уже стоит у своего конца. Исполнителями они воспринимаются как старинные. Неоднородность процесса угасания жанров старой и новой баллады позволяет нам надеяться, что еще не одно поколение собирателей будет наслаждаться возможностью услышать и записать их.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вестн. Моск. ун-та. Историко-филол. серия. — М.: Изд-во МГУ. — 1957. — № 1; 1958. — № 1; 1959. — № 3.

² Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. — Петрозаводск, 1966. — С. 67.

³ См.: Кулагина А. В. Современное бытование баллады на Севере (в Карелии) // Вопросы жанров русского фольклора / Под ред. Н. И. Кравцова. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — С. 74—95.

⁴ РФ: Полевые исследования. — Л.: Наука, 1984. — Т. XXII; РФ: Полевые исследования. — Л.: Наука, 1985. — Т. XXIII.

⁵ Выходцев П. С. Современное состояние русского фольклора на Белом море: Проблема регионального исследования // РФ. — Т. XXII. — С. 5—29.

⁶ Там же. — С. 6.

⁷ Там же. — С. 10.

⁸ Там же. — С. 12.

⁹ Там же. — С. 85.

¹⁰ Там же. — С. 89.

¹¹ Абдуллина А. Б. Песенное творчество семиреченских казаков // РФ. — Т. XXIII. — С. 69.

¹² Золотова Т. А. Русский фольклор Юринского района Марийской АССР // Фольклор народов Поволжья: Проблемы регионального изучения. — Йошкар-Ола, 1989. — С. 63—72.

¹³ Матвеева Р. П. Собрание русского фольклора Сибири // РФ. — Т. XXII. — С. 64.

¹⁴ Онегина Н. Ф. Общая характеристика русского фольклора, хранящегося в фондах архива Карельской АН ССР (1926—1980 гг.) // РФ. — Т. XXIII. — С. 191—192.

¹⁵ Данные взяты: МГУ — архив кафедры фольклора МГУ / Сост. А. В. Кулагина; Петрозаводск — см. сноску № 14; Нижний Новгород — Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного ун-та. — Вып. 1. — Эпические жанры. — Ч. II. — Несказочная проза. Исторические песни. Баллады / Сост. К. Е. Корепова, Ф. С. Эйдельман, Т. М. Волкова. — Горький, 1976. — С. 68—107.

¹⁶ Кулагина А. В. Традиционная образность баллад // Традиции русского фольклора / Под ред. В. П. Аникина. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С. 96—97.

¹⁷ Там же. — С. 97.

¹⁸ Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова, — М.; Л., 1963. — С. 66.

¹⁹ Там же. — С. 68.

²⁰ Савушкина Н. И. О современном состоянии фольклора // Традиции и современность в фольклоре. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 10—11.

²¹ Там же. — С. 11.

²² Народные баллады... — С. 393.

²³ Там же.

²⁴ Там же. — С. 142.

²⁵ Савушкина Н. И. О современном состоянии фольклора... С. 10—11.

²⁶ Народные баллады... — С. 359—361.

²⁷ Иванова А. А. Песенный репертуар с. Николаевка Мензелинского района за сто лет // Фольклорные традиции современного села. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 92.

²⁸ Зубова Н. П. Песни литературного типа в устной народной традиции: Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1984. — С. 15.

²⁹ Померанцева Э. В. Баллада и жестокий романс // РФ: Проблемы художественной формы. — Л.: Наука, 1974. — Т. XIV. — С. 202—209.

³⁰ Копанева Н. П. О литературном происхождении русской новой народной баллады // Вестн. ЛГУ. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. — № 14. — Вып. 3. — С. 58—62.

³¹ Зубова Н. П. Песни... — С. 15.

³² Копанева Н. П. Новые народные песни балладного типа в устной традиции конца XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985.

Н. В. Дранникова

ЧАСТУШКА НА СЕВЕРЕ. ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКИ

Один из самых распространенных жанров русского фольклора — частушка. Ее возникновение относят к 50—60-м гг. XIX в. На Севере, как показывают наши исследования, частушка появляется в 70—80-е гг. того же столетия. Сложившись как единая жанровая система к середине XIX в., частушка генерировала в себе особенности смежных жанров фольклора.

Выдвигаемая нами концепция происхождения частушки основана на севернорусском материале: параллельное бытование разных фольклорных жанров в одном регионе способствует их взаимодействию. Вследствие относительной культурной замкнутости края северный фольклор более консервативен. Благодаря этому открывается возможность проследить корреляцию частушки с жанрами, уже исчезнувшими или слабо представленными в Центральной России (например, с причитаниями). Кроме того, относительная архаичность севернорусского поэтического материала позволяет делать наблюдения над ролью общесюжетных семантических образов в исследуемом жанре.

Частушка возникла в результате сложного взаимодействия нескольких народно-поэтических жанров. Внутри нее выделяются различные жанровые модификации. По своей природе частушка полигенетична: она имела множество "истоков", испытала влияние различных жанров фольклора. Совершенно не обязательно, что все частушечные модификации формировались одновременно и определяли генезис жанра. Конкретные тексты могли возникать в разное время и "перекочевывать" из одной группы в другую.

Во-первых, нами выделены частушки-скоморошины, восходящие к эстетике скоморошества, под которым мы понимаем определенные формы смеховой культуры. Их объединяют особая смеховая функция изображения нелепости и абсурда окружающего мира и соответствующее ей типологическое сходство "веселого человека", игрока¹.

Во-вторых, особую группу образуют частушки-жалобы, содержащие в себе обращение к покойнику, посвященные сиротству и жизни на чужой сторонушке. Проведенные нами исследования убеждают в том, что они генетически связаны с причитаниями. У ряда частушек возникла дополнительная поминальная функция, что подтверждается общими для обоих жанров мотивами и лексико-семантическими образами.

В-третьих, самую большую и основную группу составляют тексты, взаимодействующие с протяжными лирическими песнями. Они названы нами лирическими миниатюрами. Протяжные песни и лирические миниатюры отразили образ человека с чертами патриархального мирозерцания, но в частушке уже поднявшегося на уровень осознания себя как индивидуальной единицы творчества.

В-четвертых, выделяется группа, исторически восходящая к плясовым песням. Главный критерий, позволяющий выявить близость частушки к плясовой песне, — доминирующая в них функция ритмической музыки, которая реализуется через особую систему поэтических средств и метрики.

В-пятых, — группа мелодраматических частушек, коррелирующих с мещанской средой и перенявших эстетику городского романса. Мелодраматические частушки не получили такого широкого распространения на Севере, как в Центральной России. Севернорусская частушка в большей степени традиционна.

С течением времени функции подвигов могли меняться. Когда начинала формироваться новая жанровая разновидность частушек, тексты могли переходить из одной группы в другую. Главное, что позволяет говорить о многообразии "истоков" частушки — это художественный арсенал фольклора, из которого разные жанры черпают то, что им в большей степени подходит.

* * *

В Древней Руси существовали глубокие традиции смеха. Игрища и празднества были "очень важной первичной формой человеческой культуры"², считал М. Бахтин.

Смех был обязательной составной частью многих обрядов. Ритуальный смех звучал во время "покойнических" игр в святки; во время похорон Костромы и Масленицы; при исполнении различных семицких обрядов. Средневековому человеку было присуще двойное восприятие жизни. Весь мир для него состоял из двух частей: настоящего организованного мира культуры и антимира, в котором все перепутано, переставлено с места на место, где у людей нет устойчивого положения, все босы, наги³.

Существование особой магии смеха привело к тому, что смеховые формы скоморошества явились своеобразным отражением представлений об антимире.

Можно проследить генетическую близость данной группы частушек к следующим жанрам: песням особого комического содержания, с уже обозначенной смеховой функцией изображения нелепости и абсурда окружающего мира; приговорам дружки на свадьбе и некоторым другим.

Частушки-скоморошины подразделяются на четыре подгруппы, имеющие функциональную, семантическую и тематическую близость. Их типологические параметры доказывают генетическую роль скоморошества в жанрообразовании частушки.

1. Песни-небылицы и частушки-небылицы. Мир в них дается в перевернутом виде, содержание основывается на алогизме, нарушении привычного мировосприятия:

*Из-за лесу, из-за гор
Выходил дядя Егор;
Подпоясан он дубинкой,
Опирался кушаком.*

(Елеонская⁴, с. 12, № 3618)

Частушка представляет собою типичную нескладуху. Налицо смещение понятий. Комизм достигается за счет переадресовки глаголов. Ключевым художественным образом в частушках-небылицах является абсурд.

*Пришел поп на чердак
С медными ключами,
Прищемил себе язык
Между кирпичами.*

(ФА ПГУ⁵: 1996, Пинега, № 141)

2. Частушки и песни особого комического содержания, в которых стилеобразующими доминантами являются ирония и гиперболизация; а на уровне текста — общие "смеховые формулы" (старого мужа, мужа-недоросточка, происхождения веселых людей, "размонашившегося" монаха и др.).

*Как на печке монах
Размонашился.
К монашке подсел —
Распоясался.*

(Симаков⁶, с. 634, № 3258)

Идентичность рассматриваемых жанровых форм на уровне содержания проявляется в общих смеховых ситуациях, противостоящих формульности лирической песни: это формулы, вывернутые наизнанку; они носят бытовой, приземленный характер.

3. Комические тексты о деревнях, активно бытующие до сих пор на Пинеге, Зимнем берегу Белого моря, в бассейнах рек Мезени и Печоры. Их содержательный аспект близок по своей сути обычаю давать прозвища представителям коренных фамилий в ряде районов Беломорья. Корни этого явления уходят в глубокое средневековье, когда у человека наряду с официальным именем было еще одно — мирское.

Такие частушки близки также к шутивным пословицам и поговоркам, содержащим комические прозвища и характеристики различных народов, жителей многих регионов и городов России: "Ладожане шуку с яиц прогнали"; "Староруссы — лошадь съели да в Новгород писали, чтоб еще прислали"; "Во всей Онеге нет телеги. Летом воеводу на санях возили, на рогах онучи сушили"⁷ и т. д.

4. Скоморошьи зачины и словесно-комбинаторные частушки. Те и другие представляют собой бессмысленный набор слов и способны переходить из песни в песню и из частушки

в частушку. Скоморошьи зачины послужили моделью для образования словесно-комбинаторных частушек.

*Торна, моторна моя,
Фигурна, мигурна моя,
Красно золото не тягивала,
Серебро не волакивала.*

(Ефименко⁸, с. 76, № 43)

Как уже отмечалось, одним из важнейших стилеобразующих факторов в песнях и частушках-скоморошинах является ирония. На уровне текста она выражается ситуациями "рождения ребенка", "без меня меня женили", "взаимоотношения кума и кумы", образом кабака и т. д.

Проблема связи скоморошества с календарно-обрядовой поэзией была поставлена еще в прошлом веке И. Д. Белявым⁹ и А. Н. Веселовским¹⁰. Новое глубокое решение она получила в статье З. И. Власовой¹¹. В основе поэтики фольклора лежит мировоззренческий комплекс. Семантика некоторых гипербола и алогизмов в частушках-скоморошинах лишена подлинного смеха, и только в силу инерции они сохраняются в виде формул, которые переходят в иной план, ассоциативный:

*Меня маменька рожала,
Мать-земелюшка дрожала.
Я от маменьки родился,
Сорок сажень откатился.*

(Елеонская, с. 40, № 426)

Для скоморошества, из которого вырастает частушка-скоморошина, важна не столько тематическая переключка, сколько идентичность осмысления ситуации. Организующее начало в анализируемых текстах — смех — реализуется через структуру образа, стилистические и композиционные приемы. В частности, алогизм, один из стилеобразующих приемов, представляет собой изображение обычного как необычного, в сдвинутом, перевернутом состоянии:

*Еще кум-от едет лугом,
Кума огородом.*

(Леонтьев¹², с. 280, № 252)

Ситуация из песни переходит в частушку:

*Лед трещит,
И мороз трещит;*

В песнях-скоморошинах и частушках-скоморошинах отсутствует идеализация. Их стихийно-материальная модальность усиливается употреблением грубых и просторечных лексем, которые, мы полагаем, восходят к ритуальной эсхерологии.

Отдельно следует сказать об использовании антропоморфных образов "горя" и "доли". Горе — тень человека, его второе "я". Между ними существует субстанциональное тождество. От горя невозможно скрыться. Отнести тексты о горе к скоморошеству позволяют общность стиля, отсутствие тропов, особая семантическая наполненность образа кабака, часто фигурирующего в рассматриваемых произведениях. Кабак — место, где все может быть переставлено с ног на голову, где торжествует принцип алогизма:

*— Горе, горе, где живешь?
— В кабаке за бочкой,
Во царевом кабаке
С половиночкой в руке.
— Горе, горе, что жуешь?
— Сухари с водичкой.
Я от горяшка бегом,
Бежит горе передом.
Я от горя в сине море,
Горе в лодочке гребет.
Я от горя в горницу,
Горе сквозь околицу.
Я от горя в темный лес,
Горе в пазуху залез.
Куда бы ни совался,
За все оно хватался.*

(Леонтьев, с. 257, № 219)

Представление о горе, как двойнике человека, возникнув в дорефлективную эпоху, благодаря традиционности фольклора продолжало существовать на эмоционально-образном уровне в частушке:

*Я от горя в чисто поле,
Горе катится за мной.
Я от горя в темный лес,
Оглянулась — горе здесь.*

(Рождественская, Жислина¹³, с. 176, № 565)

Частушки-скоморошины близки еще одному жанру — приговорам дружки на свадьбе. Генетическая близость между ними просматривается в стиле, ритме, образной системе. Среди различных функций дружки особенно выделяется функция балагура, весельчака.

По наблюдениям А. В. Гуры¹⁴, дружка играл первую роль на свадьбе в районах новгородской колонизации — в низовьях Мезени. Кулоя, Печоры. Приговоры дружки адресовались старухам, молодой жене, "глядельщикам" — тем, кто пришел посмотреть на свадьбу. Приведем один из приговоров, произносившийся во время свадьбы мещан г. Мезени и обращенный к "глядельщикам": "Вы, что, старые старухи, зачем здесь? Вы бы сидели дома на печи, грызли калены кирпичи, пили бы кислый квас, а здесь место не про вас — тесно и без вас" (Ефименко, вып. 2, с. 75).

Кирпич — часть печи. В словосочетании "грызть кирпичи" образ печи из сакрального переводится в пародируемый план. Сравните в частушке:

*Уж ты, старая свекровушка,
Сидела б на печи.
Тебе отведено местечко —
Грызть калены кирпичи.*

(Л. А.¹⁵, № 982)

Приговоры дружки роднят с частушкой-скоморошиной функциональная близость, структура образов, отсутствие разработанной системы тропов, пародирование "высокого стиля" свадебных лирических песен, раешный стих и др. Но обоснование связи частушек с приговорами дружки требует дополнительных исследований, поэтому ограничимся указанием на нее.

Частушка неоднородна: существуют различные жанровые модификации, одна из которых генетически восходит к скоморошеству и в новом качестве на эмоционально-образном уровне связана с ритуально-смеховыми и комическими традициями народной культуры.

В основе гиперболы лежит мировоззренческий аспект. Гиперболу отличает чрезмерность, утрированность, на ней лежит печать грубой приземленности. Терминологически она определяется нами как "гротесковая" и преобладает в произведениях, соотносимых с эстетикой скоморошества. Сходство песен- и частушек-скоморошин проявляется в использовании

одной и той же смеховой ситуации со стилеобразующим фактором — гротесковой гиперболой.

Например:

*Я пила-то ой, да я пила-то млада,
Да из полуведра.
Ой, да из полу-то ведра,
Да через край до дна...*

(ПФМ¹⁶, с. 149, № 93)

в частушке:

*Кабы рюмка винца —
Захлебнулась бы я.
Кабы кус калача —
Подавилась бы я.*

(ФА ПГУ: 1991, Печора, № 456)

Гротесковая гипербола может соединяться с пародией. Пародия вскрывает недостатки и, следовательно, заключает в себе комическое начало.

*Кум-то шел стороной,
Кума улицею,
Кум-то пел петухом,
Кума курицею.*

(Симаков, с. 623, № 3183)

Гипербола может входить в состав нескладух и углублять абсурдность текста:

*Девушки, какое диво:
Парень девушку родил.
Четыре года восемь месяцев
Беременный ходил.*

(ФА ПГУ: 1992, Лешуконское, № 193)

Для того чтобы получить полную картину бытования различных жанровых разновидностей частушки на Севере, нами был проведен количественный анализ распространенности песен- и частушек-скоморошин в различных районах Архангельской области и Карелии. Для этого были привлечены сборники с географическим принципом распределения материала и данные, извлеченные из архивов¹⁷. Результаты анализа показали, что частушки-скоморошины составляют незначительную часть частушечного массива. Употребление же термина "скоморошина" мы считаем обоснованным, так как он используется самими информаторами.

Скоморошество соотносилось со сферой "иного мира" и содержало в себе представление о бинарной структуре мира (свой/чужой мир). Отсюда использование в скоморошьей поэзии мотивов антиповедения, различных антиобразов, грубых сниженных лексем.

Таким образом, выделение частушек-скоморошин в некоторой степени условно: назрела потребность в глубоком и детальном изучении самого скоморошества как фольклорно-этнографического явления.

Устойчивость фольклорной традиции на Европейском Севере (в частности Архангельской области, на материале которой написана статья) привела к тому, что у ряда частушек в лексико-семантическом и структурно-композиционном планах возникла связь с причитаниями. Проблема взаимосвязи частушки и причитания остается пока неисследованной. На нее указывает З. И. Власова, "обрядовое происхождение" частушки предполагал Е. В. Аничков¹⁸. Нами выделяется особая жанровая разновидность частушки-жалобы. Общность причета и частушки следует объяснять особой функциональностью частушек-жалоб. Как показывает тематический анализ частушечного материала, существует группа частушек о смерти. Частушка — поздний жанр, активно впитывающий в себя особенности параллельно бытующих с ним жанров. Поэтому у ряда частушек развилась дополнительная поминальная функция (прощальная — в солдатских и свадебных). Ее наличие подтверждается общими для обоих жанров мотивами и лексико-семантическими образами.

Эстетическую теорию народной лирики создал Г. И. Мальцев¹⁹. Суть теории заключается в "соположении в тексте автономных тематических формул, которые оказываются связанными не непосредственно, ... а через взаимодействие с традицией, понимаемой актуально и содержательно"²⁰.

В отличие от Г. И. Мальцева С. Г. Лазутин в качестве структурообразующего принципа выделял принцип "свободной образно-поэтической ассоциации"²¹. В причитаниях, а позднее в лирических песнях главная роль принадлежит семантическому принципу. В частушке на первый план выходит принцип ассоциативности; но тексты, генетически связанные с причитаниями, лирической песней, продолжают сохранять семантическую общность с ними. В частушках невозможно не учитывать влияние сюжетной ситуации на систему образов. Сюжетный мотив начинает взаимодействовать с семантичес-

ким. В жалобах, восходящих к причитаниям, очень сильны оказались особые "формулы"²².

Итак, рассмотрим семантические мотивы, или формулы, характерные как для причитаний, так и для частушек. Их происхождение связано с представлениями древнего человека об окружающем мире. Большинство причитаний содержит в себе обращение к покойнику: жизнь представлялась кругом, по которому двигался человек. Древнее языческое представление о загробной жизни усваивается и частушкой:

*Мимо кладбища бежала —
Взвыла тонким голосом:
"Рано, рано, тебя, миленький,
Засыпали песком".*

(Л. А., № 87)

Дополнительная поминальная функция в приведенном тексте реализуется через семантические формулы причитаний и принимает условно-поэтическую форму. Формула развивается благодаря традиционности фольклора.

Частушки, содержащие в себе обращение к покойнику, восходят к поминальным причитаниям на могиле на девятый и сороковой дни после смерти:

*Возьму топор, пойду в ограду,
Рассеку сосновый гроб,
Скажу: "Рано, родной батюшка,
Во сыру землю лег".*

(Князев²³, с. 83, № 19)

В частушке традиционная формула подвергается определенным изменениям. Она воспринимается как поэтическое иносказание, представляющее собой один из принципов народной эстетики. Обращение к мертвому становится условным:

*Я по кладбищу хожу,
Земелька осыпается,
Родиму маменьку бужу,
Спит, не пробуждается.*

(Рождественская²⁴, с. 142, № 35)

Древнейшее представление — вера в посмертное бытие человека — оказывается размытым уже в самих причитаниях XIX в.²⁵

Миф содержит в себе представление о тождественности органической и неорганической природы. Следующий мотив,

выделенный в причитаниях и частушках, — это обращение к "матери — сырой земле". Это один из самых архаичных образов в фольклоре. "Мать — сыра земля" для язычника — одушевленное существо, дающее человеку силы. В частушке обращение к "матери — сырой земле" только предполагается и осуществляется в косвенном виде:

*Вы разroyте, раскопайте
Милого могилушку.
Вы заройте, закопайте,
Меня, сиротинушку.*

(Л. А., № 63)

Поэтика любого фольклорного произведения обусловлена его жанровой принадлежностью. Изменение специфики формул зависит от функции жанра, в произведениях которого они употребляются. Причитания в диахронном аспекте — сакральный жанр. Генерализирующая функция частушки принципиально иная — поминальная функция в ней вторична, дополнительна.

В частушке обнаруживаются стадияльно различные явления, древнейшие из которых относятся к области мифологии. Семантику горя содержат в себе образы камня, погасшего светильника, заломленной березы, воды, чистого поля, собственные как плачам, так и частушкам-жалобам.

Образ "камня" полуфункционален и встречается во многих фольклорных жанрах. Камень находится на границе двух миров, отсюда его функция как эквивалента горя и одиночества. Образ отличается необычайной устойчивостью и переходит в частушку:

*Сидела на камушке,
Плакала по мамушке,
Ох, белые камушки,
Трудно жить без мамушки.*

(Рождественская, Жислина, с. 86, № 21)

В частушке формула камня входит в состав сюжетного мотива, в ней сочетаются два плана: внутренний и внешний, образно-ассоциативный.

Вода связана с миром мертвых. На это обратил внимание В. Я. Пропп²⁶. Вода в народной лирике — горе, печаль. Образ воды в различных модификациях распространен в севернорусских причитаниях и частушках. В частушке по сравнению с причитаниями возрастает частотность образа "воды". Это

объясняется функцией жанра и его поздней маркировкой во времени. Семантический мотив включается в круг свободно-поэтических ассоциаций и получает различную словесную разработку:

*Я иду, иду по бережку —
Насупротив воды.
Много горюшка у девушки —
Деваться некуда.*

(А МГУ ФЭ²⁷, 10:4427)

Ряд пространственных формул продолжает образ "чистого поля". Чистое поле находится на чужом пространстве, поэтому заключает в себе семантику горя:

*Уж не добраться мне да до умершей до могилушки,
И пойду я как несчастная да матушка,
Во большю пойду во полюшко, во чистое,
Там я приберу некатучий синий камешек,
Я перескажу великую кручинушку.
Этот камешек по чистому полю не катается,
Моя обидушка в добры люди не расскажется.*

(РН-БЛ²⁸, с. 356, № 91)

На уровне текста связь его элементов предстает прерывистой: глубокая органичная связь просматривается "через соположение в тексте автономных тематических формул"²⁹.

*Маменьку родимую
Вспомяну неодинова.
Ни во поле, ни в лесу
Не услышу голоса.*

(Л. А., № 93)

Традиция в частушке продолжает развиваться. Формула получает дальнейшую разработку, и внутренний план начинает играть в ней второстепенную роль.

Широкий диапазон употребления в причитаниях, а впоследствии в песнях и частушках имеет образ "буйных ветров". В архаическом сознании образ вещи и сама эта вещь тождественны. Буйные ветры либо разносят тоску, либо передают какое-нибудь печальное известие.

*Ветер дует и бушует,
По-за кладбищем шумит.
Не моя ли мать родная
Во сырой земле лежит?*

(Л. А., № 65)

Язычник поклонялся стихиям огня и солнца. Закат воспринимался им как смерть. То, что "само действие умирания в "плачах" рисуется под образом солнечного заката, исчезновения звезды, таяния снега от огня..."³⁰, отмечал еще Е. В. Барсов. В частушке возникают новые словесные разработки образа солнца, выходящие на уровень поэтической ассоциации:

*Красно солнышко высоко —
Белым ручкам не достать.
Родна матушка глубоко —
Голосочка не слышать.*

(Симаков, с. 419, № 2206)

Традиция изменяется с течением времени. Проблема традиционности тесно связана с проблемой вариативности. В свою очередь, вариативность может возникать только на уровне традиции (это растаявшая свеча, погасшая лампа, керосиновая лампа и др.).

Таким образом, благодаря традиционности фольклора выделенная жанровая разновидность — частушки-жалобы — сохраняет лексико-семантическую близость с причитаниями. Ее подтверждает единая, дополнительная для частушек, поминальная функция. Народная лирика в XIX—XX вв. развивается в сторону субъективизации, традиция в частушке эволюционирует. Форма в фольклоре консервативна и отстает от содержания: формулы наполняются конкретным содержанием или приобретают свойства поэтической условности. Несмотря на традиционность, формула в фольклоре открыта и способна к дальнейшему развитию.

Современными экспедициями в Устьянском районе Архангельской области зафиксировано употребление частушек вместо причитаний во время некоторых поминальных дней. Например, в Троицу гармонист исполнял "песенки", которые являются ничем иным, как частушками³¹.

В русском фольклоре не существовало специальных похоронных песен, поэтому следует говорить о прямой связи между похоронной причетью и частушками-жалобами.

Свадебные причитания, сравнительно поздние, возникли на основе похоронных. Ряд частушек-жалоб типологически близок свадебной причети. Предположения об их родстве подкрепляются тем, что на поздних этапах своего развития вербальный текст не всегда бывает закреплен за определен-

ными этапами и ритуалами обряда и в процессе редукции приобретает некоторую подвижность. Должны были появиться какие-то эквиваленты отдельным жанрам, закрепившимся за тем или иным обрядом. Частушки-жалобы, восходящие к свадебным причитаниям, объединяет прощальная функция, смыкающаяся с поминальной: выйти замуж — умереть в одном качестве и родиться в другом.

В частушках этой группы высок процент использования формул "девья красота" и "воля". В зависимости от ареала бытования "девья красота" материализовалась в различных предметах и играла роль ритуального предмета на свадьбе: ленте (северо-восток Архангельской области); платке, или "фатке" (Вельский район Архангельской области) и др.

После прощания с "девьей красотой" на невесту надевали бабью кичу или кокошник. В свадебной поэзии воля-красота принимает различный облик. Она уплывает рыбой или улетает лебедью:

*Девья волюшка встрепелулася,
Белой лебедью улетела.*

(Леонтьев, с. 143, № 57)

Персонифицированная воля-красота, сохраняющая свои орнитоморфные свойства, входит в сюжетные мотивы частушек:

*Воля девичья летела,
Я поймать ее хотела.*

(Власова, Горелов³², с. 50, № 563)

Частушки представляют собою интереснейший пример заимствования двух разнотипных образов:

*Расплелася руса косынька,
Вовеки не собрать.
Улетела моя волюшка,
На паре не догнать.*

(Рождественская, с. 153, № 143)

Кони, водоплавающие птицы помогают преодолеть границу между своим и чужим пространством. Частушка — жанр поздний, и исполнители имели в виду реальных коней. Но образ коней, соединенный в тексте с абстрактным мифологическим понятием "воля", приобретает некоторые черты архаичности.

В севернорусских причитаниях очень распространен образ

женщины-птицы, восходящий к тотемистическим представлениям и связанный с культом предков: женщина — утка, тетера; девушка — лебедь белая. В частушке семантический мотив превращается в сюжетный. Женщина только сравнивает себя с птицей:

*Кабы я была воробушек,
Слетала бы домой.
Посидела бы на лавочке
У маменьки родной.*

(Кулагина³³, № 602)

В свадебной лирике орнитоморфный облик красоты-воли заключается еще в том, что она может улететь на березу. У древних славян береза почиталась в качестве духа плодородия и добра; сломленное или сухое дерево передавало состояние тоски, одиночества. Каждый жанр — это особый тип образно-поэтической структуры. В частушке архаичная семантика угадывается только благодаря знанию традиции: семантический мотив приобретает черты иносказания:

*Стало некому во полюшке
Березку заломить.
Стало некому за девушку
Словечко замолвить.*

(Князев, с. 82, № 19)

На уровне сюжетной ситуации связь выглядит прерывистой, но на внутреннем, формульном, уровне обе ее части взаимообусловлены и тесно корреспондируют друг с другом. Кроме того, частушка создает новые образы, в основе которых лежит опора на традицию. Это образ "вереса" (можжевельника) — семантического варианта "заломленной березы", "ели". Лес в причитаниях, чаще всего хвойный, находился на границе двух миров. Потенция формул-мифологем "ели" и некоторых других настолько велика, что приводит к созданию в хронологически поздней жанровой системе функционально близких образов:

*- Вересиночку ломала —
Версинка колкая.
Никто меня не пожалеет —
Сиротинка горькая.*

(Князев, с. 82, № 19)

Частушка близка причету, исполняемому невестой-сиротой на могиле родителей. Изменения, происходящие с формулами,

зависят от функции жанра. Функция свадебных причитаний на поздних этапах их развития двойственна: это и передача состояния невесты, и маркировка определенных этапов свадьбы. Исходная точка наших взглядов на жанр заключается в том, что каждый жанр обладает своей системой функций.

Как отмечалось выше, в народной поэзии существует два типа мотивов: лексико-семантические (формулы) и мотивы, представляющие сюжетную единицу. Сюжетные мотивы, в отличие от семантических, могут существовать самостоятельно. В частушки вошло описание многих ритуальных действий, совершающихся во время свадебного обряда, например, благословение родителями во время сватовства:

*На столе стоит икона,
У стола отец и мать.
Задумчивую подружку
Хотят благословлять.*

(А МГУ ФЭ, 09:9141)

Обычай, распространенный в ряде северных районов, когда невеста во время причета ударяла руками о крышку стола:

*Кабы замуж, кабы замуж,
Вот поплакала бы я,
Расколола бы столешницу
У нового стола.*

(Рождественская, с. 151, № 120)

В похоронном и свадебном ритуалах В. П. Кузнецова выделяет "ритемы"³⁴ — совокупность целенаправленных актов, обладающих смысловой завершенностью и функциональной значимостью в рамках обряда. Сюжетные мотивы частушек, изображающие свадебные обрядовые действия, соответствуют "ритемам": в них в концентрированном виде вошли ритуальные действия.

Во время исследования традиционной культуры отдельных локальных традиций нам встретились случаи исполнения невестой во время свадебного обряда частушек. Подобные записи были сделаны в д. Лимь Няндомского района Архангельской области. Например, невестой во время свадебного обряда исполнялся такой текст частушки:

*За окрашены хоромы,
Маменька, не выдавай.
Человек дороже денег —
Человека выбирай.*

(ФА ПГУ: 1997, Няндомы, № 2005).

Процесс вытеснения частушкой традиционных жанров во время свадебного обряда функционально близок исполнению частушек-"песенок" в поминальные дни.

Самые поздние — рекрутские причитания — возникли в XVIII в. после введения Петром I регулярной солдатской службы. В XIX в. появились солдатские частушки. Они могли исполняться в различные моменты жизни: при проводах в армию, на вечеринке, когда девушки вспоминали своих любимых, самими солдатами.

Солдатские и рекрутские частушки отнесены нами как свадебные и похоронные в группу жалоб. Они выполняют идентичную со свадебными частушками прощальную функцию. Отдать в солдаты, в народном представлении, — похоронить, поэтому в рекрутские причитания переходят формулы похоронных причитаний. Механизм взаимодействия солдатских частушек с причитаниями может быть прямым — там, где причетъ была распространена, и косвенным — через солдатские песни.

Рекрутские причитания менее архаичны: для них типично большое лексическое поле, связанное с человеком. В качестве центральной в них выделяется оппозиция "дорожка печальная — своя семья". Образ патриархальной семьи в них занимает одно из главных мест ("Ой, не плачь-ка, мать, отец...", "Роденькая матушка, не хочется в солдатушки...").

*Во солдатушки пошел
Из родительских ворот,
Как запел военну песенку —
Заплакал весь народ.*

(Л. А., № 227)

Одни и те же формулы встречаются в различных видах причитаний. Частушки о прощании рекрута с мертвыми родителями функционально и семантически близки похоронным причитаниям:

*Пойду-выйду на могилу,
Разбужу родную мать:
"Ты вставай, родима мать,
Со мною горе горевать,
Со мною горе горевать —
Меня в солдаты отдавать".*

(Князев, с. 70, X)

Формула обращения к покойнику с просьбой навестить родственников исторически восходит к идее почитания пред-

ка. Со всеми видами причитаний солдатские и рекрутские частушки роднит обращение к птицам в подтексте, сохраняющем значение смерти. В частушке оно приобретает условно-поэтическое наполнение:

*Привыкайте, серы гуси,
Ко студеной ко воде.
Привыкайте, новобранцы,
К чужой дальней стороне.*

(Рождественская, с. 71, № 117)

Высокой частотностью в солдатских и рекрутских частушках обладают семантические мотивы "горючих слез", "чистого поля", "камня" и производного от камня образа "песка".

Жалобы, содержащие в себе сюжетные мотивы, по нашим наблюдениям, исторически восходят к солдатским песням. Влияние причитаний на них было косвенным. В них получили разработку мотивы тяжелой службы, прощания рекрута со своими родными.

Обобщим наши наблюдения. Причитания — один из генетических источников частушки. Роль причитания в процессе жанрообразования частушки доказывается, во-первых, существованием у частушек-жалоб дополнительной поминальной функции; во-вторых, употреблением общих лексико-семантических формул. Традиция оказывается мощной силой, способной через столетия передавать опыт народа, нашедший отражение в особых формулах. Возникнув на мировоззренческой основе, воплотив в себе языческие представления древних людей об окружающем мире, они постепенно приобрели эстетическое наполнение. Традиционные формулы оказались наиболее существенными, несущими в себе особый смысл. Семантика формул, реализующаяся через традиционные поэтические связи, гораздо глубже, чем их прямое назначение. Если в причитаниях доминирующую роль играет семантический принцип построения текста (когда один образ оказывается внутренне связанным с другим, основным), то в частушках его вытесняет принцип ассоциативности.

В-третьих, генетическая общность причитаний и частушек доказывается существованием сходства на уровне мотивов-ситуаций, соответствующих ритемам — актам, обладающих определенной завершенностью и значимостью. Свадебный обряд состоит из четко обозначенных комплексов действий, и на этой основе легко возникают частушки, комментирующие эти действия. Поминальная обрядность менее разложима

на сегменты, но тем не менее также создаются частушки, отражающие отдельные моменты поминального ритуала.

В-четвертых, жалобы (солдатские и рекрутские), содержащие мотив как компонент содержания, генетически связаны с солдатскими песнями о тяжелой службе и о прощании рекрута с родственниками, что подчеркивается их тематическим и поэтическим сходством.

В-пятых, частушки-жалобы сохранили некоторую мелодическую близость к причитаниям. Вчастности, поминальные частушки и о жизни на чужой сторонухе поются в более замедленном темпе, чем остальные. Они могут исполняться без музыкального сопровождения. Инструментальный аккомпанемент — это уже последующий этап в эволюции жанра.

Следует подчеркнуть, что одностороннее, упрощенное представление о механизме жанрового взаимодействия частушек и причитаний не способствует решению проблемы. Мы исходим из того, что частушка, поздний по происхождению жанр, особым образом аккумулировала в себе семантические формулы и сюжетные мотивы причитаний. Наиболее интенсивно этот процесс протекал в севернорусских регионах (Архангельская область и Карелия), записи из которых легли в основу нашего исследования.

В заключение отметим, что не считаем причитания жанром, сыгравшим основную роль в образовании частушек. В изученном нами массиве опубликованных и архивных текстов³⁵, только 5—6 процентов частушек соотносимы с причитаниями. Прослеженная нами связь во многом носит региональный характер. Сделать вывод о ее локализации позволяет географический принцип распределения материала в указанных источниках. На Европейском Севере России традиция причитаний имеет давние и глубокие корни, поэтому именно здесь частушки-жалобы возникали чаще и сохранялись дольше, нежели в других этнокультурных зонах.

В своей статье мы осветили два генетических источника частушки — скоморошество и причитания, в значительной степени характерные для Русского Севера. За пределами исследования остались лирические протяжные и частые песни, городские романсы. Возможность показать механизм их взаимодействия с частушками дает не только севернорусский, но и в большой степени центральнорусский фольклорный материал.

Полученные нами результаты подтверждают мысль Ф. М. Селиванова о том, что "основной тип частушки формировался в губерниях к северу и на восток от Центра России"³⁶. Изучение современного состояния частушечной традиции на территории Архангельской области позволяет утверждать, что "основной тип частушки"³⁷ сместился на северо-восток Архангельской области, в районы затрудненной миграции (Зимний берег Белого моря, бассейны рек Мезени, Вашки, Печоры, Пинеги), и указать на то, что такие жанры, как былины и коллективная причеть, дольше всего бытовали в этих же регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разумеется, такие частушки не связаны с творчеством скоморохов непосредственно, хотя бы потому, что эти явления народной культуры разделены значительным хронологическим промежутком. Но в преломленном, трансформированном виде в них используются некоторые особенности, характерные для арсенала бродячих средневековых артистов. Не случайно частушки этой группы распространены преимущественно в тех районах, где до недавних пор бытовали эпические песни-скоморошины (Кенозерско-Каргопольский край, Пинега, в меньшей мере — Прионежье, Печора, Мезень).

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит., 1956. — С. 8.

³ Лихачев Д. С., Панченко А. М. "Смеховой мир" Древней Руси. — Л.: Наука, 1976. — С. 16 (Из истории мировой культуры).

⁴ Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. — М., 1914.

⁵ ФА ПГУ — Фольклорный архив Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

⁶ Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. — Ярославль, 1913.

⁷ Пословицы русского народа / Сб. В. Даля. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 1. — С. 257—273.

⁸ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. — Кн. 5. — М., 1877—1878. — Вып. 1—2.

⁹ Беляев И. Д. О скоморохах // Временник Моск. общ-ва истории и древностей российских. — Кн. 20 — М., 1854. — С. 72—73.

¹⁰ Веселовский А. Н. Святочные маски и скоморохи: Разыскания в области духовного стиха // Сб. ОРЯС АН. — Т. 34. — СПб., 1883. — № 4. — С. 212.

¹¹ Власова З. И. Скоморохи и календарно-обрядовый фольклор // РФ: Межэтнические фольклорные связи. — СПб., 1993. — Т. 27. — С. 148—164.

¹² Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н. П. Леонтьев. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979.

¹³ Русские частушки / Предисл. и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. — М.: Гослитиздат, 1956.

¹⁴ Гура А. В. О роли дружки в севернорусском свадебном обряде // Проблемы слав. этнографии / Отв. ред. А. К. Байбурин, К. В. Чистов. — Л.: Наука, 1979. — С. 162—172.

¹⁵ Л. А. — Личный архив Н. В. Дранниковой, который составляют записи, сделанные на территории Архангельской области в период с 1979 по 1997 гг.

¹⁶ Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. — Л.: Наука, 1967 (Памятники русского фольклора).

¹⁷ Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. — М., 1914; Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова, А. А. Горелов. — М.; Л.: Наука, 1965 (Памятники русского фольклора); Архив кафедры устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова; Архив лаборатории фольклора ПГУ им. М. В. Ломоносова; Личный архив Н. В. Дранниковой.

¹⁸ Власова З. И. Частушка и песня (К вопросу о сходстве и различии) // РФ: Из истории русской народной поэзии. — Л.: Наука, 1971. — Т. 12. — С. 102—122; Аничков Е. В. Песня: Народная словесность // История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова, Е. К. Бороздина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского. — М., 1908. — Т. I. — Вып. I. — С. 230.

¹⁹ Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. — Л.: Наука, 1989. — С. 165.

²⁰ Там же. — С. 162.

²¹ Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для студ. филол. спец. ун-тов. — М.: Высш. шк., 1981. — С. 67—68.

²² Мальцев Г. И. Традиционные формулы... — С. 162.

²³ Князев В. Избранные частушки Северного края. — Л.: Гослитиздат, 1936.

²⁴ У Белого моря: Народные песни и сказы / Сборник Н. Рождественской. — Архангельск, 1958.

²⁵ Причитания Северного края / Собр. Е. Барсовым. — М., 1872—1882: В 3 ч.

²⁶ Пропп В. Я. К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле) // Сов. этнография. — М., 1934. — № 1—2. — С. 133.

²⁷ Архив кафедры устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова.

²⁸ Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера / В зап. В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. — М.; Л., 1962.

²⁹ Мальцев Г. И. Традиционные формулы... — С. 162.

³⁰ Причитания Северного края / Собр. Е. В. Барсовым. — М., 1872. — Ч. 1. — С. XII.

³¹ Мырнин В. Л. Праздник Троицы в современной культуре: Материалы конференции "Народная культура Русского Севера. Живая традиция" — Арх-ск: Изд-во Поморского университета, 1998. — С. 71.

³² Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова, А. А. Горелов.

³³ Русская частушка / Авт. вступ. ст. и сост. А. В. Кулагина. — М., 1993.

³⁴ Кузнецова В. П. Причитания в севернорусском обряде: Дис. ... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 1987. — С. 99.

³⁵ Сборник великорусских частушек...; Частушки в записях советского времени...; Архив кафедры устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова; Архив лаборатории фольклора ПГУ им. М. В. Ломоносова; Личный архив Н. В. Дранниковой.

³⁶ Селиванов Ф. М. Народная лирическая поэзия последнего столетия: Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 26 (Библиотека русского фольклора).

³⁷ Там же. — С. 26.

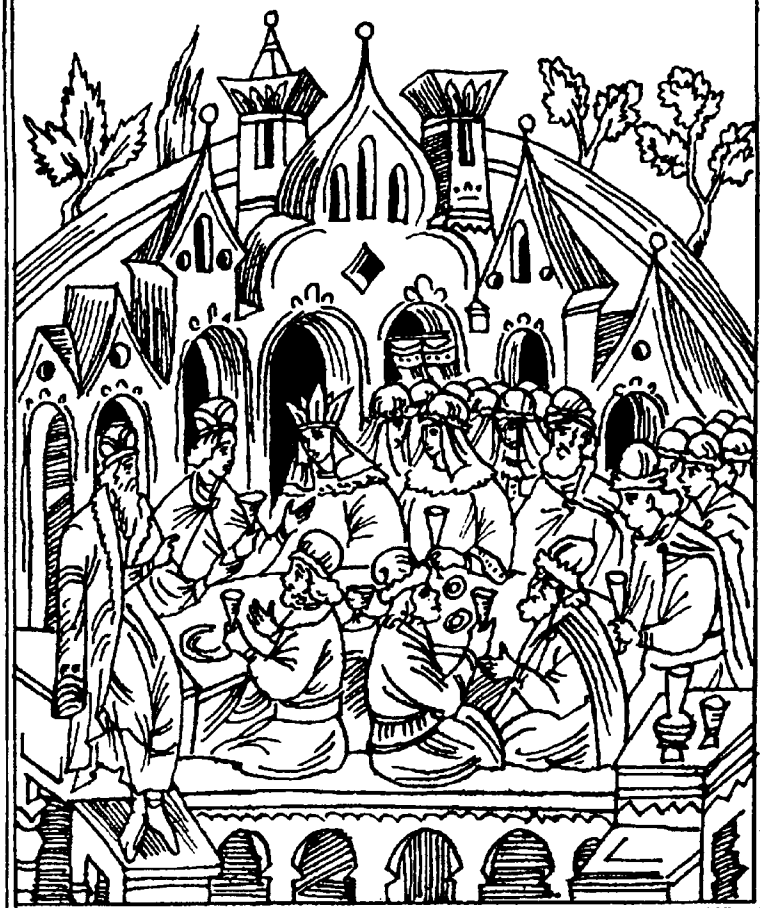
ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Составление *А. В. Кулагиной* и *Н. В. Дранниковой*;
подготовка текстов и комментарии *А. В. Кулагиной*.
Диалектологическое редактирование *А. В. Волинской*.
Словарь *Н. В. Дранниковой*.

Вниманию читателей предлагаются лучшие образцы эпических песен, собиравшихся начиная с 1956 г. северными экспедициями Московского университета на территории Архангельской области. Процесс угасания эпической поэзии в первую очередь коснулся былин, во вторую — исторических песен и духовных стихов. Наибольшую устойчивость проявили балладные песни, но и они постепенно уходят из бытования.

Все публикуемые материалы печатаются без какой-либо обработки. Убраны только отдельные искажения, допущенные собирателями или исполнителями. Использована современная пунктуация. Сохранены некоторые диалектные, фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности. Указанные особенности неустойчивы, как и в живой речи.

БЫЛИНЫ

БЫЛИНЫ

Перечень былин, их пересказов и фрагментов опубликован¹. Он нуждается в уточнениях и дополнениях (необходимо учесть некоторые упущения и немногочисленные записи, сделанные после 1977 г.), но в основном дает достаточно объективную картину.

Исчезновение жанра былин характеризуется утратой полноты повествования, прежде всего побочных эпизодов и эпических деталей. Наиболее долговечными оказались былины, содержащие балладные конфликты, такие, как "Чурила и Катерина", "Козарин", "Дунай Иванович" и некоторые другие.

1. ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ²

Ездил старый в чистом поле,
Ездил старый много время.
Цветное платье поизносилось,
И золота казна прииздержалася,
Побывал он во всех землях,
Побывал он во всех óрдах,
А не бывал в одном во Киеве.
Съездить бы в Киев проведать,
Все ли во Киеве по-старому,
Все ли во Киеве по-прежнему?
Ну, встретил он тут могучего Иванища.
"Куды, — говорит, — идешь?"
(Тот пешой ходил, знать.)
"А иду я из Киева,
А путь держу в Иерусалим
К святым мощам поклониться,

Да во Ердане-реке креститься,
Да к кипарис-дереве единиться".
Ну вот, он опять его спрашивал:
"Чего же, говорит, во Киеве по-старому?"

"Да не всё во Киеве по-прежнему,
Не всё во Киеве по-старому:
И там со Божьих-то церквей
Сняты цюдны кресты,
Наступил Идолище проклятое;
А богатырские дворы очищены,
А во Божьих церквях устроены стойла лошадиные,
Широкие улицы распаханы".

Ну вот, он ему и говорит:
"Да что же ты не очистил?"

"А этот князь-то Владимир теперь не при цем живет,
Хозяйничает другой — Идолища".

И не смел я на него, на проклятого, напуститися:
Голова у него, как пивной котел,
Он три печи пецёного хлеба ў выти съедает,
Да быка русского во щах выхлябывает,
Да три ведра пива выпивает, —
Все за одним обедом".

"Так что же ты, — говорит, —
Силы-то у тебя вдвое меня,
А храбрости у тебя в полменя.
Снимай, — говорит, — гуньку стариковскую,
Да снимай, — говорит, — и лапотки-отопочки,
А одевай мои сапожки красна сафьяна
Да евонную одежду,
Да садись на добра коня.

А я, — говорит, — пойду пешком".

"Ну, жаль ему было расстаться со своей оде́жею, так клюку-то, — говорит, — горбатую воткнул в землю. В лапотках были вплетены там каменья драгоценные: "Не ради, — говорит, — красы-басы, а ради ноченьки осенней — светили мне, укрепы богатырской".

Вот тогда Илья-то и поехал туда, и пошёл пешком, правда. И вот пришел туда, к этому Идолищу-то. Зашел к ему. И вот он* стал спрашивать про богатыря-то, говорит:

* Идолище. (Собир.)

"Не слыхал ли ты про Илью Муромца?"

"Как, — говорит, — не слыхал!"

Он мне как брат родной".

"А сколько, — говорит, — он у выти хлеба съедает,
А сколько пива выпивает?"

"А калачик съест, — говорит, —

По другому душа горит,

А другой съест, так сыт с того.

А пива тоже чарочку выпьет,

А по другой душа горит,

А другую выпьет и сыт с того".

"А что, — говорит, — за богатырь!"

Вот я, — говорит, — три печи пеценого хлеба съедаю,

Да быка, — говорит, — русского во щах выхлебываю,

Три ведра я пива выпиваю".

А он говорит, Илья, ему:

"Да у князя у Владимира

Была старая-то корова опоища,

А была собака объедалища,

Ела-ела, пѣла-пѣла да и лопнула".

*Вот ему это не понравилось, он схватил етот булатный нож.
А он* увернулся, и нож попал** в ободверину. Тоже силы у
него много было, ободверина-то выскоцила со дверями вон.
Ну, у Ильи-то была, с Иванища-то он снял, пуховая шапка,
девять пудов (...). И вот он взял этой шапкой его и ударил по
голове. "Вот тут, — говорит, — оно проклятое захеливало"
(значит, хорошо попало!). Он его захватил, хотел отрубить
голову. А потом говорит:*

"Не цесь-хвала молодецкая,

Что укравать гридня княженецкая.

Поведу я его на крылечко княженецкое

И отрублю, — говорит, — там буйну голову".

Вывел когда его на крылечко и опять говорит:

"Не цесь-хвала, — говорит, — молодецкая,

Что укравать крылечко княженецкое,

Выведу я его на княженецкий двор.

Ну и вывел на княженецкий двор

И там опять не решил зарубить:

* Илья. (Собир.)

** Идолища. (Собир.)

"Не цесь-хвала молодецкая,
Что укравить княженецкий двор,
Поведу я его во цисто поле.
Вывел его туда в цисто поле,
Схватил его за ноги,
Да начал по нём силой похаживать*
Да приговаривать:
"Вот добру молодцу ружье-то по плицю пришло!"

Тут-то разбежалось евонно войско, разгонил, конечно, там уж всех. И опять поехал тогда. Тогда тоже князь-то его и хотел зазвать, Илью-то, в гости. А Илья говорит: "Не угостили, — говорит, — на приезде, дак на поезде нечего приманивать".

Ну, пошел опять, этого разыскал Иванища Могуцего. Тот, видишь, не ездил. Покуда он (Илья) там воевал, он (Иванище) там-то не ездил на лошаде-то. Он раньше-то вить не ездил. Опять встретились и разменялись. Он отдал свою, тот пошел, куда Иванища хотел идти, в Ерусалим. А Илья поехал опять где-нибудь искать каких-нибудь приключений.

2. ИЛЬЯ И НАХВАЛЬЩИК

А Илья Муромец стал считаться
Великим слугою царским,
И задался своей удалю могучею,
И выехал во чисто поле.
И собрал себе партию подходящую
Добрых молодцев разудалых,
И стал он ездить по чисту полю
Охранять границы царские.
И напала на то царство сила неверная,
Окрутила со всех сторон все царство великое.
И съехались богатыри тут все русские.
И выехал из орды витязь неверный сам
И могучий богатырь.
Начинает над има насмехаться:
"Эх вы, русские люди неудалые,
У вас нет той удали, которую имеем мы,

* Вероятно, оговорка; по смыслу: начал им по силе похаживать. (Собир.)

У вас некому со мной здесь сразиться...
Выезжайте вы на поле чистое
Сражаться со мной на поединок:
Кто победит, тот будет властителем".
Отвечали ему русские богатыри:
"У нас есть, кому с тобой сразиться, —
У нас есть старой казак,
Старой казак Илья Муромец
И богатырь велик, —
Он побьет тебя, как муху".
И спрашивает тут витязь неверный:
"А сколько ваш богатырь пьет и кушает?"
Отвечают ему русские богатыри:
"Он хлеба ест две просвирочки,
А вина-то пьет только чарочку".
И смеется тогда богатырь неверный:
"А что же он тогда за богатырь?"
А вот я дак богатырь:
Я вина-то пью по ведру зарáz,
А хлеба-то ем по мешку да вдруг".
Отвечают ему русские богатыри:
"А у нашего-то батюшки, у Ильи-то Муромца,
Была, говорят, корова пиючая,
Пиючая корова да едучая,
Как эта корова да и лопнула,
Так бы и лопнуть тебе, поганому Идолищу".
А рассердился тут витязь нерусский на них,
Замахал он на них копьём высоким.
И налетает на него матерой казак Илья Муромец
На своем на буром коне.
Разъезжались эти витязи,
Налетали друг на друга да со всего ходú.
С первого-то разу конь под Ильей на колена пал,
Илья Муромец под богатыря под низ попал,
И под низом ему вспомнилось:
"Неладно было писано у святых отцов,
И неправильно было думано у апостолов,
Что не бывать Илье в чисту полю убитому, —
А теперь и Илья под богатырем лежит".
И вдруг Илья Муромец оправился,
Илье придало силу-уверенность,
И сшибает он богатыря одной рукой,

А другой рукой забивает его голову.
И так победил он поганое Идолище
И спас свои границы царские.
И с тех пор пошла служба великая
Со большими наградами царскими.

3. ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЫИ МУРОМЦА

Еще ездил старик по чистым полям,
И хорош-то у старого добрый конь,
Перевозу тот конь век не спрашивал,
И реки-озера через скакал,
Кругом синего морюшка объездивал.
И наехал на дорожку на широкия.
У дороженьки лежит бел камень,
И на камешке подпись подписана:
"Во дороженьку ехать — убиту быть,
И убиту быть, и пограблену.
А другая дорожка — женату быть,
А третья дорожка — богату быть".
Вот сидит на коне Илья Муромец,
Вот сидит на коне сын Иванович,
И сидит он думу раздумывает,
А котору дорожку ехать:
"И на что мне на старость богатство,
И на что мне на старость жениться,
Мне жениться — не нажитися:
Мне старую взять — самому увясть,
А молодую взять — чужа корысть...
А поеду во дорожку, где убиту быть,
Где убиту быть и пограблену".
И поехал на дорожку на широкия —
Стоит сорок тысяч разбойников.
Поклонился о руку им о правую:
"Уж вы глупые стоятники-разбойники,
Вы зачем к одному все встаете,
И зачем вы оружия хватаете?
Одному из вас делать тут нечего,
Одному-то добру молодцу ножкой пнуть.
А убить-то меня вам уж некого,
А пограбить меня — взять вам нечего:
Как одна у меня шуба во тысячу,

Тасмяна узда — во пятьсот рублей,
Шелом на голове — во три тысячи,
Во кармане-то денег — пять тысячей,
У коня во лбу камня драгоценные
И не для ради красы-богачества,
Ради темная ночки осенняя,
Чтоб видно было коня за три версты".
"Еще много стар стал разговаривать!
Но убьете мы этого старого,
Закинем его сердце богатырское".
Соскочил тут Илья со добра коня,
Распустил тут Илья скоро тугой лук —
По всем стоятникам-разбойникам.
Все упали тут стоятники-разбойники,
От того ли от стуку от луцкого,
Он убил и ушиб славна атамана.
Пролежали они ровно два часа,
От ознобу они пробуждались,
Воздавали ему клятву великую:
"Мы пойдемте, разбойники, ко своим домам,
Ко своим-то женам и малым детушкам,
Довольно стоять нам край дороженьки,
Полно грабить народа православного".
Возвратился стар ко камешку
И на камешке подпись поднавливал:
"Съездил в дорожку — убит не бывал,
А расчистил дорожку прямоезжую.
Еще вторая дорожка, знать, изведати,
И поеду в ту дорожку, где женату быть".
Наезжает на дорожку на широкия,
Идет сорок девиц со девицею,
Впереди идет прекрасна королевична,
До сырой земли поклоняется:
"И пожалуй-ко, стар, во высок терем,
И попить, и поесть, и поундовать".
И сидит стар на коне, удивляется:
"Еще экое чудо не слыхано,
Чтоб звала молодца красна девица,
Она стара звала, королевична".
Приезжает старик во высок терем,
Привязал он коня к золоту кольцу,
Заходит стар во высок терем,

Еще бьет он челом во все стороны.
Приготовлены столы там дубовые,
Разостланы скатерти шелковые,
Еще собраны яства сахарные...
И попил, и поел, сколько хочется...
"Уж вы слуги, рабы вы подлые,
Покажите старику лежни теплые".
Привели его слуги к кроватишке.
И стоит стар у кровати, догадается:
"Еще эта кроватька подложна есть."
Говорит старику королевична:
"Ты вались-ка, старик, ко белой стене,
А уж я млада ко краешку".
Отвечает старик королевичне:
"Еще мы, старики, по краям-то спим,
Еще наше-то дело дорожное".
Ухватилася королевична за шелков пояс
И хотела бросить его на кроватьку.
Разгорелось его сердце богатырское,
Тут схватил Илья Муромец
Королевичну за шелков пояс
И в остатке он бросил в кроватьку.
Повернулась кроватька тесовая,
И упала королевична во глубокий подвал.
"Уж вы слуги, рабы вы подлые,
Покажите мне ходы-выходы
И во тот же во погреб глубокий".
Показали ему трое двери железные:
В эти двери замки заложены,
Эти двери камнем завалены.
Тут ключёв уж Илья не запрашивал,
Все замки он руками выдёргивал,
А камения ногами раскидывал,
И раскрыл трои двери железные.
И выходят цари и царевичи,
И премлады короли-королевичи,
Позади всех идет королевична.
И зашел тут старик во глубокий подвал,
Еще бил он королевичну по белым грудям
И в остатке срубил буйну голову.
И обратно ко камешку ворóтился,
И на камешке надпись поднавливал:

"Во дороженьку съездил — женат не бывал,
А расчистил дорожку прямоезжую.
Последнюю дорожку, зная, изведати,
О которой богату быть".
Наезжает на дорожку на широкую
И на этот же погреб глубокий,
Открывает там двери железные,
Этот погреб навален златом-серебром.
Злато-серебро он вываживал,
А поставил церкви соборные.
В этой церкви он и преставился.

4. ДОБРЫНЮШКА

Как матушка Добрынюшке наказывает,
Государыня Добрыне наговаривает:
"Как поедешь ты, Добрынюшка, по Киеву гулять,
Не заезживай, Добрыня, ко Пуцаю ко реки,
Не заплывай, Добрыня, за пёрвув за струю,
Не заплывай, Добрыня, за другу за струю,
Не заплывай, Добрыня, за третью за струю,
Не садись-ко, Добрыня, на сергуць* камешок, —
Там налётит змея сороцинская
И возмёт тебя, Добрынюшку, во хоботы
И унёсё тебя на гору Сороцинскую
Ко сорокам своим да ко детёнышам".
А матушки Добрынюшка не слушалси,
Государыни Добрыня не послушалси.
И поехал наш Добрынюшка по Киеву гулять.
Заезжал Добрыня ко Пуцаю ко реки,
И скинал Добрыня светло платье с себя.
Заплывае Добрыня за пёрвув за струю,
Заплывае Добрыня за вторую за струю,
Заплывае Добрынюшка за третью за струю,
И садится Добрыня на сергуць камешок.
Вот летит змея сороцинская,
Ладит взять Добрынюшку во хоботы.
А Добрынюшка да ей стал выговаривать:

* Сократившееся из "сер-горюч". (Сост.)

"Уж ты ахти, ты змея сороцинская,
Не напáдай-ко на тѣлушко на голое,
Уж ты дай-ко ты молодьцу да приобутися,
Приобутися да приодетися.
И потом-то бери меня за хоботы
И неси меня потом на гору Сороцинскую
Ко сорокám своим ко змеёнышам".
Выплывает Добрынюшка из перьвой струи,
Выплывает Добрыня из второй струи,
Выплывает Добрыня из третьей струи,
Одевает Добрыня светло платье на себя,
И берет Добрыня свой могучий лук,
И стреляет змею сороцинскую.
Не убил он змеи сороцинской,
А ушиб у змеи только три хобота,
Три хобота, да все ни лучшия.
Садится на своего коня
И поехал Добрыня к своей матушке,
Государыне Добрыня наговариват:
"Не убил я змеи сороцинскою,
А отшиб-то я у ей три хобота,
Да все ни лучшия".
Матушка Добрыне наказывает,
Государыня Добрыне наговаривает:
"Как поедешь ты, Добрыня, по переулоцкам гулять,
Не заезжай, Добрыня, к Мариночке,
Да та Маринка отравщица".
Матушки Добрынюшка не слушалси,
Государыни Добрыня не послушалси,
Поехал наш Добрынюшка по Киеву гулять.
Заезжает Добрыня к Марине в переулоцки.
А у Маринки Костиной на оконце
Сидит голубь со голубой,
Носок к носку прижимается,
Крылышками обнимаются.
Натягает Добрыня свой могучий лук
И спустил он (в) голубка да со голубкою.
А не убил он голубка да со голубкою,
А убил-то у Маринки милá дружкá,
Мила дрúжка да Туганина.
А та-та Маринка-отравщица
Заходила на улошку,

Подрезала следоцки Добрынюшки.
Не мог наш Добрынюшка отъехать-отойти.
По три-то годика чашётничал,
По три-то годика да лóжничал,
По три-то годика коровушек пас,
На десятый годицек домоице пришёл.
А маменька Добрынюшке рассказывае,
Государыня Добрыне выговаривае:
"Не твоя ли жена дак замуж ушла
За того ли за Олёшу за Поповица".
Богатырское серьцо роскипелоси,
Молодецкая кровь разгореласи.
Он ведь шапоцку наклал да на одно́ ухó,
Полушубоцек надел да на одно плещó,
А сапожки одел да на босу ногу.
Приходит он да на пир на свадьбу
И берёт ое Олëshеньку за волосы,
Куды дёрне — туды улошка,
А одёрне — переулоцёк.
Не всякому на свете удавалоси так жениться,
Как Олёше да Поповицу.

5. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ (ДЮК СТЕПАНОВИЧ)

Как Добрынюшка Микитович,
Разудалый добрый молодец,
Жил с родителем со матерью.
Был он дитятко захвастливый.
А его мать была честна вдова
Афимья Александровна.
Вот задумал тут удалый добрый молодец
Он поехать во стольный во Киев-град,
Он ко князю ко Владимиру.
Он просился у родителя-маменьки.
"Ведь ты вышел, дитятко захвастливый, —
Ты похвастаешь вдовиным сиротским животишком..."
"Если дашь благословеньице — поеду,
А не дашь, так все равно поеду".
Как в одно-то бывое воскресение
Ушла тут родитель-маменька,
Ушла в церковь богомольную

Да ко службе ко священной.
А задумал-то удалый добрый молодец
Все равно поехать в стольный Киев-град.
Он шел в конюшню стойную,
Он брал коня неезжаного,
Брал он обороть недержаную,
Он седлал Серко-Бурко да по-военному,
Брал он палицу военную.
Приходила тут родна маменька
С Божьей церкви богомольною,
А Добрынюшка Микитович
Уж сидит-то на добром коне.
И сказал Добрынюшка Микитович,
Чтоб дала ему благословеньице:
"Ты родитель моя маменька,
Ты дашь благословеньице — поеду,
И не дашь — поеду".
Говорила ему родитель-маменька:
"Ты не ездь дорожкой прямоезжею,
А кругом так две тысячи верст,
А кругом тебе да около.
Есть там заставы великие,
Есть там горы сотолкучие,
Есть там звери заедучие,
Есть там змеи заклеучие,
Есть пески там засыпучие".
Не послушал тут удалый добрый молодец,
Все равно — да он дорожкой прямоезжею.
Приезжал он к этим горам да сотолкучим,
Уж он бил Серко-Бурко по крутым ребрам:
"Ты Серко-Бурко да вещий Воронко!
Уж ты стань передо мной, как лист перед травой,
Сослужи ты мне ту службу великую,
Проскочи ты эту заставу великую,
Бери силушку да ты могучую".
Проскочил Серко-Бурко да за ту заставу —
Не успели горы столкнуться.
А пришли бы там пески да сыпучие —
Да прошли тут пески да рассыпучие.
Да приехал тут Добрыня в стольный Киев-град
Ко князю ко Владимиру.
И зашел он на широк на двор,

Да и ходит тут он по широку двору.
У Добрыни сапожки сафьяновые,
А под ними-то панели-то сосновые,
В широком дворе там столбики сосновые,
А на добром коне-то поводок-то шелковый.
Уж он водит по двору коня да доброго,
А привязать-то его, доброго, некуда.
Привязал он да коня доброго
Ко столбу ко сосновому,
Привязал он ко колечку ко железному —
Повода да шелковые позаржавеют.
Зашел он в палаты белокаменны,
Там уж пир полно идет.
Там гости собираются,
Они сыты наедаются,
Они пьяны напиваются.
Тут Добрынюшку Микитича,
Ой, Добрыню тут сажали за дубовый стол,
Наливали ему чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
Выпивал тут эту чарушку
Добрынюшка Микитович.
На пиру тут-то все наедались,
На пиру все напивались,
На пиру все порасхвастались.
Умный хвастал отцом-матерью,
А безумной — молодой женой,
И иной хвастал добрым конем.
Тут Добрынюшка Микитич
Он немного порасхвастался:
"Ай ты красный да стольный Киев-град!
У тебя-то в широком дворе
Стоят столбики сосновые да колечки железные,
У тебя-то в широком дворе
Да колечко железное —
Поводья да шелковые заржавеют.
У меня-то у родители, у матушки,
Стоят столбики точеные да колечки золоченые,
Чтоб поводья те бы шелковые не пачкались;
Да по двору панели мраморны,
Чтоб сапожки сафьянные не пачкались;
Швецы с дому не выводятся,

Полные конюшни коней добрых,
Погреба-то глубокие, напитки-то крепкие.
У моей-то у родители, у маменьки,
Один калач съешь — дру́гой хочется,
А у вас-то один съешь — другой колется".
Говорит ему Владимир-князь,
Да удалу добру молодцу
Да Добрынюшке Микитичу:
"Ай Добрынюшка Микитович!
Если три года ты можешь менять добра коня,
Каждый день менять костюм на своих плечах,
Мы поверим тогда в твое хвастовство".
Призадумался удалый добрый молодец,
Озадачили удала добра молодца —
У него как-то хватит всё это ли повиполнить?
Он и тут да призадумался:
Да достача-то ведь дальняя.
Утром встал он ранёшенько
Да и вышел во чисто поле,
Сидит, голову повесимши;
Он тут и призадумался,
Ну и как эту задачу выполнить?
Идёт старичок тут стародавненький:
"А чего ты, детина, призадумался?
Ты зачем сидишь, удал добрый молодец,
Ты кручинившись сидишь да призадумавшись?"
Говорил тут Добрынюшка Микитович:
"Ну как мне не задуматься?
Да вот мне дана задача великая —
Я бы эту задачу выполнил,
Да достача очень дальняя".
"Не печалься, удалый добрый молодец,
Вставай-ко утром ранехонько,
Ты Серко-Бурко катай в росы немятыя.
Будет он менять-то шерсть бурую".
И поехал тут Добрынюшка Микитович
Да со стольного края Киева,
Тут поехал ко родители, ко матушке.
Уж он выехал во полюшко широкое,
Три там есть пути-дороженьки широкие,
Три там надписи великие:
"А в одну-то путь-сторонку —

Там пути запрещенные;
А во другу — к Маринке ко волшебнице —
Загубила трех богатырей
Да загубит Добрынюшку четвертого;
А уж третья дорожка очень дальняя".
Да и поехал он по средней дороженьке.
Да Добрынюшке смерть в боях не писана.
Приезжал он ко терему высокому —
Там живет-то Маринка-волшебница.
Попросил он остановить да коня доброго,
Он зашел в терем высокий тут.
Там встречала Маринка-волшебница.
Попросился он остановить коня.
Угощала она его по-своему,
И кормила, и поила добра молодца,
Наливала тут ему вина да пьяного.
И предложила она добру молодцу
Тут свалиться на кровать на широкую
Со пути, со широкой дороженьки.
А кроватка у Маринки вся волшебная.
Догадался удалый добрый молодец,
Охватил он Маринку-волшебницу,
Положил на кроватку дубовую.
А Маринка тут волшебница
Тут с кроваткой улыбнулася.
Опустился тут удалый добрый молодец
В погреб к удалым добрым молодцам,
Там засажено три удалых добрых молодца.
Да удалых добрых молодцов повыпустил,
А Маринку-волшебницу прикончили.
Сам Добрынюшка повыехал,
А дорожка-то будет прямоезжая.
Да приехал он к родители, ко матушке,
Рассказал он про стольный Киев-град.
Говорит тут родитель-маменька:
"Я ведь знаю, ты дитятко захвастливый,
Я ведь знаю, что ты похвастываешь
Вдовиным сиротским животишком".

6. ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

Умный похвастал отцом-матерью,
А безумный — молодой женой,

А иной похвастал золотой казной,
А Иван Гостиный сын — добрым конём.
А князю-то Владимиру не понравилось:
"Ах ты Иван да Иван Гостиный сын,
Давай ударим со мной во велик заклад
Межа утренней обедней благовещенской".
А Иван Гостиный сын за конюшеньку-то не заглядел,
Пришел с пиру невесел, нерадошен.
Мать говорит, у его спрашивают:
"Что ты пришел невесел, нерадошен,
Разве тебя пьяница обесцестила,
Али собаки тебя облаяли,
Разве цара вина не рядом дошла,
Али цёрны враны ограили?"
"Ах ты матушка да царица благоверная,
Благоверная да благоцестная!
Собаки-то меня не облаяли,
Меня пьяница-то не обесцестила,
Цара вина мне рядом дошла,
Цёрны враны не ограили, —
А ударил с князем Владимиром да во велик заклад".
А говорит-то: "С глупого-то вина прохлупался.
Я слышал, что у моего батюшка родного
Есть маленький конь-Бурушко косматенькой.
Я ударился с князем Владимиром во един заклад,
Котора объеде — не то голова с плеч".
"Ох ты Иван да Иван Гостиный сын,
Утро вечера мудрёнее.
Выстань утром ранёшенько,
Да умойся белёшенько,
Да вытрись да сухошенько.
Выйди на конюшни стоялые,
Там стоят три конюшни стоялые,
Ты выбирай себе добра коня".
Утром выстал и пошел ко конюшне.
Пришел на перву конюшню —
Стоит полна конюшня коней.
Он как рыкнул по-звериному,
Свистнул по-соловьиному —
А все кони упали на колена.
Тут нету Ивану Гостиному сыну добра коня.

И он приходит опять на втору конюшню стоялую —
Стоит конюшня стоялая полна.
А он опеть-то рыкнул по-звериному,
Свистнул по-соловьиному —
И тут все кони пали на колена.
И вот пошел опеть от коней
Иван Гостиный сын нерадостен.
Приходит к третьей конюшне стоялой.
В той конюшне стоялой стоит одна кобылица-латиница
С малым жеребеноцком.
Иван Гостиный сын и думает:
"И тут нет добра коня".
Взял рыкнул по-звериному,
Засвистал по-соловьиному —
А кобылица упала на колена,
А маленькой Бурушко только ушком повел.
Он и пришел:
"Маленькой Бурушко косматенькой,
Послужи мне верой-правдой!"
Промолвился Бурушко целовецеским языком:
"Ах ты Иван да Иван Гостиный сын,
Как я тебе служить буду?
Как у твоёго у батюшка
Дак стоял на белых полстях,
Ел пшено белоярое,
Пил сыту-воду медвяную, —
Как я у тебя буду служить?
Я у тя стою по колен в грязи,
Ем синищё болóтину,
Пью во́душку со ржавчиной, —
За что я тебе буду служить?"
Иван Гостиный сын опеть не отходит,
От коня не отпускается.
Бурушко косматенькой опеть промолвился целовецеским
голосом:
"Вот Иван да Иван Гостиный сын,
Сходи в город да купи пшена белоярого
Да белых полстей,
Накорми коня да напой коня
Да сытой-водой медвяной.
Купи еще себе три шубы соболиные,
Надень их да меня возьми с собой".

Поехал Иван Гостиный сын в город да и закупил, напоил да накормил коня. Воротился к матери и рассказывает.

Повел коня ко Владимиру.

Конь идет на поводе

Да и попрыгиват, да и поплясыват,

Да у Ивана Гостиного сына

По соболю из шубы выдергиват.

Как Ивана Владимир глядит в окошко,

А он ведё этого Бурушка.

Владимир говорит:

"Ах ты Иван да Иван Гостиный сын,

Что ты надо мной смеесси в насмешку?"

А Бурушко стоит и слушает.

"Кака, — говорит, — насмешка,

Покажи своих коней, какие есть-то".

Трех коней ведут, а Бурушко стоит.

Первого коня вывел Соловка — и два конюха;

Другого коня ведет Воронка — и три конюха;

Третьего жеребца ведут пять конюхов и два вольницают.

А Бурушко стоит худой да все слушает,

А Иван Гостиный стоит в палатах с князем Владимиром.

Как маленькой Бурушко все выслушал, —

Выскочил, ударил копытами о сбрую —

Все напитки пошевелились;

Как во второй раз свистнул по-соловьиному,

Да как выскочил да в полтерема златоверхого, —

Да у царя напитки на столе расплескались,

А кони все разбежались,

Воронко исплецился, а Потаня концом ушёл.

Князю Владимиру ехать не на цем,

И царище-то ехать не на цем.

"Иван Гостиный сын,

Продай мне жеребёночка маленького!"

Как он опять рыкнул по-звериному,

Свистнул по-соловьиному,

Выскочит выше терема златоверхого,

Ударит во землю копытами, —

У царя все напитки вылились.

Да он возьми и говорит: "Уведи коня!"

Возьмё и привяже.

Коня спустил — конь ушел домой.

"Иван Гостиный сын, давай устроим пир,

Чтоб на три дня все пили и ели бесплатно,
Чтобы знали, что такой заклад был".

7. ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

Дунай, Дунай да сын Иванович!
Был завѣден пир на весь мир
Во славном во городе во Киеве
У великого князя у Владимира.
Был заведен пир на весь мир,
Все на пиру напивалиси,
Все на пиру наедались
И все порасфасталиси:
Умный фастат отцом-матерью,
А безумный фастат молодой женой;
Дунаюшко фастат сам собой:
"Нет меня, Дуная, меня сильнее,
Нет меня, Дуная, красивее,
И нет Дуная счастливее
А и нет Дуная сопливее*,
А стрелять нет горázнее!"
А при пиру жена мужа прибесчестила:
"Стрелец — меня не горázнее,
Илья Муромец тебя сильнее,
Дюк Степанович тебя красивее,
Добрыня Никитьевич тебя сопливее,
А я — стрелец тебя горázнее".
Ему взапряку пришло —
При пиру Дуная прибесчестила.
"Возьмем коней неузданных,
Неузданных коней, неседланных,
Поедем в поле разъедемся
И в тугие лука ударимся,
На свои на головы наложим
По перстню злаченому.
Который сострелит с головы,
Дак того будет большина.

* Возможно, это из непонятого исполнительнице слова "шапливее".
Буквальное понимание слова тем более неприемлемо, что во втором случае
оно применяется для характеристики Добрыни. (Сост.)

А который не сострелит перстень с головы,
Того будет мёньшина".
Выехали — разъехались.
Марья Микулишна натянула лук, ударила,
Стрелила, сострéлила злочен перстень
Дунаю с буйной головы,
Не задела желтых кудрей.
А Дунай Марье митит в ретиво сердцё,
Тут Марья догадаласи, Дунаю возмолиласи:
"Не стреляй меня, не стреляй меня,
У меня во чреве там младёнь хорош".
Не послушался Дунай да сын Иванович,
Сострелил в ретиво сердцё Марьи Микулишны.
И с того седелышка черканьського
Пала лебедь белая на сыру землю.
Он соходил со добра коня,
Взял нож и разрезал белу грудь.
Порасплакалси, что ону застрелил.
Клат копьё вострое
На сырú землю тупым концом,
К ретиву сердцú вострым,
На копьё переговаривал:
"Где пала лебедь белая Марья Микулишна,
Тут пади, Дунаева головушка!
Где стоя наши кони наступчаты,
Туто станьте, крутоскатные бережки!
От той крови Дунаевой
Протеки, матушка Дунай-река!"

8. ЧУРИЛА И КАТЕРИНА

Накануне было праздника Христова дня,
Канун-то честного Благовещенья,
Выпала порошица, снежок молодой.
По той ли порошице, по белому снежку
Не белый горноста́ль следы промятывал,
Тут уже ходит купав молодец
На имя Чурила сына Плёнковиць,
Ронит гвоздоцьки серебрянии,
Скобоцьки позолоченнии.
Следом уже ходят малые ребятушка,
Собирают гвоздоцьки серебрянии,

Скобощки позолоченный,
Тем уже ребята голову кормят.
Заходил тут Чурила, зашатался
Ко Бермяты к высокому терему.
Не белая лебедушка прокрычала,
Отвечала Катерина таково слово:
"Удалой дородный добрый молодец,
Да на имя Чурила сына Плёнковиц!
Пожалуйте ко мне да во высок терём".
Идёт тут Чурила во высок терём,
Да он крест-от кладёт по-писаному,
Поклоны-от ведёт по-учённому,
На все на четыре сторонушки,
Да еще Катерины-то в особинку.
Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Говорила Катерина таково слово:
"Да удалой дородный добрый молодец,
На имя Чурила сына Плёнковиц,
Давай поиграю со мной во шахматы.
Ты мне поиграешь* — тебе сто рублей,
А я те поиграю — тебе Бог простит".
Первый раз сыграл он — перво ума давал,
Да брал с Катерины да денег сто рублей.
Второй раз сыграл — да второ́ ума давал,
Да брал с Катерины денег двести рублей.
Да и третий раз сыграл — третьё ума давал,
Да брал с Катерины да денег триста рублей.
Бросала Катерина доску хрустальную
Да шахматы бросала серебряные,
Брала Катерина Чурила за руку за белу́
Да повела уже в ложню во теплую.
И начали с Чурилом забавляться.
Ходит по терему девка-чернавка,
Шурчит да бурчит:
"Хороша Катерина дочь Никулична,
Я пойду к Бермяты накучу́ да намучу́".
Того Катерина не пытается,

* Поиграешь — выиграешь. (Собир.)

На ложне с Чурилом забавляется.
Идет тут девка-чернавка во Божью церкву,
Крест кладет по-писаному,
А поклоны ведёт по-учёному,
На все на четыре сторонушки,
Ещё Бермяты-то в особинку:
"Ласковой ты мой хозяйюшко,
Да старой Бермята сын Васильевич!
Стоишь ты во храме, Богу молишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь,
У тебя в теремѹ гость гостит,
Незванной гость, неприказыванной,
С твоей Катериной забавляется".
Говорит тут Бермята таково слово:
"Если правду говоришь, так я пожалуйу,
Но если, дура, уже врѣшь, срублю голову".
Идѣт тут Бермята ко своёму терему,
Застучал Бермята во серебряно кольцо,
Спит Катерина да не пробудится;
Застучал Бермята во второй тут раз —
Спит Катерина да не пробудится;
Застучал тут Бермята в третий раз
Изо всей могуты богатырския:
Все теремы пошаталисе,
Да маковки поломалисе.
Выбегала Катерина в одной тоненькой рубашоцьки
без пояса,
В одних беленьких чулочиках без чоботов...
"Что ты, Катерина, не снарядна идѣшь?
У нас сегодня большой праздничек,
Святое-то Божье Благовещенье".
Умеет Катерина, как ответ держать:
"Да ласковой мой хозяйюшко,
Старой Бермята сын Васильевич!
Опустилась болестница ниже пупа и до пояса,
Во тьи во нижни во черевья,
Не могу я хорошо обредитися".
Тому Бермята не пытается:
"Хороша Катерина дочь Микулична,
И это я платье на Чуриле всё видал,
Шапка, сапоги — да всё Чурилово".
Умеет Катерина, как ответ держать:

"Ласковой ты мой хозяйшко,
Да старой Бермята сын Васильевич!
У моего родимого у брателка
Да коньми с Чурилом поменялоси,
А цветным платьем побратаноси".
Того Бермята не пытается,
А берёт он со стопки саблю вострую,
Идет он в ложню во тёплую,
Увидел он Чурила на кровати слоновых костей,
На мягкой перины на пуховыя,
Махнул тут Бермята саблей вострую
Да отсёк у Чурила буйну голову.
Не белый горох рассыпается —
Чурилова кровь проливается
И Чуриловы кудри валяются.
Брала Катерина два ножа, два вострых,
Выходила она в сад да во зелененький,
Становила она ножики череньями в сырú землё,
Разбегалась Катерина на ножики на острые,
Подрезала она жилья ходячие
И выпустила кровь-ту горячую.
Погинули да две головушки,
Которые наилучшие головушки.
И чтит их на сегодня наша Русская земля,
И память о них не погинет никогда.

Исторические песни

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Исторические песни, отразившие наиболее важные события в жизни нашей страны на протяжении XIII—XIX вв., в жанровом отношении неоднородны по составу. "Старшие" песни (XIII—XVI вв.) эпичны, "младшие" — лиричны, преимущественно это солдатские походные или протяжные песни. Более долгая сохранность некоторых исторических песен объясняется их бытованием в качестве протяжных лирических песен.

1. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН

Цёго-то был Грозный царь Иван Васильевич,
Говорил, что нет меня грозня в Москве:
Вывел измену из семи городов,
Вывел измену из Москвы из города.
А у его было два сына:
Федор Иванович — старший сын,
А Иван Иванович — младший сын.
Федор Иванович и говорит:
"Глупостью, батюшка, фастаешь,
А безумьем пофаляешься.
Вывел ты измену с каменной Москвы —
Изменщик у тебя о правó плечё,
О право плечё, по праву руку;
Ходил по улкам-переулкам,
Казнил петухов со курицами,
На воротах подпись подписывал:
"Эти улочки казнёны, переулочками вешано".
Тут отцу взапряку́ пришло,
Что сын пристрашил.
Закричал он громким голосом:
"Палаци вы, разбойники,
Поведите вы Федора Ивановича
В поле Куликово,
На плашку на липову,

Казните ему буйну голову
За его́вый поступок великой".
Старшой уко́цее́тся за меньшего,
А меньшей уко́цее́тся за старшего,—
Ответу нет.
Один Мишка росстрижка Скурлатов сын
Говорит таковы слова:
"Дай, — говорит, — указ да своей рукой
За до́рогой печатью государевой,
Тогда казнить буду царьски се́мена".
Услышала это ёгова мать
(Мать родна Федору Ивановичу),
Пошла по Москвы по городу
К родному брату Миките Романовичу—
Не бывала двадцать лет.
Заходит в дом,
А брат сидит обедае, кушае, а говорит:
"Роспекло у меня солнышко —
Зашла сестричка в гости".
"А зашла что да не с радостью:
А моёго-то сына бажоного,
А твоёго-то племенничка
Повели в поле Кули́ково
На ту на плашку на липову
Сказнить ему буйну голову
За его́вый поступок великой".
Брал Никита шубу за один рукав,
Накладал шапку на одно ухо,
Брал коня неседланого, неузданого.
Видели сажаючи,
А не видели поезжаючи.
Едѣ Никита во всю Москву,
Ревѣт Никита во всю го́лову:
"Не тронь, не казни царски семена,
Съеси, вор-собака,— подависси!"
Выехал в цисто полѣ,
Закри́кал громким голосом:
"Стой, Мишка росстрижка Скурлатов сын!"
У Мишки сабля выпала из руки,
В трех местах сломалася.
Сказнили собаку на место царского сына,
Принесли царю сердце на смотр,

А он говорит:

"Собака был, дак собачий дух поранё".

А тот племянника, Никита, увез домой.

День поминают в церкви,

Другой поминают в церкви —

Царева сына скáзнили.

А Микита Романович пошёл в церкву.

Кресты кладё по-писаному,

А поклоны — по-уценому,

А Грозному царю кладё поклон в особину:

"Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,

Со своимá царскими семенами,

Со своей со царской со свитой!"

А ён на его и зарыкал громким голосом:

"Что ты,— говорит,— насмехаешься надо мной,

У меня,— говорит,— Федора Ивановича в живых нет.

По вóры, по разбойники много потужщиков,

А по царьских семенах никого нет".

Говорит:

"Из-за утра, утра раннего

Ударю в плакун-колокол,

Собирайтесь в церковь все.

Стану всех кряду казнить и вешать,

Старых стариков в кожу шить

Да волкам кормить,

А тебя, седу бороду, в полон возьму,

(Этого-то дедю!) мором заморю".

Всё по из-за утра, от за́утра

Ударил в плакун-колокол.

Все собиралися в церковь,

В платьё цветное обрядилися.

А Микита Романович обрядил племянника в лучшее платьё и сам обрядился так, что хорошо. Пошел на смерть. А Грозный царь Иван Васильевич увидел из церкви в окно, что идё Микита Романович, а ведё ёгова сына Федора Ивановича; выходил на паперть, говорит-то:

"Что охапить Микиту Романовича
[Федора Ивановича обидеть]*,

* Словами, заключенными в квадратные скобки, обозначен смысл пропущенных собирателями строк. (Сост.)

А Федора Ивановича обнять-захватить
[Микита Романович обидится] —
Дак обойму обеих вдруг".
Говорит Миките Романовичу:
"Цем стану дарить —
Сёлами с присёлками ли,
Городами с пригородками,
Али много несчетной золотой казны?"
А Микита Романович отвечает:
"Не нать мне села с присёлками,
Не нать города с пригородками,
А много несчетной золотой казны —
Своей не прожить".
"Дам Микитьеву слободу.
Хто голову убьё, хто коня уведё —
В Микитьеву слободу.
Того Бог простит,
Того и судить не надо
Суд сүдя да прекратя".
Прошло времени три мисеца,
А собралоси воров да разбойников три тысячи.

*Потом откликали Микитьеву слободу, более не стали пускать,
концилося.*

2. КУТУЗОВ ПРИЗЫВАЕТ СОЛДАТ ПОБЕДИТЬ ФРАНЦУЗОВ (ЗАПЛАКАЛА РАСЕЮШКА)

Заплакала, ой, да наша Расеюшка,
Ой, да от француза, от француза.
Уж ты не плачь-ко, не плачь, наша Расеюшка,
Да Бо-, ой, Бог-то поможет, Бог поможет.
Собирайся, ой, да сударь-батюшка,
Со, ой, да со полками,
Со полками, ох, со любезными,
Ой, да со полками.
Ох, из казаков вы — да выбирали себе есаула,
Есаула, ох, есаула да по- ой да полку нашего,
С, ой, с караула, с караула.
Ох, речь-то проговорил, речь промолвил
Ой, да кня-, ой, да князь Кутузов, князь Кутузов:

— Ой, да вы вставайте, ой, да мои деточки,
Ох, поранее, поранее.
Ох, вы седлайте-ко да, ой, да добрых коничков
По-, ой, поскорее, поскорее,
Ох, поезжайте-то мо-, ой, да мои деточки,
Во чи-, ой, дак во чистоё полё, во чистоё полё.
Ох, уж вам и встретится, ой, да злодеюшко
Сре-, ой, среди-то поля, среди поля.
Ох, вы только палите, да мо-, ой, да мои деточки,
Вы не ро-, ой, не робейте, не робейте.
Ой, государева сви-, ой, да свинцу-пороху
Да не, ох, не жалеите, не жалеите.
Ох, не восточная с нё-, ой, да с нёба звездочка воссияла,
Воссияла-то, воссияла да у, ой, да у Кутузова
Да во-, ой, вострая сабля.

3. ПЛАТОВ В ГОСТЯХ У ФРАНЦУЗА

Ты Россия, ты Россия,
Мать Российская земля,
Мать Российская земля.
Ой, про тебя, нашá да Россия,
Далеко славá да прошла,
Далеко славá да прошла,
Ой, далеко славá да прошла
Да про Платóва-казака,
Про Платóва-казака.
Ой, Платóв бороду обрел
Да к французу в гости шел,
Ко французу в гости шел.
Его француз не узнал
Да за купчишко почитал,
За купчишко, за мальчишко,
Да за убранный стол да садил,
За убранный стол да садил,
Да за убранный стол да садил,
Чаем-кофеём поил,
Чаем-кофеём да поил,
Сладкой водкой угостил.
Он выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове,
Ой, зашумело, загремело.

— Скажи правду ты всю мне,
Ой, скажи всю правду ты мне
О Платове-казаке,
О Платове-казаке.
Ой, в Москве я много раз бывал
Да генералов много знал,
Ой, генералов и купцов
Да всех донских я казаков,
Всех донских я казаков.
Одного только я не знал,
Одного только я не знал,
Одного только я не знал:
Я Платова-казака.
— У Платова-казака
Да не обрета борода,
Не обрета борода.
У француза дочь-та была,
Злая, хидная така,
Злая, хидная така,
Ко Платову подошла:
— Ох, ты купчишко,
Ты ль да мальчишка,
Ты позволь патрет да казать,
Ты позволь патрет казать,
Ой, Платов паспорт вынимал,
На убраный стол да бросал,
На убраный стол да бросал,
На убраный стол бросал,
Сам из горенки ли да бежал,
Сам из горенки бежал,
Ой, сам из горенки да бежал
Да на добра коня скакал,
На добра коня скакал,
Ох, на добра коня скакал*,
Да он французу закричал:
— Ты ворона, ты ворона,
Ты французская свинья,
Не сумела ты, ворона,

* Исполнительница устала, далее — диктовала. (Собир.)

Сокола потеревить,
А сумей-ка ты, ворона,
В трех дорогах схоронить*.

4. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I

Отправлялся наш Александр
Всё Кандрог, всё Кандрог, Москву смотреть,
Всё Кандрог, Москву да смотреть.
Обещался наш Александр
К Рождеству, к Рождеству домой прибыть,
К Рождеству домой да прибыть.
Вот три праздничка проходят:
Рождество, Рождество и Новый год,
Рождество и Новый год,
Рождество и Новый год —
Алекса-, Александра дома нет,
Александра дома нет.
Его бедна мать-старушка
Тоскова-, тосковала день и ночь,
Тосковала день и ночь.
День тоскует, ночь не спит
Да всё в око-, всё в окошечко глядит,
Всё в окошечко глядит.
Пойду-выйду я на башню,
Котора-, которая выше всех,
Которая выше всех.
Взгляну, взгляну в то окошко,
Которо-, которое больше всех,
Которое больше всех.
Взгляну, взгляну в то стекло,
Которо-, которое чище всех,
Которое чище всех.
Взгляну, взгляну в ту сторонку,
Котора-, которая дальше всех,
Которая дальше всех.
Как не пыль в поле пылится,
Молодой, молодой кульер бежит,

* Схоронить — найти. (Сост.)

Молодой кульер да бежит.
Пойду спрошу у кулера:
— Ты отку-, ты откудова спешишь,
Ты откудова да спешишь?
— Я бегу и тороплюся
Все из Пи-, все из Питёра в Москву,
Я из Питёра в Москву,
Я из Питёра в Москву,
От Алекса-, от Александра весть несу,
От Александра весть я несу.
Помер, помер наш Александр,
В Кандро-, во Кандроге жись скончал,
Во Кандроге жизнь да скончал.
Все двенадцать архиереев
На главах его несут,
На головушках да несут,
Все двенадцать протоиреев хорошо,
Хорошо стихи поют,
Хорошо стихи да поют.
Молоду его княгиню
Во коре-, во кореточке везут.
Молода его княгина
Слезно пла-, слезно плакала по нём,
Горько плакала да по ём.

5. ПОХОД В ПОЛЬШУ В 1831 г.

Полно, полно нам, братцы, крушиться,
И перестанем мы горюшко горевать,
А лучше станем-ко жить да веселиться
И с горя песенку запоем.
И запоем-ко песенку да такую
Про хожденьице свое,
Про хожденьице свое, про солдатское житье.
Ох, как про хожденье, про рожденье,
Про солдатское житье.
Ох, как мы в солдатушках жили не тужили,
С горя песенку споем.
Как запоемте-ко песенку да такую
Про солдатское житье.
Ох, как двадцать первого числа сентября
Да выгоняли нас, братцы, на горушку

И становили во рядок,
Всех поставили в рядок.
Как на все стороны Богу помолились
Да с отцом, с матерью простились,
С отцом, с матерью простились
Да со родимой стороной,
Со женою, со родною стороной.
Как сын ли царевич храбрый Константин,
Нынь храбрый Константин,
Да предводитель с нами был,
Предводитель с нами был.
По армеюшке князик разъезжал,
Всё указы раздает,
А всё указы раздает.
Темны тучи грозные,
Как ноченьки темные,
Дак по поднебесью идут,
О поднебесью идут.
Как наши ротные ребята-командиры
Да со ученьица идут.
А промеж собой говорят,
Да промеж собой говорят,
Да как Аршава-город взять.
"Как трудно-то нам, братцы-ребятки.
Как нам еще того, братцы, потрудняя,
Да как под пушки подбежать,
Да как под пушки подбежать.
Как подбежали мы, братцы, под пушки,
Да закричали что "ура".
Мы скричали что "ура",
Эх, как прокричали,
Эх, как "ура-ура",
Дак задрожала мать-земля".

Балады

БАЛЛАДЫ

Наибольшую устойчивость в составе эпических песен проявили баллады, процесс угасания которых идет до сих пор. Традиционные баллады постепенно вытесняются новыми балладами литературного склада (см. об этом статью в нашем сборнике "Современное состояние баллады". С. 39).

1. ВАСИЛИЙ И СОФЬЯ

Как у матушки, у батюшки
Было тридцать три дочери.
Они все тридцать три дочери
По лавочкам сидят,
Они все тридцать три дочери
Про Божье говорят.
Как одна была Софиюшка —
Промолвиласе.
Она ладила молвить:
— Господи Боже, помилуйте нас,
Сама молвила Софиюшка:
— Васильюшка, подвинься-ко сюда!
Как Васильева-то матушка услышала,
Она сходила во город-от, во Киёв-от.
Она скляночку купила зелёного вина,
А другую купила зелья лютого она.
Она зелёное вино да во правой руке несёт,
Уж как зелье-то лютое во левой руке несёт.
С правой рученьки снимает —
Ко Василью подавает,
С левой рученьки снимает —
Ко Софии подавает.
Как Василий-от пил —
Ко Софии подносил,
А София-то пила —
Ко Василью поднесла.
Они к утру, ко свету представилисе.

Как Василья повалили ко западу лицом,
А Софию повалили к востоку лицом.
Деревья на могилах прутьем-кореньем срастаются,
Они вместе листочками слипаются.
Старый умный-от идет,
Тот наплачется,
Который глупый-от идет,
Тот нахохочется,
А безногий-от идет —
Христос ноженьки даёт,
А безглазый-от идет —
Христос глазоньки даёт.
(И всё)

2. ДМИТРИЙ И ДОМНА

Как посватался Дмитрий Михайлович
Да на Домне да Фалилеевне,
Да по три лета, по три зимы
Да от ворот-то он не отъезживал,
От окошек не отхаживал.
— Ты сестрица-сестрицушка,
Ты Авдотья Михайловна,
Да собери-ка ты беседушку,
Ты сходи-ка к соседушке,
Да сзови-ка ты на беседушку
Да и Домнушку-Домнушку,
Да и Домну Фалилеевну.
Как первый посол послали за Домнушкой.
— Уж ты Домна, ты Домнушка,
Ты Домна Фалилеевна,
Пойдем к нам на беседушку,
Ты пойдем к нам на весёлую.
У нас Митрия дома нету,
У нас Михайловича дома нет.
У нас ушёл-ушёл Митрий,
У нас ушёл-ушёл Михайлович
В чисто поле за охотою
Да за летною птицею,
За перелётными гусями,
Да за серыми утками.
Ишо наш-от Митрий-князь

Голова-то у Митрия,
Как серебряна маковка,
Глаза-те у Митрия,
Как два ясные сокола;
Ишо брови-те у Митрия,
Как два соболя черные.
Не послушалась Домнушка,
Не послушалась Фалилеевна
Да не пошла на беседушку,
Не пошла на весёлую.
— Ишо ваш-от Митрий-князь,
Как кутыря боярская,
Как сова заозерская,
Голова ишо у Митрия,
Как котел пивоваренный,
А глаза-те у Митрия,
Да как две кошки серые,
А брови-те у Митрия,
Как две собаки бурластые.
— Ты Авдотья, Авдотьюшка,
Ты сестрица Михайловна,
Собери-ка ты беседушку,
Да ты сходи-ка к суседушке,
Да созови-ка ты суседушку
Да Домну да Фалилеевну.
Как второй посол послали
Да за Домной Фалилеевной:
— Уж ты, Домна, ты, Домнушка,
Да ты, Домна Фалилеевна,
Да пойдём к нам на беседушку,
Да пойдём к нам на весёлую.
У нас Митрия дома нет,
У нас Михайловича дома нет.
У нас ушёл-ушёл Митрий-князь,
У нас ушёл-ушёл Михайлович
Да в чисто поле, поле за охотою,
Да за летною птицею,
За перелетными утицами,
Да за серыми гусями.
Да ишо наш-от Митрий-князь,
Да голова-то у Митрия,
Как серебряна маковка,

Глаза-те у Митрия,
Как два ясные сокола;
А брови-те у Митрия,
Как два черные соболя.
— Как ваш ли то Митрий-князь,
Как сова заозерская,
Как кутыря боярская,
Да голова-то у Митрия,
Как котел пивоваренный,
Глаза-те у Митрия,
Как две кошки серые,
А брови-те у Митрия,
Как две собаки бурластые.
Непослушалась Домнушка,
Не послушалась Фалилеевна.
Да не пошла на беседушку,
Не пошла на весёлую.
— Ты Авдотья, Авдотьюшка,
Ты Авдотья Михайловна,
Да собери-ка ты беседушку,
Да созови-ка суседушку,
Да и Домну, Домнушку,
Да Домну Фалилеевну.
Да третий посол послали
За Домной Фалилеевной.
Да тут пошла-пошла Домнушка,
Тут пошла Фалилеевна,
Да брала-брала Домнушка,
Да брала Фалилеевна
Да перво платье заручальное,
Да второ платье повенчальное,
Да третье платье умёршоё.
Брала два дружочка-приятеля,
Да два ножичка булатных,
Да как на первый ступень ступила —
Да открывались воротичка.
На второй ступень ступила —
Да открывались дверички.
Да на третий ступень ступила —
Становилися накрюки.
Тут и Митрий за столом стоит
Да наливает зелено вино,

Да наливает он хмельно пиво:
— Да ты прими-прими, Домнушка,
Да прими, Фалилеевна,
Да от кутыря боярский,
Да от совы заозерския,
Да от котла пивоваренного,
От кошки от серыя,
От собаки бурластыя.
— Отпусти меня, Митрий-князь,
Отпусти меня, Михайлович,
Ко родителям на могилочку,
Попросить благословеньица.
Там накололась Фалилеевна
На три ножичка булатныя.

3. МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВНА

Загулял молодец из орды в орду,
А из орды-то он в орду да к королю в Литву,
А к тому-то королю да славношведскому.
Королю-то я служил да ровно тридцать лет,
А с прекрасной королевой живу пятнадцать лет.
И ниhto про то не знае и не ведае.
Вот проходит молодец да на царёв кабак,
Уговариват прекрасна да королевишна:
— Не ходи-ко, молодец, да на царёв кабак,
Ты не пей-ко, молодец, да зелена вина,
А зеленого-то вина да водки горькия,
А не фастай, молодец, да королёвым житьём,
Да королёвым-то житьём да его дочерью,
Что прекрасной Настасьей да Королевичной.
Не послушался молодец приказу королевина,
Пошёл-то молодец да на царёв кабак,
Напился молодец да зелена вина,
Зеленого-то вина да водки горькия,
Расфастался-то молодец да королёвым житьём,
А королёвым-то житьём да его дочерью,
А прекрасной Настасьей да Королевичной,
И ниhto про то не знае и не ведае.
Доносились эти вести да к королю в Литву,
А ко тому-то королю да славношведскому,
Вот приказал-то король да немилостливым:
— Палачи вы палачи да немилостливые,

Да возьмите-ко молодца да за белы руки,
А ведите-ко молодца да в полюшко Куликово,
А положите-ко на плашку на липову,
А срубите-ко да ему буйну голову!
Вот пришли палачи да немилостливые,
Вот взяли молодца да за белы руки,
Вот тут запел-то молодец да своим голосом:
— А не ведите-ко меня, молодца, дак позади дворца,
А вы ведите-ко посередин дворца,
А я спою тут вам песню да новую!
Повели тут молодца попереди дворца,
Вот запел молодец да песню новую:
— Королё-то я служил тридцать лет,
А с прекрасной королевичной жил пятнадцать лет,
А приупито было здесь да приугулено,
В красе-хороше-то было да приусежено,
Из одной-то мы чары да водку кушали,
А одним-то мы пряничком да закусывали.
Тут услышала Настасья Королевична,
Она выбросилась в окошко по поясу:
— Палачи вы, палачи да немилостливые,
Не водите вы молодца в поле Куликово,
Не ложите на плашку на липову,
Не рубите ему да буйну голову!
Не послушались палачи немилостливые,
Увели молодца в полюшко в Куликово,
Положили его на плашку на липову
И отрубили ему буйну голову.
Тут пришла Настасья Королевична
И положила свою буйну голову.
(Рядом с этим молодчиком!)
Вот доносились эти вести опять к королю в Литву,
А ко тому-то королю к славношведскому:
— Ах ты, чадо, мое чадо, да чадо милое,
Почему, чадо, да мне не объяснилось?
Я сводил бы вас да в Божью церкву,
Наложил бы на вас да золоты венцы!

4. МАТРОС СНАСТИТ КОРАБЛИ

Ой, да как на матушке,
Да на Неве-реке,

На Васильевском да славном острове,
Да как у пристани да корабельные
Да молодой матрос да корабли снастил,
Ой, молодой матрос корабли снастил,
Да из двенадцати да тонких парусов,
Тонких белых да полотняных.
Да из косящего да из окошечка,
Да из хрустального да из околёнки
Тут смотрела да красна девица.
Да посмотревши-то, да слово молвила:
— Да уж ты, душечка да молодой матрос,
Да ты зачем ранó да корабли снастишь?
— Уж да ранó я корабли снашу
Да по приказу я да генералову,
Да по приказу я да адмиралову.
Ой, красна девица да воду черпала,
Да взявши ведра с водой, да ко дому пошла.
Да из-под камушка, да камня белого,
Да из-под кустышка, куста ракитова,
Да не огонь горит, да не смола кипит,
Да что ль кипит сердце да молодецкое,
Да молодецкое да атаманскоё,
Да по одной душе да красной девице.
Ох, пришла весточка, что красна девица,
Что красна девица да немочна лежит.
После весточки да скоро грамотка,
Что красна девица уже представилась.
Да я пойду схожу да на конюший двор,
Да что ль не лучшего да я возьму коня,
Да что ль не лучшего, как птица быстрого.
Да как приеду я да к церкви Божией,
Да привяжу коня да к колоколенке,
Сам ударюся во сыру землю.
Да расступися ты, да мать - сыра земля,
Да стань-проснись-ко ты, да красна девица,
Да ты простись-ко со мной,
Да с добрым молодцом,
Ох, пробудись-проснись, красна девица,
Ох, ты простись-ко со мной,
Да с добрым молодцом.

5. ВО ПОЛЕ КОРЧМА

Во поле корчма, эй, во поле корчма,
Да корчма польская, эй, корчма польская,
Да королевская, ай, да королевская,
Что во той корчме, ой, во той корчме,
Девка сидит, да девица сидит,
Да три дружка у ней стоят, у ней стоят,
— Эй, почем да девица? Пей вина белого,
Белое вино, сладенький, сладенький медок,
Да сладенький медок,— первый дружок говорил,
Да деньгами манил, деньгами манил.
Ах, второй дружок говорил, дружок говорил:
— Пойдем-ка, девица, взамуж за меня, взамуж за меня.
Ой, третий дружок говорил:
— Да поедem, девица,
К нам на Тихий Дон, к нам на Тихий Дон,
Ой, да как у нас на Тихом Доне
Не ткут, не прядут, не ткут, не прядут,
Ой, не ткут, не прядут, оденно живут,
Оденно живут, ходят в ситцевых рубашках,
Ходят в ситцевых рубашках, в польских рукавах,
Ой, на слова девка сдалась, девка сдалась,
На Тихий Доник собралась, собралась,
Садилась девица коню на седло, на седло,
Повез молодец девицу во сыры бора,
Ой, во сыры бора, да во темны леса,
Эй, во темны леса, эй, к лесу подъезжал,
Эй, девушку снимал, ох, девицу снимал,
Да ножик доставал, ножик доставал,
Да вицу вырезал, вицу вырезал,
Да девку к сосны привязал, ой, к сосны привязал,
Огонь вырубал, огонь вырубал,
Да сосну поджигал, сосну поджигал,
Сосенка горела ярким огоньком,
Ярким огоньком, да девица кричала,
Да громким голосом, громким голосом,
Ой, первому дружку скричала:
— Отвяжи меня, отвяжи меня!
Ой, да второму дружку скричала:
— Да пожалей меня, ой, пожалей меня!
Третьему дружку скричала:

— Ты не мучь меня, ты не мучь меня!
Ой, да сосёнка-сосна сгорела
Да в черный уголек, в черный уголек -
Девушка истлела в белый, белый пепелок.
Ой, да первый дружок говорил:
— Да надо, ой, да сграбить пепелок.
Да, эх, второй дружок говорил:
— Эх, да пускай тут лежит.
Да, эх, третий дружок говорил:
— Надо на ветер спустить, надо на ветер спустить.
Молодка, молодка, да молоденькая,
С кем же ты, молодка, будешь спать, ночь ночевать?
— Буду спать една да без мила дружка,
Без мила дружка берет грусть-тоска,
Грусть-тоска меня берёт — далеко милый живет.

6. НАСИЛЬНЫЙ ПОСТРИГ

Батюшка с матушкой порасспорили
Над своей да над дочерью.
А батюшке надь за князя дочь отдать,
А матушке надь дочку в старицы постричь.
Дак батюшка пошёл, значит, к князю,
Батюшка пошёл за шестьдесят верст,
Матушка пошла за сто с чем-то верст —
Доченька ждала.
Матушка идёт — за собой старца ведёт,
А старец идёт — за собой стул несёт,
Стул несёт да со ножницами.
— Садись, садись, дитятко, на золотен стул.
Отсекем, родимая, по корень косы.
— Моли, моли, матушка,
Я батюшка дождусь.
— А дождися, родимая, во келье сидючись.
Садись, садись, дитятко, на золотен стул,
Отсекем, родимая, по корень косы.
Вот маленько-помаленьку вот и батюшка идёт,
А батюшка идёт, за собой князя ведет.
А князь-от идёт за собой венцы несёт.
А у дорожки стоит келейка.
— Да не моя ли там сидит да доченька,
Чьи таки кудёрышки,— говорит,— желтеньки лежат,

Не моей ли хоть доченьки острижена коса?
Князь молодой, воротись с Богом домой!

7. ЗЛЫЕ КОРЕНЬЯ

Размоло-о-одая цыганочка
Да по лужочкам гуляла,
Ой, по лазоревым гуляла,
Ой, по лазоревым гуляла,
Да зло кореньице ко́пала,
Да зло кореньице ко́пала.
Ой, накопала я коренье
Да на Дунай-речку пошла,
На Дунай-речку пошла,
Ой, на Дунай на речку быстру
Да на крутёнький бережок,
На крутёнький бережок.
Становилась правой ножкой
Да на дубовый новый плот,
На дубовый новый плот.
Она мыла зло коренье
Да бело-на́бело его,
Бело-на́бело его.
Ой, засушила зло коренье
Да сухо-насухо его,
Сухо-насухо его.
Ой, намолола зло коренье
Да мелко-намелко его,
Ой, наварила яду с медом
Да дружка в гости позвала,
Дружка в гости позвала.
Ой, что ль по первому свиданью
Да ста́кан рому налила,
Ста́кан рому налила.
Ой, выпей-выкушай, любезный,
Да ста́кан рому от меня,
Ста́кан рому от меня.
Ой, выпил-выкушал любезный
Да тяжелешенько вздохнул,
Тяжелешенько вздохнул.
— Ой, что ты чувствуешь, любезный,
Да на сердечке на своем,

На сердечке на своём?
— Ой, на моем ретивом сердце
Да ровно сто пудов лежит,
Ровно сто пудов лежит.
Ой, ты сумела, лиходейка,
Да яду с медом наварить,
Яду с медом наварить.
Ой, ты сумей-ко, чародейка,
Да мое тело схоронить,
Мое тело схоронить.
Ой, мое тело чисто-бело
Да лежит между трех дорог,
Лежит между трех дорог,
Ой, между Питерской, Московской
Да Ярославской столбовой.

8. КНЯЗЬ РОМАН ЖЕНУ ТЕРЯЛ

Во первом-то терему живет Роман-то князь,
Во втором терему живет Романова жена,
А во третьем терему живет Настасья Романовна.
Повалила ее маменька в темну ночку спать.
— Спи, мое дитя, Настасья Романовна,
Еще кто тебя будет по утру рано будить.
Тут вставала-то Настасья по утру сама,
Умывалась ключевой белой водой,
Утиралась тонким белым полотенцем.
Тут пошла Настя ко татеньке домой:
— Татенька-татенька, где же моя маменька,
Моя маменька Марья Андреевна?
— Как твоя-то маменька на пивоваренку пошла,
Да пиво хмельное смотреть, да пиво хмельное сливать.
Тут пошла наша Настасья на поваренку,
Поглядела-посмотрела на четыре стороны —
Еще нету её родной маменьки,
Родной маменьки Марьи Андреевны.
Тут пошла наша Настасья да ко татеньки.
— Татенька-татенька, где же моя маменька?
— Да твоя маменька в темный погреб пошла.
Как пошла наша Настасья в темный погреб,
Поглядела-посмотрела на четыре стороны —
Еще нету её родной маменьки.

Тут пошла наша Настасья да ко татеньки.
 — Татенька-татенька, где же моя маменька,
 Моя маменька Марья Андреевна?
 — Как твоя маменька во Божью церковь ушла
 Иконам поклониться, Богу помолиться.
 Тут пошла наша Настасьюшка во Божью церковь.
 Как навстречу Настасьюшке два волка бежат,
 Два волка спешат, два серых два волка.
 — Куда вы спешите, куда вы бежите?
 — Мы бежим, мы спешим да на похороны.
 Мы бежим, мы спешим горячу кровь лизать.
 Тут Роман жену убил, в чистом поле схоронил
 Да желтым песком зарыл, серый камень привалил.
 Как пошла наша Настасья ко татеньке домой.
 — Татенька-татенька, ты убил мою маменьку,
 Мою маменьку Марью Андреевну.
 — Ты не плачь, не плачь, Настенька, два золотых перстня
 куплю.
 — Мне не надо, мне не надо два золотых перстня,
 Мне надо, мне надо родна маменька моя,
 Да маменька Марья Андреевна.
 — Ты не плачь, не плачь, Настенька, две кунных шубки
 сошью.
 — Мне не надо, мне не надо две кунных шубки,
 А мне надо, а мне надо родна маменька моя,
 Да маменька Марья Андреевна.
 — Ты не плачь, не плачь, Настенька, молодую мать
 возьму.
 — Мне не надо, мне не надо молода мать,
 А мне надо, а мне надо родна маменька моя,
 Да маменька Марья Андреевна.
 То тебе она молода жена, а мне она лиха мачеха:
 По конец стола сидеть,
 На прошенные куски глядеть,
 Мелки крошки собирать.

9. КАЗАК ЖЕНУ ГУБИЛ

Я сижусь, сижусь да под окошечком,
 Я гляжу, гляжу да на Дунай-реку,
 А на Дунай-реки да бежат там волки,
 Волки серые да грудки белые.

— А вы куда, волки, да призадумали,
 Куда, серые, да призамыслили?
 — А мы бежим, бежим да ко колодецьку,
 Ко колодецьку да ко студеному,
 А там донской казак да он коней поит,
 Он коней поит да думу думает:
 — Нать жена убить да рано с вечера.
 А жена мужу да смолиласе:
 — Ты, донской казак да сударь-батюшко,
 Ты не бей меня да рано с вечера,
 А ты убей меня да со полуночи,
 Когда детушки да спать улягуца,
 По постелюшкам да пораскатыца.
 Сама старша дочь да пробудиласи,
 Поутру она да ранешенько:
 — Ты, донской казак да сударь-батюшко,
 Куда склал, девал нашу матушку?
 — Ваша матушка квасы цедит,
 А квасы цедит да гостей поит.
 Середня дочь да пробудиласи,
 За мать свою да похватиласи:
 — Ты, донской казак да сударь-батюшко,
 Куда склал, девал да нашу матушку?
 — Ваша матушка да она моеце,
 Да она моеце да румянице,
 Да ко обеденке соправляеце,
 Да в цветно платьице снаряжаеце.
 А меньшая дочь да пробудиласи,
 За матушку да похватиласи:
 — Ты, донской казак да сударь-батюшко,
 Куда склал, девал да нашу матушку?
 — Ваша матушка да коров доит,
 А коров доит да молоко цедит.
 Сидят гостюшки да по лавоцкам,
 Да по лавоцкам да по брусовым,
 А непоёные да некормлёные,
 А цветны платьица вися по стопоцкам,
 А белила да все по окошецкам,
 А коровы стоят недоёные,
 А молочко у их нецежёное.
 А порасплакались да малы детушки
 О своей родной да милой матушке.

— Ты не плачь, не плачь, да моя старша дочь,
Я срублю тебе да нову горенку.
Ты не плачь, не плачь, да моя средня дочь,
Я куплю, куплю да золотую цепь.
Ты не плачь, не плачь, да моя младша дочь,
А я найду, найду да нову мамыньку.
А говорит ему да старша доченька:
— Ты сгори, сгори, да нова горенка!
А говорит ему да средня доченька:
— Ты растай, растай, да золотая цепь!
А говорит ему да младша дочь:
— Ты умри, умри, да нова мамынька.
Ты восстань, восстань, да наша матушка!

10. КАЗАК ЖЕНУ ГУБИЛ (вариант)

Как у кустичка да было у ракитового,
Э, ох, у колодичка да было у студёного,
Э, ох, у колодичка да было у студёного.
О, там донской-то казак да молодец коня поил,
Молодец коня поил.
Не коня казак поил, да муж жену губил,
Муж жену губил.
Еще мужу-то жена да она покорилося,
Покорилося, э, ой.
В праву ноженьку да ёму поклонилася.
— Уж ты, муж, ты мой муж,
Молодец донской казак,
Ой, не губи-ко ты меня среди белого дня,
Среди белаго дня!
Ай, ой, погуби-ка меня да около полуночи,
Около полуночи.
Ой, когда деточки да спать-то повалятся,
Спать повалятся, э,
Ой, дорóги-то мои по постелечкам раскатятся,
По постелечкам раскатятся.
Э, ой, поутру рано встают, да, по мамочке схватятся.
— Уж ты, папочка, а, ой, где же наша мамочка?
— Ваша мамочка, э, ой, сидит в новой горенке да.
Ой-то, белым-бело да она моется,
Хорошенечко да она снаряжается.

— Э, ох, уж ты врешь, ты врешь,
Да наш-то родной папочка!
Наша мамочка, э, ох, лёжит
Под колодою во сыром-то бору да,
Под колодою, да под дублёною* да.
— Вы не плачьте-ко, да мои милы деточки,
Я построю вам да нову горенку, ох,
Нову горенку.
Я возьму взамуж, да молодую мать.

11. КНЯЗЬ МИХАЙЛА

Как поехал князь Михайла
На грозну службу да велику,
Оставляё князь да Михайла
Дома маменьку да родиму,
Да княгиню да Катерину:
— Уж ты, маменька да родима,
Пой-корми мою княгиню,
Да княгиню Катерину.
Спать вали мою княгиню
В особливую спаленку,
Ты спускай мою княгиню
Ко Божьей церкви да великой.
Не успел же князь Михайла
С широка двора уехать,
Его маменька родима
Жарку баенку да топила,
Сер-горюч камень нажигала.
Позвала она да княгиню,
В жарку баенку да помыться.
Она была да безответна,
Завсегда была покорна,
Пошла в баенку да помыться.
Она валила эту княгиню
На дубовую на лавку,
Она клала да на утробу
Живо уголье да горячо,

* По объяснению исполнителя, "под деревом". (Собир.)

Выжигала она из утробы
Малогрешного да младеня.
Сыру дубову колоду выдолбляла.
Валила она эту княгину
Во сыру дубову колоду,
Отвозила она эту колоду
На синё море да Волынско*.
Ехал полем да князь Михайла,
Добрый конь его да потопнулся,
Востра сабля переломилась,
С головы шляпа-то свалилась:
— Верно, дома да нездорово,
Ох, в темнице да неладно,
Верно, маменька не можё,
Либо молода княгина,
Княгина да Катерина.
Как вернулся князь Михайла,
Со грозной службы великой:
— Уж ты, маменька родима,
Где-ка молода княгина?
— Твоя молода княгина,
Она горда стала да спеслива,
Всех она слуг да загоняла
Лошадей да подморила,
Ушла твоя княгина
В нову горницу да во светлу.
Тут кидался князь Михайла,
Не нашел своей княгины,
Княгины да Катерины.
— Уж ты, маменька родима,
Где же молода княгина?
— Ушла твоя княгина,
Ко Божьей церкви молиться,
Ко Божьей церкви да великой.
Тут кидался князь Михайла
Ко Божьей церкви великой,
Не нашел он своей княгины,
Княгины да Катерины.

* Вероятно, Хвалынское море — Каспийское. (Сост.)

— Уж ты, маменька да родима,
Где же молода княгина?
— Ушла твоя княгина
Ко синю морю умыться,
Ко синю морю да Волынску.
Тут кидался князь Михайла,
Ко синю морю Волынску,
Не нашел он свою княгину,
Княгину да Катерину.
Тут кидался князь Михайла
На три ножички булатны.
Его маменьки воздержали,
Его нянюшки да сдержали,
Всю правду да рассказали:
— Твоя маменька да родима
Жарку баенку истопила,
Сер-горюч камень нажигала.
Позвала она княгину
В жарку баенку да помыться.
Она валила эту княгину
На дубовую да на лавку,
Она клала да на утробу
Живо угольё-каменьё,
Выжигала из утробы
Малогрешного младеня.
Сыру дубову колоду выдолбляла,
Валила она эту княгину
Во сыру дубову колоду,
Отвозила она эту колоду
Во синё море да Волынско.
Тут брал он три невода шелковы,
Тут кидался на синё море Волынско.
Он первую тоню закинул —
Ничего в тоню не попало.
Он вторую тоню закинул —
Ничего в тоню не попало.
Он третью тоню закинул —
Вытянул сыру дубову колоду.
Он сколачивал с колоды
Трои обручи да железны,
Вынимал он да из колоды
Княгину да Катерину,

Да малогрешного младеня.
Тут кидался князь Михайла
На три ножичка булатны.
А его маменька да родима
Всё по бережку ходила,
Звонким голосом кричала:
— Грехов тяжку я согрешила,
Три души да погубила:
Перву душу да безответну,
Втору душу да безымянну,
Третью душицу да своего сына,
Своего сына да Михайлы.

12. РЯБИНКА

Ненавидела свекровушка своей снохи,
Посылала свекровушка свою сноху:
— Ай же ты, сношка, моя голубушка,
Ты поди-сходи во цисто полё,
Во цисто полё, полё широкое,
Да уж ты стань-ко там да край дороженьки,
Край дороженьки, да край широкой.
Да уж послушалась сноха свою свекровушку,
Да уж сходила-то она да во цисто полё,
Да стала она да край дороженьки,
Край дороженьки, да край широкой,
Да обернулась она-от рябинушкой,
А рябинушкой да кудреватою.
Да тут поехал-то да той дороженькой,
Да ехал дороженькой да добрый молодец,
А добрый молодец, сын одинакий,
И эта-то рябинка-то да поклонилась,
И что вершиночкой да до сырой земли.
И удивился тут да добрый молодец,
Да он ехал дороженькой, да широкою,
Приежат домой да к своей матушке:
— Ай же, моя матушка родимая,
И где-ка-то — да молода жена?
— Молода жена пошла к матушке,
Ушла к матушке, да ушла к батюшку.
— Ай же, моя матушка родимая,

И где я ни бывал, да где ни ежживал,
И не видал такого чуда цюдного,
И не видал такого дива дивного,
И что во нашем да во цистом поле
Да стояла рябинка кудреватая,
Край дороженьки да край широкой,
И эта-то рябинка мне поклонилася,
И что вершиноцькой, что до сырой земли.
— Ай же, сын да одинакий,
Ты возьми-ко, возьми саблю вострую,
Да ты послушай-ко да рѳдну матушку,
Да ты сходи, ссеки ту рябинушку,
Ту рябинушку да кудреватую.
И тут послушал-то добрый молодец,
И взял он саблю да и вострую,
И пошѳл-то он да по дороженьке,
По дороженьке, да по широкой,
Да к этой ко рябинке кудреватой.
И это-то рябинка-то да поклониласе,
Да что вершиночкой да до сырой земли,
Что говорила ѳна ему да голосом,
Да голосом да циловицким:
— Не секи меня, да добрый молодец.
Не послушал, стал да сиче рябинушку.
Из рябинушки руда пошла,
А руда пошла да как руцья шумя.
Расколѳл-то взял эту рябинушку,
А во рябинушке да два младенчика,
По коленушкам да ножки в золоте,
А по локотцикам да руцки в серебре,
Да во лбу у их да красно солнышко,
Да во косицушках да мелки звѳздки,
А во затылоцках да светлы месяцы.
Дак вот приходит сын да к родной матушке:
— Уж не мать моя, а ты злодеюшка,
Разлуцила ты меня да с молодой женой,
С молодой женой, женой-хозяюшкой,
Да погубил-то я сам двух младенчиков,
Да по коленушкам да ножки в золоте,
А по локотцикам да руцки в серебре,
Что во лбах у них да красно солнышко,

Во косицушках да мелки звёздочки,
А во затылоцках да светлые месяцы.
Да не мать ты будешь — змея лютая.

13. КНЯЗЬ И СТАРИЦЫ

Так женился-то князь да двенадцати лет,
Да уж он брал-то княгиню да девяти годов,
Да он уж жил со княгиней ровно три года,
Да ровно три-то года да год и три месяца.
Дак на четвертый-от год да князь гулять ушел,
Да заходил тут ведь князь да во конюшню,
Выбирал да себе он коня самолучшего,
Дак тут уехал-то князь на три годика,
Дак он оставил тут свою княгинушку,
Да все княгинушку да Катеринушку,
Да оставил пяла да шитые золотом.
Да не столько жила да плакала,
Да князя-то домой да дожидалася.
Да пришло-то тут да к ей да две-то странницы,
Да тут две странницы да две монашины,
Дак она не дала-то ведь им да кой-чего она,
Да все боялase-то своёго князя она.
Дак вот пошли-то ведь эти странницы,
Да две странницы да две монашины,
Дак приедет тут князь да на своем коне,
Дак он спросил-то у их:
— Дак уж вы, странницы, вы, да две монашины,
Да откули идете да попадаете?
Дак уж вы были-то вы да на моем двори,
Да на моем-то двори да на княжеском-то,
Да на княжеском двори на Катеринином,
Да как живет-то ведь там моя княгинушка,
Да княгинушка да Катеринушка?
— Дак во сени ты зайдешь да тут пяла стоят,
Да стоят-то пяла да переломаны,
В терем-то зайдешь да голубель* висит,
Да голубель-то висит, она качается —

* Вероятно, колыбель. (Сост.)

Да князя-то домой не дожидается.
Да во конюшню зайдёшь, да там кони стоят,
Да стоят-то кони да по колен воды,
Да и пьют-то кони воду назёмную,
Да едят-то кони сено нешёлково.
Да поехал тут князь да к своему двору,
Да ко своему-то двору да ко княгинскому,
Да по княгинскому да Катеринскому.
Да вышла встречать его княгинушка,
Да всё княгинушка да Катеринушка,
Да в одной беленькой рубашечке,
Да в одних беленьких чулочиков без башмачков,
Дак он сказнил-то у ей да по плечи голову.
Да во сени-то зайдёшь, дак тут и пята стоят,
Да стоят-то пята да не изломаны,
Да не столько-то шито — сколько плакано,
Да князя-то домой да всё дождано.
Дак во терем-то зайдёшь, да голубели нет,
Да голубели-то нет, да не качается,
Да князя-то домой всё дожидается.
Да все ключи да замки да не поломаны,
Да все напитокочки да неиспитые,
Да золота-то казна да не подёржана.
Да во конюшню зайдёшь, да там кони стоят,
Дак стоят-то кони да по колен в сене,
Да едят-то кони сено шелковое,
Да пьют-то кони воду ключевую.
Дак выбирал-то тут князь да коня лучшего,
Да поехал-то он да за странницами,
Этих странниц он да всё монашиц.
— Дак уж вы, странницы да две монашицы,
Да чего-то вы да всё наврали мне,
Да не знаете, где да живая вода?
Оживить-то мне всё свою княгинушку,
Да всё княгинушку да Катеринушку.
Дак он сказнил-то у их да по плеч головы.

14. ОКЛЕВЕТАННАЯ ЖЕНА

Написала сыну мать
В Петенбург письмо:
"Ой, приезжай-ка, сын,

Ненадолочко, ненадолго,
На три месяца.
Что твоя жена
За гульбой пошла,
За такой она гульбой
В зелен сад гулять,
В зелёном саду гуляла,
Она сына родила,
Она сына родила,
Да ясна сокола.
За рожденье отдала
Да пятьдесят рублей,
За крестины отдала
Ровно сотенку,
Кумовьёв-то назвала
Своих прежних дружков,
Она кумушек,
Прежних любушек.
Приезжает сын домой
Ко черлёному крыльцу,
Ко перёному крыльцу,
К золотому кольцу.
Да навстречу ему
Молодая жена,
Она в беленькой рубашечке
Без поясика,
Она в тоненьких чулочках
Без башмачиков.
Он вымал-повымал
Саблю вострую,
Он срубил, срубил
Жене голову.
Покатилась голова
Мужу под руки.
Он на лесенку взошёл
Да призадумался,
На крылечко зашёл
Да призаплакался,
Он в сенечки вошёл —
Да лежит прялочка,
Да моей жены
Да рукодельице,

Он во горенку вошёл,
Да висит люлечка,
А во люлечке
Лежит юношек.
По неделькам рассчитал:
Да сын родной.
Он во комнату вошёл —
Сидит злая мать.
— Да злая мать
Сгубила меня и моё дитя.

15. ФЕДОР И МАРФА

У Маркуши сын Федюшка, да ехи,
У Федюшки жена Марфа, да ехи.
У них три гостыи гостило, да ехи:
Перва гостыя Федосья, да ехи,
Втора гостыя Дунька Ермакова, да ехи,
Третья — Машка Башмакова, да ехи.
Они подолгу гостили, да ехи,
Они помалу направили, да ехи.
Хошь и прями, не мотали, да ехи,
За воротами простояли, да ехи,
Все с Федюшкой прошептались, да ехи.
(А Марфа как-то у матери оказалась).
— Посмотрите-ко в окошко, да ехи,
Что собаки-те лают, да ехи.
Там не Федор ли едет, да ехи?
Не успела Марфа молвить, да ехи,
Федор в избу заходит, да ехи,
Не крестилсе, не молилсе, да ехи,
К своей теще обратился, да ехи:
— Ты поедешь, Марфа, к дому, да ехи,
У нас дома-ти неладно, да ехи,
Родна маменька не может, да ехи,
Марфа стала ко шесточку, да ехи,
Ручки склала ко сердечку, да ехи:
— Спроводи, мама, до поля, да ехи,
Спроводи до другого, да ехи,
А на третьем чистом поле, да ехи,
Разостаночки приходят, да ехи,
Разостаночки на веки, да ехи (приехали домой).

— Истопи-ка, Марфа, баню, да ехи,
Не жаркую, не паркую, да ехи,
Перелетными дровами, да ехи.
Принеси, Марфа, рубашку, да ехи,
Не толстую, не тонкую, да ехи,
По подолу полотнянка, да ехи,
Все по заперстью коклюшки, да ехи —
Ручки-ножки на порожки, да ехи,
Голова по-под лавкой, да ехи,
Федор в город поехал, да ехи,
А навстречу Марфин дядя, да ехи:
— Ты куда, Федор, поехал, да ехи?
— В город мясом торговати, да ехи.
— Покажи-ка, Федор, мясо, да ехи.
— У меня мясо неказисто, да ехи,
Неказисто, небасисто, да ехи.
— Ты ведь что, Федор, наделал, да ехи,
Ты ведь Марфу зарезал, да ехи.
Тут ведь Федора схватили, да ехи,
Ручки-ножки связали, да ехи,
Во тюрьмушку сослали, да ехи.

16. МУЖ-СОЛДАТ В ГОСТЯХ У ЖЕНЫ

Мимо Питера, мимо Москву
Солдаты проходили,
Во деревенку они заходили,
Во деревни солдаты становились,
Под окошечком они колотились,
Ночевать-то у вдовушки просились:
— Ты пусти, вдовушка-вдова, ночевати,
Ночевати — солдатам постояти.
Нас, солдатиков, да немножко,
Ой, полтораста нас было пешеходов,
Ой, полтретьяста было всё на конях,
Всё на коньчиках, да на серых,
Всё на сереньких, да во сёдлах;
Вышла вдовушка-вдова на крылечко,
Да как спромолвила вдова словечко:
— У меня домик, домик нестоялой,

Да нестоялой, домик проезжалой,
Ой, негостиной, мой домик нелюбимой,
Фатерушечка у меня небольшая,
Задня горенка была холодная,
В новой клети у меня малы дети.
Гости силушкой-силой ворвалисе,
Ой, в фатерушечку оне забралисе,
Да все гости сели по лавкам,
Ой, все гости сели по порядкам;
Ой, один гость-то сел повыше,
Сел он повыше, большой гость,
Сел он в большой угол,
Да сел он под окошко,
Ой, под колодно сел он под холодно.
Стала вдовушка-вдова ко печке,
Ко кирпичному вдова шёсточку,
Ну, прижала вдова-то ручки к сердечку,
Как большой гость да спромолвил:
— Ты давно ле, вдовушка, вдовеешь,
Ты давно ле, вдова, сиротеешь?
— Да я вдовею-то годов двадцать,
Сиротею-то да лет семнадцать.
— У тя много ле, вдовушка, деток?
— У мене деточек да немножко,
Един сынок да една дочка,
Ой, сына надо бы мне женити,
Дочку мне надобно взамуж давати.
— Ой, подойди-ко ты, вдовушка, поближе,
Ой, поклонисе, вдовушка, пониже,
Ты сними-ко с меня кивер,
Есть во кивере там платочек,
Во платочке есть там узелочек,
В узелочке есть злачен перстень.
Ты не тем ли, вдовушка, венчалась,
Ой, не тем ли, вдова, обручалась?
Да тут вдовушка-вдова догадалась,
За белу шею его имала,
В уста сахарны вдова целовала;
Ой, по сенечкам вдовушка побежала,
Ой, она своих-то деточек будила:
— Ой, вы вставайте, мои милы детки,

Ой, родной батюшка ваш приехал.
— Не со сна ли ты, мати, да сдревила?
Где наш батюшка?
Видом не видати,
Нам его слыхом не слыхати.

17. БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Жила-была вдова Олисафия,
И что у той вдовы благочестивой
Было девять сынов да ясных соколов,
А во десятый была да дочь любимая,
Дочь любимая была да Олисафия.
Отдала ее матушка за синё море,
За синё море да за Моренина.
Девять годиков жила да не стоснулася,
А во десятой-то годик стосковалася.
Стала звать мужа Моренина:
— Ты пойдем, пойдем, муж Моренин мой,
Да к родной маменьке на повиданьице,
А к родным братьям на гостибище.
Они шли да пошли путем-дороженькой,
А им ведь встретилось да девять разбойников,
А и девять разбойников да и путь-дороженька.
— Моего мужа Моренина да в море вверзнули,
А меня-то, Моряночку, да во полон взяли.
И все разбойницьки спать повалилися,
Один разбойничек да молоденький,
Ен не спит — лежит да и думу думает,
Думу думает да и стал выпрашивать:
— И ты скажи-скажи и ты, Моряночка,
Уж ты чьей земли и чьей орды,
Ты цьего отца, цьею матери?
— Уж я той земли да я той орды,
Я того отца да той матери.
Все разбойницьки да пробуждалися
И за сосновые за рогатоцьки захваталися:
— В море вверзили да зятя любимого,
А во полон взяли да сестру родимую.
И доставали Моренина да трое сутоцьки
И не могли достать души из бела тела.

18. ЖЕНА РАЗБОЙНИКА

Талань моя, талань, участь горькая, (2)
Да на роду таланью писана, (2)
Да жеребью талань выпала, (2)
Выпала со делу доставаласе, (2)
Да ты со младости до старости, (2)
Да до седого белого волоса, (2)
Да до самой гробовой доски. (2)
Да во лесу ли лесу не было, (2)
Да во миру ли людей не было, (2)
Да женихов ли на девках не было? (2)
Да женихи были хорошие, (2)
Да сватовья были богатые, (2)
Да еще первы были сватовья, (2)
Из-за Питер молоды купцы. (2)
Еще вторы были сватовья, (2)
Да были сельски заседатели. (2)
Да еще третьи были сватовья, (2)
Да были воры да разбойнички, (2)
Да все ночные подорожнички. (2)
Да вздумал-выдал меня батюшка, (2)
Да все за вора да разбойничка, (2)
Да за ночного подорожничка. (2)
Да он со вечера коня седлал, (2)
Со полуночи в разбой поезжал, (2)
Да ко белу свету домой приезжал, (2)
Да он ко утренней ко зорюшке. (2)
— Да открывай, жена, воротечка, (2)
Да запускай мужа-разбойничка, (2)
Да убирай платье кровяное, (2)
Уж ты мой, жена, рубашечки, (2)
Уж ты мой да не разглядывай, (2)
Да полощи да не рассматривай, (2)
— Да уж я мыла да разглядывала, (2)
Да я уж полоскала да рассматривала: (2)
Еще первая да рубашечка — моего отца-родителя, (2)
Еще втора-то рубашечка — моего брата родимого, (2)
Да еще третья рубашечка — моего дружка любезного. (2)

19. ДЕТИ ВДОВЫ

Старина сказать да старика связать,
Как друга-то сказать да со старухой.
Как жила вдова со корабельщиками
Ровно два-то года да год два месяца.
Тут сжилася вдова со бурлаками,
Со бурлаками да со матросами.
Прижила-то вдова да себе два сына,
Собе два-то сына, два ясна сокола,
Прибрала-то вдова да две дощеченки,
Две дощеченки да две дубовые,
Прибрала-то вдова да два гвоздёчика,
Два гвоздёчика да два булатные.
Прибрала-то вдова да две пеленочки,
Две пеленочки да две полотняные,
Прибрала-то вдова да два поясочка,
Два поясочка да два шелковые.
Со того-то стыда да вдовушка в лес пошла,
Вдова в лес пошла да ко синю морю,
Ко синю-то морю да ко солоному,
Пеленала вдова да своих деточек,
Своих деточек, своих сердеченых.
Ей пелена-то у ей да все шелковые,
Приговоры у ей да своим деточкам,
Своим деточкам, своим сердечным:
— Уж ты баюкай, да море синее,
Уж ты пой-корми, да поле чистое.
Тут молила она да Богородицу.
Сколотила она да две дощеченки,
Две дощеченки да две дубовые,
Тут валила она своих деточек,
Своих деточек, своих сердечных.
От синя-то моря да вдова в лес пошла,
Во темный-то да во дремучий,
Тут ходила вдова да ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет да все три месяца,
Не видала вдова да свету белого,
Свету белого да солнца красного,
Не едала вдова да хлеба белого,
Хлеба белого, хлеба пшеничного.
Тут во снах ли ей причудилосе,

Наяву ли вдовы да показалосе:
Не море шумит, да не корабль бежит,
Там шумит-шумит да море синее,
Там бежит-бежит да сам черён корабль,
Тут кричит вдова да зычным голосом,
Тут во всю она да буйну голову:
— Вы модельщицки да корабельщицки,
Если старые, да я замуж иду,
Если молодые, да я вам дочь даю.
— Уж ты чья, ты такая, да чья откулешна,
Да чьего-то роду, чьего племени?
Ты уж жила вдова да со бурлаками,
Со бурлаками да со матросами.
Уж матери наша да наша матушка,
Тут и не ходит-то мать за родных сынов,
Не дают сестер да за родных братьев!
— Уж вы, деточки мои сердечные,
Из чего да сам черён корабль?
— Из твоих вдова да из дощёченок.
Из твоих все, мать, из дубовые.
— Из чьего-то да мачты да паруса?
— Из твоих все, мать, да из пелёночек,
Из твоих все, мать, да из полотняных.

20. ПАЛАША

Как пошла наша Палаша
На колодец за водой.
Экой сукин сын Ванюша,
Он догадливый был. (2)
Наперед он забежал,
Под колодинкой лежал, (2)
Да все Палашку дожидал.
Он бил ее, трепал,
Все подбоями топтал,
Русу косу растрепал,
Да алу ленточку порвал.
Вот идет наша Палаша
От воды и без воды,
Несет порозные ведры.
А по вечеру Палаша

Разнеможилась.
Ко белу свету Палаша
Преставилась.
Колоколом затрясли —
Палашеньку повезли.
Колокольчиками звеняют —
Палашеньку хороняют.

21. ПРОПАЖА ДОЧЕРИ ВДОВЫ

У вдовушки да сделалась потерюшка, (2)
Да потерялась девушка,
Потерялась дома дочь —
Да потемнела в одну ночь.
Мать по дочери схватилась,
По всем горенкам носилась,
По всем горницам прошла,
Своей горницы не нашла.
Пошла-вышла на крыльцо,
Ей навстречу молодец:
— Ты не плачь-ко, вдовушка,
Да не горюй, голубушка,
Не пропала твоя дочь —
Увезёна во полночь,
Во полночь увезена,
Да по сенечкам ведена,
По сенечкам, по сеням.
Да во карету сажена, (2)
На шестерке везена (2)
Во Петровское село.
Во Петровском во селе
Стояла церковь на горе, (2)
Да повенчались там они.

22. МОЛОДЕЦ И РЕКА СМОРОДИНА

Что женили меня, молодого,
Рано взяли молодую жену,
А и взяли жену не по разуму.
От жены пришло приданого
Три чернённых корабля,
Ище перьвой корабь пришел —

У ней злата и серебра,
А второй-то ко́рабль пришел —
У ней чиста жемчуга,
А ище третий ко́рабль пришел —
Дорогого платья цветного.
А жена-то мне видь мо́лодцу
Не по уму, не по разуму.
Как пойду я с того горюшка
И зайду я во царев кабак,
Я напьюся зелена вина,
И куплю я три покупочки:
Ище перьвую покупочку —
Ворона́ коня настойчива,
А вторую-то покупочку —
Я ведь сбрую золочёную,
Ище третью покупочку —
Я седельшко черкесское.
Я поеду, добрый молодец,
Ко быстрой реке Смородинке.
— Ты здорово, быстрá река,
Мать черная Смородина,
А и есь ли по тебе, реченька,
Переходы есь узкие,
Переброды есь мелкие?
Отвечае быстрá река,
Мати черная Смородина:
— Ище нет по мне, по реченьке,
Переходов нет узких,
Перебродов нет мелких,
А и есь по мне, по реченьке,
Есть три мостика калиновых:
Я на первом мосту беру
Ворона́ коня настойчива,
А на другом мосту беру
Твою сбрую золоченую.
А на третьем мосту беру
Я тебя ли добра молодца.

23. НЕПРОСТИМЫЙ ГРЕХ

Как бранился-то молодец в чистом поле,
Да уж он брал-то дубравушку зеленую,

Да и дружки были да часты кудрушки,
Да и сватья была да сабля вострая,
Да тысяцкой был да его добрый конь.
Да оне все-то на пиру да напивались,
Да уж все-то на честном да прирасхвастались,
Да один на пиру сидит не пьет, не ест,
Дак он не пьет, он не ест, да сам не хвастает,
Да ему-то, молодцу, да худо можется,
Да ему долог век коротается,
Да ему смертное час да приближается,
Да только кается матушке — сырой земельке:
"Ты покаяй, покаяй, матушка — сыра земля,
У меня есть-то на душе, есть три тяжка грешка,
Да три тяжка-то есть грешка, да три великие".
Да первой-от ведь хвастал он добрым конем,
Да другой-от ведь хвастал он золотой казной,
Да третий-от ведь хвастал молодой женой,
Да безумной-от хвастал он родной сестрой.
Дак один на пиру сидит не пьет, не ест,
Да он не пьет, он не ест, да все не хвастает,
Дак только кается матушке — сырой земели:
"Да первой-от на души да великий тяжкий грех:
Дак я бранил так отца да с родной матерью.
Дак другой на душе да великий тяжкий грех:
Да уж я жил со кумой, жил со крестовою,
Да уж мы прижили с ней да млада отрока.
Третий на души да велик тяжкий грех:
Дак убил в поле гостя торгового,
Да своего-то я брателка крестового,
Да окрованил его да платье цветное,
Да погубил целованьице крестовое,
Да окрованил я матушку — сыру землю,
Дак ты покаяй, покаяй, матушка — сыра земля".
"Да во первом-то греху дак тебя Бог простит,
Дак бранил-то отца да с родной матерью,
Да тогда ты ведь, молодец, глупой был,
Да уж ты глупой-то был, да неразумный слыл.
Да во втором-то греху тебя Господь простит,
Дак уж ты жил со кумой, жил со крестовою,
Да уж вы прижили с ней да млада отрока,
Дак тогда-то ты был молодец и холостой был,
Дак уж ты холостой был да неженатый слыл.

Да во третьем-то греху я не могу простить,
Дак ты убил в поле гостя торгового,
Да своего ведь брателка крестового,
Дак окрованил его да платье цветное,
Да ты погубил целованьице крестовое,
Да окрованил ты матушку — сыру землю".

Духовные стихи

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Архив кафедры фольклора Московского университета располагает весьма богатой коллекцией духовных стихов разных жанровых типов (эпического, лирического и литературного склада). В публикуемой подборке представлены "старшие" эпические стихи из разных тематических групп, которые охватывают персонажей из Ветхого и Нового заветов, змееборцев, мучеников, подвижников, праведников и грешников, а также включают назидательные стихи и завершаются стихом о кончине мира и Страшном Суде.

1. ПРЕКРАСНЫЙ ОСИП

Вот жил Прекрасный Осип,
На трапезу хлеб-соль приносил он,
И Божью помощь братьям подавае,
А Божьей помощи братья не принимали,
И на Осипа зубами воскрыпали,
И хотят они Осипа убить,
У глубокой ров его зарыти.
Вот взмолился Прекрасный им Осип:
— Вот вы, большая и меньшая братья,
Не предайте напрасной мне смерти,
Не пролейте безвинной мне крови,
А продайте меня вы во цену
И получите корысь с меня большую!
Ну вот на ту самую пору, на то времечко
Едут купцы и купцы-египтяна,
Вот и стали братья Осипа продавати,
Вот и стали купцы Осипа торговати,
Вот и продали Прекрасного Осипа
И получили корысь с него большую.
Вот поехали по синему морю,
Вот взмолился Прекрасный Осип:
— Купцы вы, купцы вы, египтяна,
Вы спустите меня вы на гору,

На гору спустите на Сионскую,
Вы к моей меня маменьке Рахриды,
Вы проститься у ей, благословиться!
— Вот уж мать моя, маменька Рахрида,
Ты пошто меня на белый свет родила,
Большую красу в меня вложила?
Не замогу я в Египте том жити,
Не замогу я египтянам служить.
Вот услышали купцы, купцы-египтяна,
Привели его к синему морю,
Вот поехали в Египетскую землю,
Вот и едут путем они дорогою,
И стали купцы Осипа делити,
Вот никак не могли разделить,
Вот и хочут они Осипа убить,
Вот взмолился Прекрасный Осип:
— Не предайте напрасной мне смерти,
Не пролейте безвинной моей крови,
Я буду служить вам помесечно,
А если так-то вам будет неужодно,
Я буду служить вам пополгодно.
А если так-то вам будет неужодно,
Я буду служить вам погодно.
Вот привезли его в Египетскую землю,
Удивился народ фараонский
Такою красы неписаной...

2. СОН БОГОРОДИЦЫ

Пресвятая Мати Божья Богородица
Спала во святом граде Вифлееме Иудейском.
И придет к ней Господь наш Иисус Христос,
Иисус Христос, Сын Божий,
И рече ей: "О, Мати моя возлюбленная,
Пресвятая Богородица!
Спала ты в святом граде Вифлееме
И что во сне видела?"
И рече ему Мати Пресвятая Божья Богородица:
"О, Сын мой возлюбленный!
Сыне, сладчайшее чадо мое, Иисусе Христе!
Видела сон я велик, страшен и ужасен.
Я как бы тебя, Господа Бога моего,

У жидов пойман, связан
И приведен к Понтийскому Пилату, игемону,
И на древе кипарисном распят,
Руци и нози ко кресту гвоздями пригвоздили
И тернов венец на главу твою святую возложили,
И уста желчью наполнились.
И по главе твоей ясной тростью бито,
И в пресвятыя твои пречистые очи плевали,
И пресвятыя твои пречистые ребра копьем пробиты,
А из ребер твоих святых пошла кровь и вода
На исцеление всем православным христианам.
И Никодим старец, сняв тело святое со креста,
А благообразный Иосиф новой плащаницей чистою обвил,
И во гроб положен был,
И закрыт камнем великим.
И в третий день воскресенья, из мертвых восстав,
Всему миру живот даровав вечный,
Разодрав рукописанье Адамово.
И рече ей Иисус Христос, наш Сын Божий:
"О, Мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица!
Все воистину, весь твой сон праведен".
Всегда во имя и присно, и во веки веков. Аминь.

3. ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТА

На шестой было недели да Вознесения
Вознёсся еще Иисус Христос на небеса
Со всеми со ангелами, архангелами,
Со всеми херувимами да серафимами.
Тут восплачут все нищие-убогие,
Возрыдают тут вдовы и сироты:
"Вы не плачьте-ко, вдовы и сироты,
Не рыдайте-ко, нищи и убоги.
Я оставлю вам гору золотую,
Я оставлю вам реку да медовую,
Я оставлю вам сады да с виноградом".
Тут восплачут все нищи и убоги,
Возрыдают тут вдовы и сироты:
"Господи, не остави нам гору золотую,
Не остави нам реку да медовую,
Не остави нам сады да с виноградами.
Тут наедут купцы да бояре,

Отымут гору золотую,
От нас выпьют реку да медовую,
Овладеют сады да с виноградами,
На горах у нас будет убийство,
Во реках у нас будет утопство,
Во садах у нас будут мёртвы головы лежать,
А остави лучше нам свое Христово имя,
Уж мы будем ходить да Христа, Господи, вспоминать"
С той поры и стали просить Христа ради.

4. ЕГОРИЙ И ОЛИСАФИЯ

Стояло-то три царства, да три неверных,
А первое-то царство Содом-город,
А другое-то да Угомор-город,
А и третье-то царство Рахлинское,
А Содом, Угомор срозь землю прошли,
А на то ли на царство на Рахлинское
А сослал Господь да змея лютого,
А змея лютого да ядовитого,
А на каждой-то день три головы берё,
А и две-то головы берё скотинныи,
А и третью-ту берё целовецеску.
А народу-ту в граде мало осталоси,
А скотинушки мало заводитси.
Собирались мужики да тут Рахлинские,
А метали-то они да с царем жеребья,
А кому идти да ко синю морю,
Ко синю морю да ко люту змею,
А ко люту змею да на съеденьице,
А и выпал жребий да самому царю,
Самому царю идти Огапиту,
А закручинился царь наш запечалился,
А говорила ему да тут царица-то:
"Не кручинься, царь, да не печалуйся,
А у нас-то ведь есть, кем замениться,
А у нас-то ведь есть да нелюбая дочь,
А не нашу-то она да веру веруе,
А не нашему она да Богу молится,
А ты поди-ко сходи к своей дочери,
А ты скажи-ко ей да таковы слова:
"А уж ты, доць моя, да ты любимая,

А ты какую-то веру веруешь,
А какому-то ведь Богу да молишься?
А я во ту землю тебе замуж отдам".
А тут-то Олисафия обрадела,
А всю-то ночь она да Богу молится.
А три лика Господни да напечятала,
А и первый лик — Егорью Храбромю,
А другой-то лик — Миколы да, ой, Можайскому,
А и третий-то лик — Святой Богородице.
Умывалась она белым-белешёнко,
Снаряжалась она да хорошоохонько,
Одевалась она цветно платьице,
Выходила девица да на широкий двор,
А и тут стоит каретушка дубовая,
А жеребчик подпряжен да неезжанный,
А и тут-то девица догадалась:
"А не в ту землю меня замуж везут,
А повезут меня да ко синю морю,
А ко синю морю да ко люту змею,
Ко люту змею на пожраньице,
Злу пещерскому да на съеденьице".
Поехали оны да ко синю морю,
А ко синю морю да ко люту змею,
Ко люту змею да на пожраньице,
Злу пещерскому да на съеденьице,
А сидит-то девица у синя моря,
А глядит-то девица на сине море,
А и вдруг-то отколь возмись добрый молодец,
И приехал он да на сером коне.
"А и как, Олисафия, сюда попала ты?"
"А попала я, да царь Огапит меня..."
Взял спустил он коня на Божью волю:
"А поищи-ко, девица, в буйной головы".
А сидит-то девица да ище в головы,
А и тут-то ведь добрый молодец уснул тута.
А сине-то морюшко сколубалось,
А люта-то змея стала появляться,
А тут добра молодца да не може да разбудиться:
"А ты вставай-ко, вставай, да добрый молодец!"
А никак-то не можно добудиться,
А ведь змея-то выходит на берег крутой,
А тут у девицы-то слезы да пали на лицо —

Обожгло-то Егория лицко белое,
А и тут-то Егорий да профатился.
"Ты ведь что, девица, долго не будила меня?
А ведь отпояшь-ко, девица, да свой шелковый пояс."
А и брал-то Егорий шелков пояс,
А и бил-то змея да по тучным ребрам:
"А уж ты, змей да ядовитый,
А и будь-ко ты смирен, да как скотинушка!"
А привязал змея да на шелков пояс,
А один конец дал Олисафии:
"А ты веди-ко, девица, на середи града,
А говори-ко, девица, таковы слова:
"Уж вы ведь мужицьки, да вы Рахлинские,
А и будете ведь вы да веру веровать,
А убью-то змея на середи града,
А не будете веровать веру Християнскую,
Дак спущу змею на Божью волю,
А съест она вас до единого,
И не оставит вас да на семена".
И тут-то мужицьки да все Рахлинские
Да стали веровать да веру Християнскую,
Да присекли змея на середи града,
А сожгли змея да пепел рассыпали.

5. ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ

Из того из царства Рахлимьского,
Что на то на царство веру Соленград,
Наезжал что неверный царь Кудреянише,
Он царише да Кудреянише.
Хоть он всех князей, бояр да повырубил,
Да молодых княгинь да во полон бросил.
Царь Федора он под мець склонил,
Он под мець склонил, голову срубил.
У царя-то осталось да цадо милоё,
Цадо милоё да свет Егорий Храбрый.
А повелел Егория-света муцита
Всякими муками да разнолицными,
Повелел Егорья топором рубить.
А топор-от Егорья не в добре берет,
А топор-от Егорья поломался весь,
Поломался весь, высыпался весь.

Еще тут Егорья Господь простил,
А Господь простил, Бог помиловал.
Приказал слугам, да слугам верным,
Как повелел-то Егорья пилой пилить.
Как начали Егорья пилой пилить,
А пила-то Егорья не в добре берёт,
А пила-от Егорья да поломаласи,
Поломаласи, вся высыпаласи.
Еще тут Егорья Господь простил,
А Господь простил, Бог миловал.
Приказал он своим слугам верным:
"Ох вы, слуги, слуги верные,
Отведите Егорья на синё морё,
На синё морё, на глубоку глубь,
Привяжите ко Егорью большой камень.
Привязали слуги большой камень,
Отводили Егорья на синё морё,
На синё морё, на глубоку глубь.
И кинули Егорья да во синё морё.
А вода-то Егорья не в добре берёт,
По воды Егорий как быв гоголь плывет.
Еще тут Егорья Господь простил,
А Господь простил, да Бог помиловал.
Приказал он слугам, да слугам верным,
Розжегти Егорью да печь халдейскую,
Печь халдейскую тут люта огня,
Да поставить Егорья посреди пыли,
Посреди пыли, посреди печи.
Разжигали слуги печь халдейскую,
Ставили Егорья посреди печи,
Посреди печи да посреди пыли,
Посреди пыли да горяции.
Еще тут Егорья Господь простил,
А Господь простил, Господь помиловал.
А стоит Егорий посреди пыли,
Посреди пыли, посреди печи,
И запел Егорий стихи да херувимские.
Вырастала под Егорьем мурава-трава,
Расцвели цветы да все лазуревы.
Еще тут Егорья Господь простил,
Да Господь простил, Господь помиловал.
А еще тому неверный все не верует:

Приказал он слугам, да слугам верным:
"Ох вы слуги, слуги мои верные,
Не подложностью ли вы огонь сделали?
Принесите-ко, слуги, сюда крепкий щит —
Мне испробовати да лютой огонь".
Приносили слуги к ёму крепкий щит,
Как поставил Егорий крепкий щит,
Взял он вынул руку по локтю,
Отхватило у царища огнем руку по локтю.
А еще тому он не веруёт,
Говорил Егорию да таковы слова:
"Ох ты свет, да свет Егорий Храбрый,
Да возьми-ко прирасти мне руку стару-ту,
А стару да по-старому.
Да по стару да руку по-прежнему.
Дак не буду я больше тебя муцить".
А свет-Егорий да Храбрый
Он на это да видно невозгодовал.
Взял прирастил царишу Кудреянишу,
Взял прирастил руку ту по локтю,
А стару-то да по-старому,
А по-старому да руку по-прежнему.
Говорил да неверный выговаривал,
Выговаривал он таковы слова:
"Ох вы слуги, да слуги верные,
А возьмите вы выкопайте колодцы глубокие,
Вы колодцы да сорока сажён.
Да поставьте-ко Егория в глубокий погреб.
Да задерните решётки железные,
Да заройте его песками жёлтыми,
Заваляйте его дубьём, колодьём.
А выкопали слуги глубокий погреб
И поставили Егорья в глубокой погреб,
Да задернули решётки железные,
И зарыли всем песочком жёлтым,
Заваляли дубьём, колодьём.
Говорил он Егорию таковы слова,
И говорил неверный Кудреянище:
"Не слышать Егорию пения церковного,
Пения церковного да звона колокольного,
Не бывать Егорию да на святой Руси".
А прошло-то время три года,

А показался Егорию за три часа.
Из того-то из циста поля широкого,
Выдували ветры, ветры сильные,
Ветры сильные, ветры могущи.
Из того-то из циста поля широкого
Прибежал к Егорию сударь — добрый конь,
Сударь — добрый конь со всей сбруею,
Со всей сбруею да лошадиною.
Да обседлан конь, да обуздан конь.
Да выходил Егорий на святую Русь.
Да садился Егорий на добра коня.
Да поехал Егорий сперва в пол-лесу,
А потом поехал выше дерева жарового,
Ниже он облака да он ходящего.
Да приезжал-то Егорий к сударь-матушке,
К сударь-матушке да во Рахлимьской град.
Посреди града стоит палата белокаменна.
Только жила его матушка
Благоверная, благоцистая,
Ой, матушка, царица благоверная.
Выходила да сударь-матушка,
Да Егория да сударь-матушка,
Выходила к Егорию на святую Русь.
Говорил да Егорий матушке:
"Ах, матушка, да моя родная,
А царица-та да благоверная,
Дай-ко мне да прощеньицё, да благословеньицё,
А ехать-то мне к царицу Кудреянищу,
Отмещать-отмыкать крови горячие,
Крови горячие, крови батюшковой".
"Ах ты, свет, ты Егорий Храбрый,
Цадо милоё, Егорий Храбрый,
У того-то царища Кудреянища
Круг-то царства Рахлимьского
Поставлены три заставы великие,
Тебе прямо ехать — не проехать,
Около ехать — не объехать.
Тут и пешему-то проходу нет,
Да черному ворону пролету нет,
Да и серому волку прорыску нет.
Первая застава да стоит великая,
Стоят леса, леса дремущие,

Лесы от земли до моря,
От востоку лесы до западу.
Тут и конному-то проходу нет,
Тут и пешему-то проходу нет,
Да черному врану пролету нет,
А и серому волку прорыску нет.
А стоит застава, стоит великая,
Стоят горы, горы высокие,
Горы от земли они до нёба.
Тут и конному-то проходу нет,
Тут и пешему-то проходу нет.
Да черному врану пролету нет,
А серому волку прорыску нет.
Третья застава стоит великая,
И того-то царства Рахлимьского
Овилась змея, змея лютая,
Змея лютая, змея пещерская.
У ей хвост, глава да в одном мести,
А из йона-то головы пламя огненно,
Пламя от земли да оно до нёба,
От востоку пламя до западу.
Тут и пешему-то проходу нет,
Тут и конному-то проезду нет,
Да черному врану пролету нет,
А и серому волку прорыску нет".
Как и выслушал Егорий таковы слова
У своей-то у родной-то у матушки,
Поехал Егорий сперва в пол-лесу,
А потом ниже дерева жарового,
Выше облака он ходящего.
Да приехал Егорий к первой заставе:
Стоят лесы, лесы дремущие,
Лесы от земли да лесы до нёбушка.
Говорит Егорий таковы слова:
"Порастройтесь-ко, лесы, пораздвиньтесь,
Да по всей да матушке — сырой земли,
Да по маленькой по деревиночке".
А Егория-то лесы послушались,
Порастроились да пораздвинулись
Да по матушке — уже сырой земли,
Да по маленькой по деревиночке.

Приезжал Егорий к другой заставе,
Стоят горы, горы высокие.
Горы от земли, горы до нёба,
От востока горы до запада,
Тут и пешему-то проходу нет,
Тут и конному проезду нет,
Тут и чёрному врану пролёту нет,
А и серому волку прорыску нет.
Говорил Егорий да таковы слова:
"Ох вы горы, да горы высокие,
Порастройтесь-ко, горы,
Пораздвиньтесь-ко".
Да по маленькой да по горушечке
И проехал Егорий втору заставу.
И приезжал Егорий к третьей заставе.
Круг того во царстве во Рахлимьском
Овилась змея, да змея лютая,
Змея лютая, змея пещерская.
У ей хвост да голова в одном мести,
А из головы маше пламя огненно,
Пламя огненно да от востоку до западу.
Говорил-то Егорий да таковы слова:
"Ах ты, змея, змея, змея ты лютая,
Змея ты лютая, змея пещерская,
Порастронься-ко, змея, да пораздвинься-ко,
Да по всей ты по матушке по сырой земле,
Да по маленькой по деревиночке".
А змея-то Егория послушалась —
Порастронуласи да пораздвинуласи.
Да проехал Егорий третью заставу,
Да заехал Егорий на широкий двор.
Как стоит посреди града палата-то,
А в этой палате да сидит да Кудреянише,
Говорил он Егорию таковы слова:
"Ох ты, свет, ты свет Егорий Храбрый,
Не попомни-ко, Егорий, ты прежняя зла,
А будь-то ты, Егорий, надо мной старшой брат,
Не оставь ты, Егорий, меня в лихих статьях".
А у Егория заблестала шашка вострая,
И сказнил он Кудрияну да головушку,
А головушку да он с могущих плеч.

6. АЛЕКСЕЙ, БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Что во славном во городе во Риме
У царя-то было да у царицы,
Дак и у князя-то Ефимьяна,
Да у княгини Аглаиды
Не было со младости детища.
Да стали они-то Господа молити:
"Да кабы, Господи, да дал нам едино чадо:
С молодости князю да на потеху,
А при старости-то князю да на призренье,
При последнѣй-то кончины да на помин души".
И по Божью повеленью на княженьѣ
Было да умиленье:
Дават им Бог сына ища.
Князь папу в дом свой приглашает,
А имя милостивым Алексеѣм называет.
В крещеную-то веру Алексея приводили
И чуден крест на Алексея наложили.
Вот и стал уж Алексей лет семи.
Князь-от Ефимьян позволил сына грамоты учить,
Скоро ему грамота далася,
Да стал ен сам рукописание писати,
А стало Алексею лет семнадцать,
Захотел тут князь сына женить,
Да не хотелось Алексею да во млада лета жениться,
Да надо воле отчей покориться.
Да иша вел ёму младу княгину Катерину,
Приводили их во Божию во церковь,
Там златыма-то их кольцами их обручали,
Да золотыма их венцами повенчали,
Да из Божьей из чаши они вино-то испивали,
Выходил Алексей, человек Божий, из церкви,
Да во свою-то белокаменну палату,
Да и ишо Богу молилсѣ.
Да за свят-то он за святую трапезу садилсѣ,
Хлеба-соли не вкушает,
Да и сладкого вина ён не выпивает,
И умылся-то он да горячима слезамы,
Вышел из трапезы да Богу-ту помолился,
С отцем да и со матерью простился.
Повели ёго во спальню да почивати,

Да и медовую ночку справляти.
Было время да два часа со полуночи,
Да все-ти гости пьяные уснули,
А одному лишь Алексею не спится,
Да задумал от молодой княгини да удалитце.
"На, возьми, млада княгина Катерина,
Шелковой пояс да со моим со злачёным перстнем,
Ты отпусти-ко меня Богу помолитца,
В молодые-те лета потрудитца."
И княгина против него-то умолчала,
Ни ответу ни привету не сказала.
Улилась горячими слёзами.
А ён, свет, на ето не взирает,
С себе свадебну одежду скидывает,
Одевает власяную да ризу,
Отправляется во дальнюю в пустыню,
Да и приходит ён ко синёму-то морю,
Да и садилса ён во маленькой кораблик,
И случиласе погода по пути,
А без работы унесло кораблик,
А принесло ёго ко городу Едесу.
Выходил Алексей, человек Божий, со кораблика,
Приходил ён во Божью во церковь,
По правую становился-то ён — ко перед паперти.
А утром князь да Ефимьян о сыне схватилсы,
И посланников князь да рассылает.
По всем по городам, по всем местам, по всем церквам
соборным.

Нигде ёго послы да не взыскали,
Приезжают ёны к городу Едесу
И заходят во Божью во церковь,
И нашли ёны его-то, да не узнали
И святую-то ему милостыню да подавали,
А ён-то, свет, принимает,
Да Господа Бога прославляёт.
А прожил Алексей, человек Божий, лет семнадцать —
Возгласит ёму глас с небеси:
"Поезжай ты в своё в Римское царство,
Ни отец тебя, ни мать не узнают,
Ни твоя мила княгина Катерина".
Вот пришел ён к синёму к морю,
Да и садилса опять в маленькой кораблик,

И случилася погода по пути,
Да без работы унесло кораблик,
А принёсло ёго под Римское царство.
И приходит Алексей, человек Божий,
В свою-то белокаменну палату.
А в ето время князь Ефимьяний
Идет из Божьей-то церкви,
Милостину князи да раздаваёт,
Своего сына любезного да поминаёт.
Алексей, человек-то Божий, низко поклонилси:
— Твоего-то сына я знаю, да именем сына называю.
Князь-то Ефимьяний за речи-то ёго да ухватился:
— Почёму ты сына знаёшь,
Да именём сына Алексея называёшь?
— Вместе я с ним грамоты училса,
И в один день я с ним женилса,
И в отдаленной стороне я с ним вместе Богу молилса.
Только ён на онный свет да удалилса,
Ты построй-ко мне, убогому, келью
Возле твоей-то белокаменной палаты,
Буду я в ней да поживати,
Да твоёго любезного сына поминати.
Князь-то Ефимьяний построил сыну келью
И дал ему младого келейника
Вода носить, келья топить,
Да и какие-те яства сам князь воскушает,
Да и какие пития-те да воспивает,
Те и труднику Божию да посылает,
А злые рабы были ёго-то,
Ничего-то они яства не доносят,
Блюда и посуду да омывают
И на келью Алексея поливают,
А ён-то, свет, на ето не взираёт,
Ешо с радостью ён нужды принимает.
Прожил Алексей-от, человек Божий, в келье
лет семнадцать,
Во кажинную неделю он исповедовалса,
Да и во каждую субботу причащалса.
И потом ён узнал свою тихую кончину,
Взял бумагу да чернила
И начал писать рукописанье.
И, написав рукописанье, да умер,

Ладаном запахло по всему по граду
И трижды является глас в небеси:
"Вы подите да ищите Алексея, человека Божия,
У Ефимьяна в келье".
Царь и патриарх-от да со всем чином
Да приходят оны к келье Алексея
И находят там тело мертво,
А в руках у него рукописанье,
И дали ёго дьякону читати,
Как ён родилса и как потом грамоты училса.
Вот узнал об этом князь Ефимьян, его батюшко,
Приходит ён в убогую во келью
И власы с главы своей срывает,
И умиленными словами причитает:
"Чего ради ты мне не сказалса,
Когда пришел из великой пустыни?
Ты бы мне раньше сказалса,
Я бы тебе построил келью не такую,
Да ишо не в таком б я тебе месте".
Да и узнала о том его маменька родима,
Идет к свету да сама плачёт,
Да умиленными словами причитает:
"Уж ты, мило моё чадо,
Чего ради ты мне раньше не сказалса,
Когда пришел из далекой из пустыни?
Кабы ты мне раньше, дитятко, сказался,
Я бы тебе бы в каждую неделю
Чистое бы бельё меняла,
И каки бы яства бы я вкушала,
Я тебе, милый сын, да посылала".
Вот младая княгина да узнала,
Идет к свету да сама плачёт
Умиленными словами причитаёт:
"Увы! О, увы, моря, реки и озёра,
Вы дайте-ко сегодняшним очам да слёзы,
Уж ты, милый, ты, нареченный мой жених,
Чего ты мне раньше не сказалса,
Когда пришел ты из далекой из пустыни?
Кабы ты мне раньше сказалса,
Я бы к тебе тайно ходила
И Господу бы Богу я с тобой вместе молилась,
И между нами был бы Святой Дух".

Во камыки* тут света положили,
И на онный ёго свет снарядили,
И понесли тогда света погрёбати,
Много народу да не допустят князя Ефимьяна
Подойти за любезным сыном,
Тут князь-от Ефимьян позволил казну-то рассыпати,
По всем-то по путям, по всем дорогам,
А мир на казну князя да не качнулса,
Ко святым-то мощам-то да прилепилса,
И дает Бог да исцеленьё,
Хромым — хожденьё, слепым — прозреньё,
Глухим — услышаньё, немым — язык.
Занесли-то света во церковь,
А житие-то Божье человека записали в книгу,
Ему слава да и дёржава,
Ему честь и поклоненьё
Ныне и присно, и во веки веков. Аминь!

7. ПЯТНИЦА И ПУСТЫННИК

Жил-был трудник во пустыне,
Ни руками, ни ногами не владеет,
Тут ему во сне Пятница явилась,
Тут сама Мать Пресвятая Богородица,
Что крестом раба Божья оградила,
Что свечою его осветила.
— Ты вставай, раб Божий, человече,
Ты поди-ка ко народу православному,
Ты скажи-ка женам, мужьям честным,
Чтобы по три дня в неделюшку постились,
И в воскресный день Богу молились,
По-матерному слову не бранились,
Матерное слово душу погубляет.
Вы, дети, родителей почитайте,
Родители, детей не пугайте,
Пожиловы детей не называйте,
Что жиды у Христа были проклятые,
Что жиды у Христа Бога изымали,
И на крест его приковали,
И святое лицо ему заплевали.
И пошли они прочь, взрадовались,
Во ладони, окаянные, заплескали.
Еще славим тебя, Христе Боже,
Великое имя есть Господне.

* Камышовый гроб, по объяснению исполнителя (Собир.)

8. О СВЯТОЙ ПУСТЫНЕ

— Ты, пустыня, пустыня,
Ты прекрасная святая,
Введи меня, пустыня,
Во небесное царство.
Тут спроговорит пустыня:
— Как у нас во пустыне
Нету сытного хлеба,
Как у нас во пустыне
Лежит одна гнилая колода,
Нам эта гнилая колода
Лучше сытного хлеба.
— Ты, пустыня, пустыня,
Ты прекрасная святая,
Воведи меня, пустыня,
Во небесное царство.
Тут спроговорит пустыня:
— Как у нас во пустыне
Нету сладкого меда,
Только есть у нас в пустыне
Одна гнилая колода —
Нам та гнилая колода
Лучше сладкого меда.
— Ты, пустыня, пустыня,
Ты прекрасная святая,
Воведи меня, пустыня,
Во небесное царство.
Как у нас во пустыне
Нету саду с виноградом,
Только есть у нас в пустыне
Одни темные леса —
Нам ведь темны леса
Лучше райского сада.
Налетят птицы царские,
Запоют песни райские.

9. ДВА ЛАЗАРЯ

Жило да было два брата родных,
Два брата родных, оба два Лазаря.
Первый брателко — богатый человек,
А другой-от брателка — убогий человек.
Пришел убогий ко брату своему:

— Брателка, брателка, ты ли мой родной,
Ты ли мой родной, отца-матери одной,
Ты ли меня, брателка, напой-накорми,
Ты ли меня, брателка, обуи и одень.
— Какой ты мне брат, да какой ты мне родной?
Есть у меня братья получше тебя,
Получше тебя, все князья и бояра.
Слуги мои, слуги, слуги верные мои,
Выпустите, слуги, слуги, злых кобелей:
Бывает ли что убогого не позорвут ли.
Выпустили слуги, слуги злых кобелей,
Кругом они убогого охаживали,
Маленькие раны зализывали,
А великие раны затыкивали.
И стал тут убогий и здрав, и здоров,
И вышел убогий во чисто поле гулять,
И закричал убогий громким голосом:
— Господи, Господи, Спас милостливый,
Пошли мне-ка, Господи, двух ангелов,
Двух ангелов, двух немилостливых:
Здесь моя душа и нацарствовалась,
Здесь моя душа здесь нанежилась.
Услышал Господь моление его,
Моление его и неложно от него,
Послал ему Господи двух ангелов,
Двух ангелов, двух же милостливых;
Вынимали душеньку честную из него,
Положили душеньку на пелену,
Понесли душеньку на небеса,
Отдали душу самому святу Христу.
Целует Христос эту душу во уста:
— Что же ты, душа, да душа, долго не была?
Вышел богатый во чисто поле гулять,
Закричал богатый зычным голосом:
— Господи, Господи, Спас милостливый,
Пошли мне-ка, Господи, двух ангелов,
Двух ангелов, двух же милостливых:
Здесь моя душа, душа настранствовалась,
Здесь моя душа, душа намучилась.
И услышал Господь моление его,
Моление его, ложно от него,
Послал ему Господь двух ангелов,

Двух ангелов, двух немилостливых.
Вынимали душу крюками и баграми,
Положили душу в огонь и во тьму,
Вызданули душу вельми высоко
И бросили душу в огонь и во тьму,
На ту на колесницу на огненную.
И увидал богатый брата своего,
Брата своего, Аврама, в раю.
— Брателко, брателко, ты ли мой родной,
Ты ли мой родной, отца-матери одной?
Укупни, брателка, мизенок воды,
Окропи, брателка, грешные уста,
Чтобы мои уста не запеклись в огне,
Чтобы мое сердце не лопнуло здесь.
— Ты ведь меня, брателко, братом не зывал,
Ты меня, брателко, не напоил-не накормил.
Теперь у меня, брателко, и воля не своя,
Между нами, брателко, преграда велика,
Воля не своя — воля-истина Христа.
— Сходи-ка, брателко, к детям моим на землю,
К детям-то моим, чтобы так не делали.

10. МИХАИЛ АРХАНГЕЛ

Ой да свет Михаил Архангел!
Он вышел на гору Синеокскую*,
Затрубил в трубу золотую:
— Вставайте, живы-мертвые, от гробушков!
Которые праведны души,
Да вставайте лицом ко Востоку.
Грешные души идут, плачут:
— Ой ты свет Михаил Архангел!
Отчего ты нас царств лишаешь,
Да небесного царства лишаешь?
— Да отойдите прочь, окаянные,
Да отойдите прочь, люди проклятые,
Да когда жили на большом свете,
Друг друга не любили,
Сосед соседа проводили,
Да нищего-убогого не любили,
Да вот за то вам мука вечная.

*Возможно, переосмысление или искажение названия горы-Сионская
(Сост.)

КОММЕНТАРИИ

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Основным ядром раздела являются балладные песни, сохранившиеся в Архангельской области лучше других эпических песенных жанров. Былины, исторические песни и духовные стихи представлены в небольшом количестве и отобраны с учетом максимально возможной полноты сюжетов. Они хранятся в архиве кафедры народного поэтического творчества МГУ и публикуются впервые. К каждому тексту даны комментарии и указано место его хранения в архиве кафедры: шифр ФЭ означает материалы научных экспедиций (в отличие от ФП — фольклорных практик), а цифровой код — страницу в тетради. В большинстве случаев указывается год записи, номера папки, тетради, текста. В паспортах в целях экономии места не указывается область, так как все публикуемые тексты записаны только в Архангельской области.

БЫЛИНЫ

1. Илья и Идолище. Зап. в д. Ручьевской Приозерного района от М. П. Елисеевой, 74 г., Г. Григорьевой и Б. Исадченко. 1962. П. 1. Т. 6. № 5. Л. 44—47.

По словам собирателей, М. П. запомнила былины от дяди, который умер в шестидесятилетнем возрасте в 1914 г. Он пел былины "складно, как стих". По словам М. П., в соседней деревне была книга, в которой было много стихов про богатырей, но она не знает, читал ли дядя эту книгу.

2. Илья и Нахвальщик. Зап. в д. Коровино Приозерного района от И. П. Артемьева Ю. Смирновым и Т. Ярембаш. В рукописи текст озаглавлен "Илья и Идолище".

1958. П. 3. Т. 13. № 103.

3. Три поездки Ильи Муромца. Зап. в с. Спирово Приозерного района от А. В. Кожевниковой, 65 л., С. Никитиной.

1962. П. 4. Т. 38. № 130. Л. 65.

Старины А. В. пела при участии сестры М. В. Кожевниковой, 70 л.

Слышали они их от матери, которая, как указывают собиратели, "читала в старинных книжках". Старины пела в их деревне старуха, когда они были детьми (про Микулу Селяниновича и Чурилу).

4. Добрынюшка. Зап. в д. Горы Приозерного района от А. И. Матюговой, 58 л., А. Грибановым и В. Велинской.

1958. П. 3. Т. 15. № 113. Л. 144.

Запись от А. И. близка к тексту ее матери Н. С. Абрамовой, которая пела былины Б. М. и Ю. М. Соколовым (Соколов - Чичеров, № 272—276).

В рукописи название "Добрыня и Маринка" (у Б. М. и Ю. М. Соколовых — Отъезд Добрыни"), что соответствует лишь одному из трех контаминированных сюжетов. В комментариях собирателей говорится, что А. И. пела "Добрынюшку".

5. Добрыня Никитич (Дюк Степанович). Зап. в д. Моталово Заонежского района от М. П. Рагозиной, 72 л., С. Гоголь и С. Ожеговой.

1956. П. 1. Т. 1. № 99.

М. П. переняла былины от своего отца, который знал около 40 былин.

6. Иван Гостиный сын. Зап. в д. Спицыно Приозерного района на Кенозере от Н. П. Сидоровой, 52 л., А. Грибановым и В. Велинской.

1958. П. 3. Т. 15. № 113.

Когда Н. П. рассказывала былины и сбивалась, ей помогал муж, от отца которого, И. Ф. Сидорова, записывали Б. М. и Ю. М. Соколовы в 1927 г. (Соколов — Чичеров, № 269—270).

7. Дунай Иванович. Зап. в д. Вронниковской Приозерного района от У. А. Красковой, 89 л., Н. Изрядновой и Ю. Смирновым.

1962. П. 1. Т. 1. № 34. Л. 77—78.

Былину У. А. слыхала на посиделках у старух, собиравшихся и певших за прятками.

8. Чурила и Катерина. Зап. в д. Поромское Приозерного района от А. М. Сивцева, 58 л., одного из потомков И. П. Сивцева, Ю. Смирновым и Ю. Новиковым. А. М. перянял былину от своего отца, М. А. Сивцева, умершего в 1943 г.

1959. П. 5. Т. 1. № 23. Л. 29—30.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Иван Грозный и сын. Зап. в д. Вранниковской Приозерного района от У. А. Красковой, 89 л., Н. Изрядновой, Ю. Смирновым.

1962. П. 1. Т. 1. № 39. Л. 105.

Существует несколько точек зрения на время сложения этой песни. С одной стороны, предполагают, что это отклик на убийство Иваном IV старшего сына Ивана в 1581 г. С другой, — что это изображение событий 60 — начала 70-х годов XVI в. (опричнина, карательные походы Грозного). Согласно третьей точке зрения, речь в песне идет о царе Иване Васильевиче III, на имя которого впоследствии наложилось имя Ивана IV.

События песни расходятся с историческим фактом убийства Иваном IV старшего сына: Грозный посылает на казнь младшего сына Федора, но Микита (Никита) Романович (брат жены царя) спасает царевича.

2. Кутузов призывает солдат победить французов. Зап. в 1976 г. в д. Кеба Лешуконского района от П. Е. Матвеевой, 68 л., Е. Бычковой, Н. Крыловой.

ФЭ 11:0608—0609.

В песне отражены события начала войны 1812 г.

3. Платов в гостях у француза. Зап. в 1975 г. в г. Мезени Мезенского района от Е. М. Дьячковой, 69 л., и Н. М. Сырковой, 58 л., Ю. Карпыч и И. Михалёвой.

ФЭ 10:4363—4367.

Наиболее популярный в народе сюжет, связанный с героем войны 1812 г. атаманом Платовым. Песня является полной версией, в которой, помимо основных персонажей, действует дочь француза, помогающая узнать Платова.

4. Смерть Александра I. Зап. в 1976 г. в д. Кеба Лешуконского района от М. К. Федуловой, 79 л., А. Кулагиной.

ФЭ 11:0600—0603.

Популярный сюжет песни, связанный с неожиданной кончиной царя в Таганроге (здесь искаженное Кандрог). Похоронная процессия, двигавшаяся из Таганрога через Харьков, Орел, Москву (которая тоже упоминается в нашем варианте), вызвала живейший интерес народа. На песню повлияла переработка переведенной в конце XVIII в. французской песенки "Мальбрук в поход собрался".

5. Поход в Польшу в 1831 г. Зап. в д. Гороховской Приозерного района от Н. М. Голубевой, 65 л., Т. Макашиной и Н. Фоминой. Несколько дефектных строк при подготовке текста к печати опущены.

1959. П. 1. Т. 4. № 92.

Традиционный сюжет о подготовке штурма крепости, приуроченный к взятию Варшавы в 1831 г. Русскими войсками командовал барон И. Дибич, а в песне — царевич Константин, популярный в солдатской среде великий князь Константин Павлович.

БАЛЛАДЫ

1. Василий и Софья. Зап. в д. Фатьяново Хотеновского с/с Каргопольского района от С. С. Сунгуровой, 57 л., А. Кулагиной. 1971. Колл. К. Т. 4. № 102.

Из записи собирателя: "Когда я попросила исполнить песню про Василия и Софью, С. С. никак не отреагировала. Но, когда я стала подробно рассказывать содержание, она не утерпела. Подошла к комнате сына и машинально плотно прикрыла дверь (забыв, что на днях проводила его в армию) и, переходя на шепот, сказала:

"Пока баб нет, я вам спою, а то они, боюсь, засмеют...". С. С. знает много духовных стихов с 14 лет. Букву "ч" С. С. произносит почти как "ц", что-то среднее между "ч" и "ц".

Сюжет этой баллады возник в глубокой древности и известен многим народам мира (мотив метаморфозы: переплетающихся ветвями растений на могилах погубленных влюбленных).

2. Дмитрий и Домна. Зап. в д. Ёркино Кушкопальского с/с Пинежского района от А. С. Порохиной, 68 л., Л. Падалко, Т. Шмелевой.

1971. П. 1. Т. 6. № 97.

Этот вариант является поздней редакцией сюжета, широко известного на Русском Севере, особенно на Пинеге.

3. Молодец и королевна. Зап. в д. Степановской (Устьпрыга) Приозерного района от А. Ф. Самойловой, 62 л., Ю. Смирновым, Н. Изрядновой.

1962. П. 1. Т. 3. № 5.

Публикуемый вариант принадлежит к ранним версиям, заканчивающимся трагически. В более поздних версиях королевна выкупает молодца у палачей (см.: Балашов, с. 83—90).

4. Матрос снастит корабли. Зап. в д. Поле Онежского района от Е. И. Первушиной, 68 л., Л. Заковоротной и С. Сердюк.

1965. П. 2. Т. 43. № 10.

По времени возникновения эту балладную песню можно отнести к эпохе Петра I.

5. Во поле корчма. Зап. в д. Шотогорка Шотогорского с/с Пинежского района от Е. М. Хариной, 64 л., М. Беловой и Е. Гиnodман.

1971. П. 1. Т. 12. № 36.

6. Насильный постриг. Зап. в д. Першлахта Коровинского с/с Плесецкого района от А. Н. Старицыной, 86 л., А. Кулагиной.

1970. Колл. К. Т. 3. № 133.

Баллада встречается преимущественно на Русском Севере. Неизвестно, по какой причине мать хочет постричь дочь в монахини. Хотя мать ходила за старцем дальше (за сто верст), отец, ходивший за женихом за шестьдесят верст, опаздывает, и дочь постригают в монахини.

7. Злые коренья. Зап. в д. Гора Сурского с/с Пинежского района от А. П. Филиной, 68 л., и П. В. Фофановой, 66 л., Г. Кривенковой и Т. Орловой.

1971. П. 1. Т. 27. № 153.

Баллады об отравлении известны у всех народов Европы. Обычно в роли отравительницы выступает девушка, обманутая любовником или отстаивающая свое право на свободу выбора любимого. В нашем варианте это цыганка.

8. Князь Роман жену терял. Зап. в д. Гора Сурского с/с Пи-

нежского района от А. П. Филиной, 68 л., и П. В. Фофановой, 66 л., Г. Кривенковой и Т. Орловой.

1971. П. 1. Т. 27. № 153.

Публикуемый вариант ближе всего к пинежскому варианту в сборнике Балашова (см.: Балашов, с. 73—75).

9. Казак жену губил. Зап. в д. Першлахта Коровинского с/с Плесецкого района от А. Н. Старицыной, 74 л., Ю. Смирновым.

1958. П. 3. Т. 5. № 12.

Самая популярная в России баллада с разнообразными запевами в разных регионах. Запев о волках характерен для некоторых районов Русского Севера (ср. вариант № 10).

10. Казак жену губил (вариант). Зап. в с. Подпорожье Кокоринского с/с Онежского района от А. С. Поповой, 70 л., А. Кулагиной.

1970. Колл. К. Т. 2. № 68.

См.: № 9.

11. Князь Михайла. Зап. в д. Ёркино Кушкопальского с/с Пинежского района от Ф. А. Пospelовой, 70 л., Л. Падалко и Т. Шмелевой.

1971. П. 1. Т. 6. № 108.

Публикуемый вариант близок к мезенскому в сборнике Балашова (см.: Балашов, с. 57—61).

12. Рябинка. Зап. в д. Погост Ошевенского куста Плесецкого района от А. М. Дружининой, 73 л., Г. Григорьевой, Н. Карцевой.

1959. П. 3. Т. 25. № 3.

Мотив обращения в дерево — один из самых древнейших в мировой поэзии. Мать, обращая сноху в дерево, руками сына хочет погубить ее. В публикуемом варианте вина ее усугубляется тем, что вместе со снохой гибнут два нерожденных чудесных младенца, у которых "по коленушкам да ножки в золоте, а по локоточикам да ручки в серебре, да во лбу у них красно солнышко, да во косицушках да мелки звездочки, а во затылочках да светлы месяцы".

13. Князь и старицы. Зап. в д. Нижмозеро Онежского района от П. Е. Мосеевой, 79 л., А. Налепиным и Н. Сигановой.

1966. П. 1. Т. 14. № 70. Л. 149.

Сюжет публикуемой северной версии известен всем восточным славянам. Этот вариант отличается от записанного в Поморье (см.: Балашов, с. 61—63) рядом деталей, в том числе тем, что изменен огромный разрыв в возрасте (в сборнике Балашова князю девятино лет, а княгине девять): князю — двенадцать, а княгине — девять лет. В варианте Балашова убитую княгиню старицы оживляют живой водой, а в нашем варианте князь лишь помышляет о такой возможности и казнит стариц.

14. Оклеветанная жена. Зап. в д. Малое Конёво Каргопольского района от Е. Я. Плоткиной, 80 л., Т. Николаевой и Л. Коневец.

1963. ФЭ 06:0034.

Поздняя версия старинной баллады об оклеветанной жене. Осо-

бенности старейшей версии (клеветница — мать, упреки в нанесении ущерба хозяйству) сочетаются с новейшими привнесениями (в том числе намеками на супружескую измену). Трагическая вина мужа усугубляется здесь тем, что, в гневе, убив жену, он подсчитывает сроки рождения сына и убеждается в том, что это его ребенок и жена оклеветана.

15. Федор и Марфа. Зап. в д. Шардомень Карпогорского с/с Пинежского района от И. А. Чемакиной, 53 л., Н. Савушкиной. 1971. П. 1. Т. 3. № 196.

Публикуемый вариант близок к новгородской записи Е. Линевой (см.: Балашов, с. 172—174). Различаются финальные эпизоды. Вариант Линевой завершается жуткой натуралистической картиной последствий расправы в бане. В нашем варианте за этим эпизодом следует финальная сцена разоблачения убийцы, везущего "мясо" на базар, дядей убитой Марфы и заключения злодея в тюрьму.

16. Муж-солдат в гостях у жены. Зап. в д. Шотогорка Шотогорского с/с Пинежского района от И. П. Подшивалова, 85 л., и И. О. Подшиваловой, 76 л., М. Беловой и Е. Гиноман.

1971. П. 1. Т. 12. № 89.

Баллада широко известна в России. Несмотря на некоторые отличия нашего варианта от саратовской записи, в сборнике Балашова (см.: Балашов, с. 163—165), совпадает количество солдат, напрашивающихся на ночлег, правда, варьируются пешеходы и конные: в саратовском варианте — "Полтора ста нас на конях, полтретья ста пешеходов", а у нас — "Ой, полтора ста нас было пешеходов, ой, полтретья ста было все на конях". Детально совпадают и приметы, по которым вдова узнает мужа: в кивере платочек, в нем узелочек, в узелочке перстенечек, которым они обручались и венчались.

17. Братья-разбойники и сестра. Зап. в д. Глушево Климовского с/с Плещеевского района от М. О. Глушевой, 53 л., Г. Григорьевой. 1959. П. 3. Т. 26. № 9.

Баллады с этим сюжетом известны у всех восточных славян. Публикуемая версия относится к северному типу ("Моряночка"). Имя Олисафия встречается в духовных стихах о Егории, под влиянием которых, возможно, оно попало в эту балладу (обычно сестра разбойников безымянна или ее называют "Моряночкой", т. е. вышедшей замуж за Морянина, живущего за морем).

18. Жена разбойника. Зап. в д. Шахта Чакольского с/с Пинежского района от Лукерьи Афанасьевны (фамилия не указана собирателями), 58 л., М. Беловой и Е. Гиноман.

1971. П. 1. Т. 11. № 150.

Баллада широко распространена почти по всей территории России. В нашем варианте девушку выдают замуж за разбойника по воле отца (в других вариантах ее отдают по воле родителей или по ее собственному желанию). Трагический конфликт состоит в том,

что разбойник по незнанию убивает кого-то из членов своей семьи: в вариантах сборника Балашова — шурина (ср.: Балашов, с. 128—129), тестя и тещу (с. 129—130). В нашем сюжете он убивает троих: тестя, шурина и "дружка любезного" жены.

19. Дети вдовы. Зап. в д. Нижмозеро Онежского района от П. Е. Мосеевой, 79 л., А. Налепиным и Н. Сигановой.

1966. П. 1. Т. 14. № 69.

Мотив инцеста (кровосмешения) матери и сына или сестры и брата (совершившегося либо предотвращенного) известен балладам и трагедиям многих народов мира, в том числе почти всем славянским народам. В нашем варианте, перекликающемся с поморским (Балашов, с. 135—136), речь идет о матери — сыне, сестре — брате. Инцест не состоялся, так как они узнают друг друга по приметам: корабли, на которых приплыли сыновья, сделаны из "дощёчек", якоря — из "гвоздечиков", паруса — из "пелёночек" (поморский вариант) либо из "дощёчинок дубовых" (корабли) и "пелёночек полотняных" (паруса) в нашем варианте.

20. Палаша. Зап. в д. Сельский Бор Чекуевского с/с Онежского района от П. И. Поповой, 65 л., Т. Рютиной и Н. Ивановой.

1965. П. ., Т. 39. № 4.

Публикуемый вариант перекликается с записанным в Орловской губернии текстом "Параня" (Балашов, с. 161—162). В некоторых вариантах поступок "сукина сына Ванюши" объясняется тем, что родные Парани отказались выдать ее замуж за него. В балладе "Параня" в сборнике Балашова мотивировка убийства раскрывается в финальном монологе раскаяния: "Не досталась Параня ни мне, никому, ни злодею моему". В нашем варианте мотивы убийства неясны.

21. Пропажа дочери вдовы. Зап. в д. Мехреньга Сельцовского с/с Холмогорского района от М. Н. Ермолиной, 69 л., Н. Фадеевой.

1969. П. 2. Т. 36. № 182.

Принадлежит к циклу баллад о похищении девушки, заканчивающихся венчанием (в отличие от цикла, в котором похищенная девушка кончает с собой).

22. Молодец и река Смородина. Зап. в д. Першлахта Коровинского с/с Плесецкого района от П. К. Старицыной, 60 л., Ю. Смирновым.

1958. П. 3. Т. 6. № 18.

Конфликт публикуемой баллады отличается от конфликта баллады из сборника Кирши Данилова (см.: Балашов, с. 213—216). В сборнике Кирши Данилова река губит молодца из-за его похвальбы, он "не выдерживает проверки делом" (Балашов, с. 409). В нашем варианте молодца женят на богатой, но нелюбимой девушке. С горя он напивается, и "река берет его", он тонет.

23. Непростимый грех. Зап. в д. Нижмозеро Онежского района от П. Е. Мосеевой, 79 л., А. Налепиным и Н. Сигановой.

1966. П. 1. Т. 14. № 66.

Публикуемый вариант полнее терского северного варианта (Балашов, с. 233). В стилистике нашего варианта есть черты былинного эпоса (эпизод похвалы на пиру) и духовных стихов (сцена покаяния). Как и в варианте Терского берега, молодец кается за то, что "бранил отца да с родной матерью", жил с крестовой кумой и прижил отрока, убил крестового брата. Последний грех оказывается самым тяжким и непростимым, так как крестовое братство считается самым важным, еще более крепким, чем кровное.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. Прекрасный Осип. Зап. в 1959 г. в д. Самково Приозерного района от К. А. Шумиловой, 51 г., Ю. Новиковым и Ю. Смирновым.

ФЭ 03:7433—7435.

В основе сюжета лежит ветхозаветное предание об Иосифе, младшем сыне Иакова. Публикуемый текст исполнен не до конца. (ср.: Селиванов, № 5, с. 44-58).

2. Сон Богородицы. Зап. в с. Веркола Пинежского района от М. С. Сидоровой, 70 л., Н. Савушкиной.

ФЭ 08:7852—7858.

3. Вознесение Христа. Зап. в 1951 г. в колхозе "Рассвет Севера" (названия села или деревни нет) Холмогорского района от Е. Ф. Кавадеевой, 50 л.

ФЭ 01:0829.

Публикуемый вариант близок к помещенному в сборнике Селиванова (Селиванов, № 21, с. 83-84).

4. Егорий и Олисафия. Зап. в 1959 г. в с. Коровино Приозерного района от П. С. Артемьевой, 70 л., Ю. Новиковым и Ю. Смирновым.

ФЭ 03:7160—7164.

5. Егорий Храбрый. Зап. в 1958 г. в д. Спицыно Коровинского с/с Плесецкого района от Н. П. Сидоровой, 52 л., А. Грибановым.

ФЭ 03:0780—0783.

В записи собирателей разноречив в названии царства: Рахманьское и Рахлимьское. В результате унификации оставляем более часто встречающийся вариант.

6. Алексей, Божий человек. Зап. в пос. Самково Каргопольского района от Я. С. Елисеева, 71 г., И. Носковой.

1962. П. 4. Т. 25. № 16.

Название Едеса (Эдесса — столица Эдесского царства во II в. до н. э. — III в. н. э., современный г. Урфа на юго-востоке Турции) собиратель в рукописи обозначает двояко: једеса и јидеса.

Этот стих наиболее популярен в нашем народе, которому близки аскетизм и духовность святых подвижников.

7. Пятница и Пустынник. Зап. в 1963 г. в д. Марковской

Каргопольского района от А. А. Мальцевой, 67 л., О. Видовой.

ФЭ 04:9510—9511.

В рукописи название стиха "Трудник". Он близок к опубликованному в сборнике Селиванова новгородскому варианту (см.: Селиванов, № 51, с. 179-180). Языческая Пятница в народном быту соединилась с христианской святой Параскевой (Параскева-Пятница).

8. О святой пустыне. Зап. в 1971 г. в с. Гора Пинежского района от А. П. Филиной, 68 л., Е. Кривенковой и Т. Орловой.

9. Два Лазаря. Зап. в 1963 г. в д. Марковская Каргопольского района от А. А. Мальцевой, 67 л., О. Видовой.

ФЭ 04:9515—9518.

Публикуемый вариант близок к пудожскому (Балашов, с. 227 — 228). Этот стих восходит к притче о богатом Лазаре, равнодушном к страданиям бедных людей. Народ усугубил вину черствого Лазаря, сделав другого, бедного Лазаря, его родным братом. Попавшему в ад богачу бедный Лазарь дает суровую отповедь, упрекая его за несправедливое поведение в миру.

10. Михаил Архангел. Зап. в 1963 г. в д. Горки Каргопольского района от М. М. Оводовой, 78 л., Ю. Кругловым.

ФЭ 04:9549.

Название горы Синеокская — искажение или переосмысление названия Сионская. (Сост.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Азбелев С. Н. Неопубликованные записи былин // РФ: Фольклор и историческая действительность.— Л.: Наука, 1981.— Т. XX.— С. 162—193.

2. Названия текстов даны составителями раздела с учетом общепринятых в эпосоведении.

СПИСОК АРХАИЗМОВ, ДИАЛЕКТНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ*

Архангелы — ангелы высшего чина.

Бажонный — ласковое обращение старого человека к молодому.

Белояровая (пшеница) — светлая, отборная, лучшего сорта.

Булатный — сделанный из старинной узорчатой азиатской стали.

Бурластый — пятнистый.

Вельми, вельно — очень, весьма.

Взапряку — совестно.

Вица — прут, розга.

Вран — ворон.

Выть — один прием пищи или пища, которую съедает человек за один раз.

Граять — каркать.

Гридня — помещение в княжеском дворце, где жила дружина.

Гуня — ветхая одежда, крытая холстом.

Есаул — помощник атамана, офицерский чин у казаков.

Ендова — сосуд для разливания напитков.

Жаровый — высокоствольный.

Живот — богатство, имущество.

Имать — ловить.

Исплечиться — вывернуться.

Келиться — начинать болеть.

Кивер — военный головной убор без полей с высокой тульей.

Клеть — кладовая.

Колода — гроб, сделанный из цельного дерева.

Косица — висок.

Крестовые братья, сестры — поменявшиеся крестами в знак дружбы.

Купавый, купавный — красивый.

Кутырь — обжора.

* В словаре приводятся лишь те значения, в которых данные слова употребляются в текстах сборника.

Лежня, ложня — спальня.

Ложничать — лежать в постели.

Матица — срединная поточная балка.

Медвяный — сделанный из меда.

Мизенок — мизинец.

Мурава — молодая трава.

Наволоок — мыс, поросший лесом.

Накрюки — настезь.

Ободверина — косяк у двери.

Околёнка — окно, оконная рама со стеклами.

Орда — земля, сторона.

Палица — боевая булава, дубина с тяжелым корневищем.

Переный — окруженный перилами.

Пещерский — живущий в норе.

Поранё, порато — очень.

Порной — сильный.

Порозный — пустой.

Полсть — теплая подстилка, дорожный ковер.

Потужчик, потужник — тот, кто много тужит.

Просвирка — просфора, культовый пресной хлебец, употребляемый в православном богослужении.

Пуд — старинная мера веса (около 16 кг).

Рогатина — воинское оружие в виде короткого копья.

Руда — кровь.

Сажень — старинная русская мера, 2,134 м.

Сарацинские, Сорочинские (горы) — арабские.

Сафьян — козловая кожа высокого качества.

Серафимы — ангелы, постоянно прославляющие Бога своим пением.

Сотолкучие (горы) — крутые, непроходимые.

Старец, старица — монах, монахиня, независимо от возраста.

Сыта — вода с медом, разварной мед на воде.

Талан — судьба, участь.

Тасмянный — от "тасма", вышитая бисером лента.

Тоня — одна закидка невода.

Тясяцкий — особенно почитаемый свадебный чин.

Фатера — квартира.

Ундовать — отдыхать.

Халдейский — волшебный, чудесный.

Хвалынское море — Каспийское.

Херувимы — ангелы, особо приближенные к Богу.

Хидный — ехидный.

Хобот — хвост.

Черевья — внутренности.

Черень — черенок.

Черканьское седло — черкесское.

Черлениый, червлениый — багряный, ярко-красный.

Чоботы — башмаки.

Шесток — предпечье, площадка перед устьем печи.

Щап — щеголь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АОИРС** — Архангельское общество изучения Русского Севера.
- Б, Балашов** — Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. Общ. ред. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1963.
- Гусев** — Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., биограф. справки, сост., подгот. текстов и примеч. В. Е. Гусева. — Л.: Сов. писатель, 1988 (Библиотека поэта. Большая серия).
- Елеонская** — Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. — М., 1914.
- Ефименко** — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. — Кн. 5. — М., 1978. — Вып. 2.
- ИРЛИ** — Институт русской литературы РАН.
- Кирша Данилов** — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Отв. ред. Д. С. Лихачев. — М.; Л., 1958.
- КНИЦ** — Карельский научный центр.
- Колл. Гулыги** — рукописная коллекция Е. А. Гулыги.
- Колл. К.** — рукописная коллекция А. В. Кулагиной.
- Л. А.** — личный архив Н. В. Дранниковой.
- Лазутин** — Воронежские народные песни: Сб. фольклорных записей студентов / Под ред. С. Г. Лазутина. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961.
- Леонтьев** — Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н. П. Леонтьев. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979.
- Марков** — Беломорские былины / Зап. А. Марковым, с предисл. проф. В. Ф. Миллера. — М., 1901.
- МГУ, ФЭ, ФП** — Фольклорный архив кафедры русского устного народного творчества (материалы фольклорных экспедиций и фольклорных практик) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- Миллер** — Былины новой и недавней записи из разных областей России / Под ред. В. Ф. Миллера. — М., 1908.
- ММБ, П** — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. — Ч. II: Терский берег Белого

моря // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при ЭО ОЛЕАЭ. — М., 1911.

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук.

П — папка.

РГО — Русское географическое общество.

Рождественская — У Белого моря: Народные песни и сказы // Сб. Н. Рождественской. — Архангельск, 1958.

Рождественская, Жислина — Русские частушки / Предисл. и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. — М.: Гослитиздат, 1956.

РФ — Русский фольклор: Материалы и исследования (Пушкинский Дом).

Селиванов — Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Ф. М. Селиванова. — М., 1991.

Симаков — Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. — Ярославль, 1913.

Собир. — собиратель.

Соколов-Чичеров — Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. — М., 1948.

Сост. — составитель.

Т. — тетрадь.

Ф — фонд.

Элиасов — Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярнеский. Вступ. ст. Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	<i>Дранникова Н. В.</i> (Архангельск), <i>Разумова И. А.</i> (Петрозаводск) Собирание фольклора Архангельской области на протяжении XIX — XX вв.	5
2.	<i>Кулагина А. В.</i> (Москва) Экспедиционная работа фольклористов Московского университета в Архангельской области	19
3.	Астафьева Л. А. (Москва) Записи А. В. Маркова на Терском берегу Белого моря	26
4.	<i>Кулагина А. В.</i> (Москва) Современное состояние баллады	39
5.	<i>Дранникова Н. В.</i> (Архангельск) Частушка на Севере. Проблемы генезиса и жанровой специфики	62

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ / Сост. А. В. Кулагиной и Н. В. Дранниковой; подгот. текстов и коммент. А. В. Калугиной. Диалектологическое редактирование А. В. Волынской. Словарь Н. В. Дранниковой.	83
--	----

БЫЛИНЫ

1.	Илья и Идолище	86
2.	Илья и Нахвальщик	89
3.	Три поездки Ильи Муромца	91
4.	Добрынюшка	94
5.	Добрыня Никитич (Дюк Степанович)	96
6.	Иван Гостиный сын	100
7.	Дунай Иванович	104
8.	Чурила и Катерина	105

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1.	Иван Грозный и сын	110
2.	Кутузов призывает солдат победить французов (Запала Расеюшка)	113

3. Платов в гостях у француза	114
4. Смерть Александра I	116
5. Поход в Польшу в 1831 г.	117

БАЛЛАДЫ

1. Василий и Софья	120
2. Дмитрий и Домна	121
3. Молодец и королевна	124
4. Матрос снастит корабли	125
5. Во поле корчма	127
6. Насильный постриг	128
7. Злые коренья	129
8. Князь Роман жену терял	130
9. Казак жену губил	131
10. Казак жену губил (вариант)	133
11. Князь Михайла	134
12. Рябинка	137
13. Князь и старицы	139
14. Оклеветанная жена	140
15. Федор и Марфа	142
16. Муж-солдат в гостях у жены	143
17. Братья-разбойники и сестра	145
18. Жена разбойника	146
19. Дети вдовы	147
20. Палаша	148
21. Пропажа дочери вдовы	149
22. Молодец и река Смородина	149
23. Непростимый грех	150

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. Прекрасный Осип	154
2. Сон Богородицы	155
3. Вознесение Христа	156
4. Егорий и Олисафия	157
5. Егорий Храбрый	159
6. Алексей, Божий человек	165
7. Пятница и пустынник	169
8. О святой пустыне	170
9. Два Лазаря	170
10. Михаил Архангел	172

КОММЕНТАРИИ	173
ПРИМЕЧАНИЯ	181
СПИСОК АРХАИЗМОВ, ДИАЛЕКТНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	182
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	185
ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ	187